

А. А. Донсков (Ред.)

Л. Н. Толстой и Т. М. Бондарев
Переписка

1885-1898

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“
der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch
den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen,
insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages
unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH.

ISBN 3-87690-635-0

©

**by Verlag Otto Sagner, München 1996.
Abteilung der Firma Kubon & Sagner,
Buchexport/import GmbH, München
Offsetdruck: Kurt Urlaub, Bamberg**

96 17 87690

Vorträge und Abhandlungen
zur
Slavistik

herausgegeben von Peter Thiergen (Bamberg)

Band 29

1996

VERLAG OTTO SAGNER * MÜNCHEN

**Л. Н. Толстой
И
Т. М. Бондарев**

Переписка

**Составитель и редактор:
А. А. Донсков**

96.
33601

Торжество земледѣльца
ИЛИ
Трудолюбіе и Мужество.

СОЧИНЕНІЕ
крестьянина Т. БОНДАРЕВА.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
Льва Ник. ТОЛСТОГО.

Издание „Посредника“.

№ 597.

1908.

Обложка издания «Посредником» сочинения Т. М. Бондарева

Содержание

Вступительные замечания	ix
Л. Н. Толстой и крестьянский мыслитель Т. М. Бондарев <i>А. А. Донсков.</i>	1

ПИСЬМА 1885-1898

1. Л. Н. Толстой – Т. М. Бондареву. 15–20 июля 1885 г.	19
2. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. Октябрь 1885 г.	21
3. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 1 декабря 1885 г.	26
4. Л. Н. Толстой – Т. М. Бондареву. 9 февраля 1886 г.	29
5. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 1-я пол. фев. 1886 г.	32
6. Л. Н. Толстой – Т. М. Бондареву. 26 марта 1886 г.	33
7. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. Апрель [?] 1886 г.	35
8. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 23 июля 1886 г.	40
9. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 1886 г.	42
10. Л. Н. Толстой – Т. М. Бондареву. 12 февраля 1887 г.	44
11. Л. Н. Толстой – Т. М. Бондареву. 4 августа 1887 г.	46
12. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. Конец июля 1888 г.	48
13. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 1888–1889 гг.	49
14. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 1889 г.	51
15. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 20 ноября 1889 г.	53

16. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 1890 г.	56
17. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 9 мая 1891 г.	66
18. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 9 сентября 1891 г.	69
19. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 28 февраля 1892 г.	72
20. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 1 октября 1893 г.	74
21. Л. Н. Толстой – Т. М. Бондареву. 3 декабря 1893 г.	79
22. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 30 апреля 1894 г.	81
23. Л. Н. Толстой – Т. М. Бондареву. 23 июня 1894 г.	87
24. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 31 августа 1894 г.	89
25. Л. Н. Толстой – Т. М. Бондареву. 25 августа 1895 г.	93
26. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 30 марта 1896 г.	94
27. Л. Н. Толстой – Т. М. Бондареву. 23 мая 1896 г.	100
28. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 12 августа 1896 г.	102
29. Л. Н. Толстой – Т. М. Бондареву. 12 ноября 1896 г.	112
30. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 28 декабря 1896 г.	114
31. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. Начало июля 1897 г.	118
32. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 23 ноября 1897 г.	122
33. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому. 15 августа 1898 г.	127
34. Л. Н. Толстой – Т. М. Бондареву. 11 сентября 1898 г.	129

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Т. М. Бондарев – Г. И. Успенскому. 1891–1892 гг. [?]	133
2. Т. М. Бондарев – Г. И. Успенскому. 1892–1893 гг. [?]	136

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

140

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Настоящий сборник «Л. Н. Толстой—Т. М. Бондарев: Переписка» содержит полное собрание ныне известных писем этих двух мыслителей. За исключением нескольких писем Т. М. Бондарева к Л. Н. Толстому, которые были опубликованы мною в журнале «Русская литература» в Санкт-Петербурге, эта имеющая столь важное значение переписка прежде никогда не издавалась.

В Юбилейном издании Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в представленных письмах Л. Н. Толстого к Т. М. Бондареву было обнаружено значительное число неточностей. В настоящее время опущенные места восстановлены, а неточности исправлены. Письма Л. Н. Толстого, будучи дополнены письмами Т. М. Бондарева, приобрели еще большую значимость.

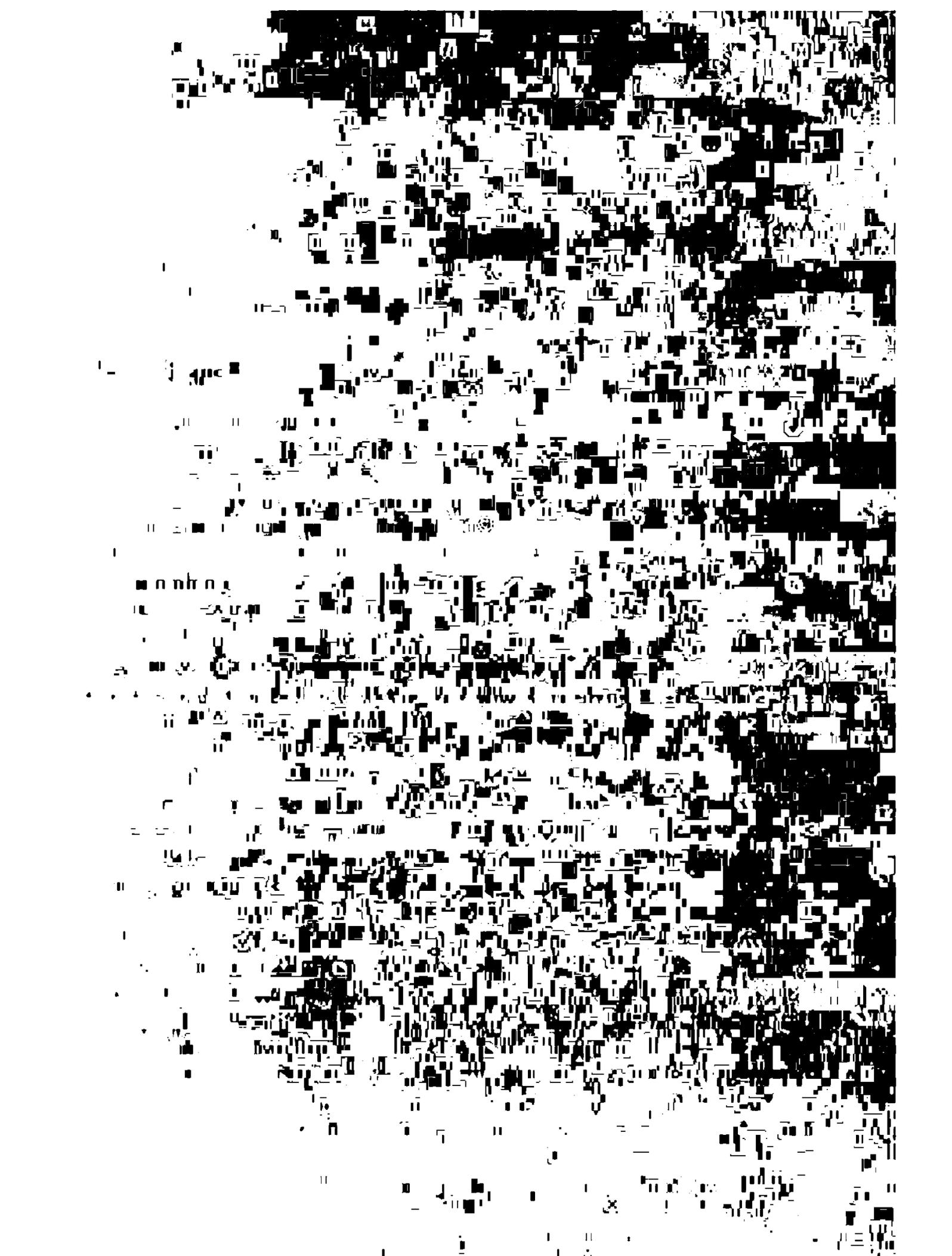
Эта переписка вместе с уже изданной нами перепиской Л. Н. Толстого с П. В. Веригиным и М. П. Новиковым образует своеобразную трилогию — важный, по моему мнению, диалог между Л. Н. Толстым, который на протяжении более 50 лет пытался отыскать смысл жизни в крестьянстве, и тремя крестьянами, многое открывшими ему и, что особенно важно, в плане не поверхностной, а именно глубинной сущности своего класса.

Я хотел бы выразить свою признательность Л. В. Гладковой, которая столь тщательно подготовила текст бондаревских писем, Государственному Музею Л. Н. Толстого в Москве (ГМТ) за предоставленный ценный материал, проф. Л. Д. Громовой-Опульской (ИМЛИ, РАН) и проф. Г. Я. Галаган (ИРЛИ, РАН) за полезные советы и постоянную поддержку.

Я хотел бы также выразить свою благодарность моему коллеге Джону Вудсворту и моим аспирантам-ассистентам А. А. Ключанскому, Л. В. Рыбкиной и В. Фоксу за участие в подготовке данной рукописи.

Апрель 1996 г.

А. А. Донсков
Оттавский университет
Канада

Л. Н. ТОЛСТОЙ И КРЕСТЬЯНСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ Т. М. БОНДАРЕВ

В Библии сказано, как закон человека: «в поте лица снеси хлеб и в муках родиши чада». Мужик Бондарев, написавший об этом статью, осветил для меня мудрость этого изречения. За всю мою жизнь два русских мыслящих человека имели на меня большое нравственное влияние и обогатили мою мысль и уяснили мне мое мирозерцание. Люди эти были не русские поэты, ученые, проповедники, — это были два живущие теперь замечательные человека, оба всю свою жизнь работавшие мужицкую работу, — крестьяне Сютаев и Бондарев¹.

Это несколько категоричное утверждение взято из трактата Л. Н. Толстого «Так что же нам делать?» (1886): речь идет о сочинении русского крестьянина Тимофея Михайловича Бондарева (1820–1898) «Торжество земледельца или трудолюбие и тунеядство»². Основная идея этого сочинения, законченного на

---

¹В. К. Сютаев (1820–1892), крестьянин-мыслитель, единомышленник Л. Н. Толстого, оказавший довольно сильное воздействие на писателя. См. о нем в: А. С. Пругавин, «Алчущие правды», Русская мысль, 1881, кн. XII и Н. И. Пруцков, «Сибирская утопия Т. М. Бондарева «Торжество земледельца» в: Очерки литературы и критики Сибири (XVII–XX вв.), Новосибирск, 1976, С. 132–35 и А. П. Косованов, «Тимофей Бондарев и Лев Толстой», Абакан, 1958, С. 5–8.

²Нам известны сокращенные варианты сочинения Бондарева из публикаций в еженедельнике «Русское дело» (1888, №12–13) с послесловием Толстого. В 1890 г. благодаря содействию Толстого вышел французский перевод «Léon Tolstoï et Timothée Bondareff. Le travail». Traduit du russe par V. Tseytline et A. Pagès. Paris, 1890. Примечательно, что в том же году вышел английский перевод, но не с русского, а с французского перевода Цейтлина и Пажеса (см. *The Suppressed book of the peasant Bondareff. Labour: The Divine command. Made known, augmented and edited by Count Lyof Tolstoï*. Trans. Mary Cruger. Toronto, 1890). Т. М. Бондарев неоднократно жаловался и Л. Н. Толстому, и Г. И. Успенскому на плохой перевод его сочинения (обратный перевод по его просьбе был сделан местным переводчиком) и на многие сокращения. Его рукопись содержала около 200 листов. «Торжество земледельца или

рубеже 70–80 годов, заимствована из «Книги Бытия»: «В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратится в землю, от нея же взят» (III, 19).

Произведение Т. М. Бондарева, над которым он работал свыше пяти лет и которое состоит из 250 вопросов и ответов на них, страстно защищает тезис об обязательном для каждого человека честном крестьянском труде. Бондарев убежден, что люди грешат потому, что не соблюдают это правило, которое он понимал буквально. В его произведении нет поэтизации ни тяжелого труда крестьянина, ни земли, которую он должен обрабатывать, ни природы, с которой он якобы живет в полном единстве, т. е. нет того, что по мнению писателей-народников должно ассоциироваться с идеей земли. Нет там указания и на нравственное совершенствование, на чем так настаивал Л. Н. Толстой; просто он хочет восстановить первородный закон.

Работа Т. М. Бондарева начинается с описания трудностей его жизни. Далее он рисует бедственную картину угнетения деревни, что, по его мнению, и обуславливает обездоленность крестьян. Однако, свой мир, угнетаемый высшим классом, он ставит гораздо выше последнего. Бондарев отмечает, что благосостояние «благородного класса» возрастает пропорционально бедности «униженного класса». В самом начале своего трактата он поднимает два основных вопроса:

Вся моя история состоит только в двух словах: во первых, почему вы («высший класс») по первородной заповеди сами для себя своими руками хлеб не работаете, а чужие труды поедаете? Во-вторых, почему у вас ни в богословских, ни в гражданских и ни в каких писаниях хлебный труд и трудящийся в нем не одобряются, а до нельзя унижаются? («Торжество земледельца или трудолюбие и тунеядство», С. 9)

Невозможно достичь равенства, полагает Бондарев, если каждый человек не добывает себе пропитания своими руками. А если бы дело обстояло таким образом, то все различия между религиями исчезли бы сами собой и на земле была бы только одна религия, объединяющая людей в нерушимое братство.

трудолюбие и тунеядство» также вышло в сокращенном виде в «Посреднике» в 1906 г. Цитаты из «Торжества...», изд. Л. Н. Толстого, указаны в скобках после текста.

Разумеется, он понимает, что при существующих условиях не каждый может быть крестьянином. Однако, он настаивает на том, что как социальные условия, так и нравственность значительно улучшились бы, если бы каждый представитель высшего класса хотя бы 40 дней в году проработал бы на земле, чтобы «самому себе добывать хлеб».

В добавлении к главной «проповеди», в 32-х миниатюрных главах, он продолжает развивать свои основные идеи и вводит понятие (ставшее впоследствии сюжетом нескольких писем, которыми он обменивается с Толстым) о том, что заповедь о труде выше заповеди о любви, что «любовь без труда мертва есть». Приводимая ниже пространная цитата из «Торжества...» типична для аргументации Бондарева:

Вот доказательство тому: похвалу любви к ближнему на всяком шагу, во всех писаниях я встречал. Любовь во всех верах и народах, и даже самых дикарей превозносят; любовь на всех языках и наречиях хвалят. Любовь во многих пословицах и поговорках величают. От похвалы любви у проповедников уже и языки утомились.

Спрашиваю: есть ли в мире плоды и действия от этих похвал и проповедей о любви к ближнему? Нету. Голодного не накормят, жаждущего не напоят, нагого не оденут, бедному не помогут, вдову не помилуют, сироте добра не сделают и т. д. и т. д.

Почему же это любовь не уважают? Тут ответ коротенький: потому что она великая, но односторонняя добродетель, затем, что труд в себя любовь забрал, а любовь в себя труда не приняла. Любовь без труда, как человек без головы, мертва есть. Вот почему любовь односторонняя добродетель.

Для большего и вернейшего доказательства вышесказаного я приведу пример такой, — вот он: уничтожь и сгладь все те места в писании, которые направлены на утверждение любви к ближнему, а на местах тех пробелов поставь разъяснение этого закона, то есть «в поте лица твоего снеси хлеб твой». А о любви не говори не слова, а доведи до сведения всякого человека, — тогда в короткое время, даже в один день, почувствует всякий человек невольное влечение к любви к ближнему своему, потому что коренной дом учительства ее в хлебе да в хлебопашце. А праздность и роскошь, напротив того, главнейший враг и недоброжелатели ее, этой любви к ближнему.

И так, прошу вас читатели, затвердите вы это слово на памяти и запишите его на скрижалях сердца своего, что труд, происходящий в честь этого закона, голова любви. Этот труд силен без

любви, т. е. не проповедававши любовь, силен есть поставить все-ленную на высшую степень достоинства пред Богом, а любовь без труда не сильна это сделать, как мы уже выше говорили, потому что истинная и нелицемерная любовь в труде скрыта, а без труда любовь мертва есть (ближнего любить и уважать, а хлеба его трудов туне есть). Я выше говорил и опять говорю, что проповедники изнемогли от вопля, засохла гортань их, заболели языки, проповедававши любовь, и сколько с того пользы? Нисколько в мире нету.

Если бы любовь была на свете, то отдали бы 24 миллиона людей под неограченную власть помещикам, как это недавно было у нас? Если бы любовь была, то отдали бы плодородную землю белоручкам, — это тем же помещикам, — в вечное владение, тогда как люди, а еще уязвительнее представить — маленькие дети, на один шаг от голодной смерти за недостатком земли. А помещики эти свою собственную землю (которую они еще при создании неба и земли, кроме Бога, сами должно сотворили, почему и называют ее собственностью) этим бедным людям за дорогую цену продают, а деньги в карты проигрывают, да еще куда то да на что то расходуют. Вот насколько велика ваша любовь к ближнему!

«Дах вам», — сказал Бог в день шестой творения своего [:] «дах вам всякое семя сеющее». Вселенная же вся не повинуется приказу его, сеять не хочет, а свалила эту тяжкую работу на руки того бедного человека, который не в силах стать в защиту сам себе. И хлебородную землю от него отобрала и на вечное время белоручкам отдала и его собственностью наименовала, то есть тому человеку, который вечно ничего не работает. Вот сколько велика ваша любовь к ближнему, которую вы для нас, а не для себя проповедуете.

Не верны ли мои доказательства, что любовь без труда мертва есть, а труд, происходящий в честь этого закона, без любви живой есть. Потому что любовь в труде скрыта: это дом ее, это местожительство ее, любовь без труда, как тело без души. Но только и этот закон живой, но не для всех, а только для тех, которые исполняют волю его; также и для тех, которые от всей души желают исполнять волю его, то есть работать, но нет на то никаких возможностей. Но для лентяев и для лодырей, — он для них, а они для него жертвы есть. А о любви к ближнему тут и говорить нечего. (*«Торжество...», С. 52-53*)

Некоторые работы Бондарева, все еще неопубликованные, находятся в ГМТ в Москве. Например, «Первородное покаяние», «Гордиев узел», «О любви к ближнему от начала века на свете небывалой и не будет», «Спасение от тяжелой нищеты»,

«Памятник» — все они задаются теми же вопросами, которые ставятся и в «Торжестве...», однако их нельзя считать столь же значительными, как основной труд.

Сочинение Т. М. Бондарева поднимает многие спорные вопросы, которыми задавалась интеллигенция в постреформенной России. Корни этих вопросов и их решения следует искать, исходя из этого первородного закона, возвращаясь к его первоначальному виду. Это будет означать восстановление справедливости, нравственности и обретение личного счастья и счастья всех людей.

Как член секты субботников³ (от которых он впоследствии отошел, сохранив свойственную сектантам непримиримость) Бондарев в 1867 г. был сослан в глухую сибирскую деревню на юге Минусинского округа Бейской волости⁴. Приехав туда с женой и детьми, он начал распространять свои идеи о необходимости трудиться на земле, усердно работая над так называемой «проповедью». Жизнь для него была вдвойне сложна. Некоторые крестьяне считали его одержимым идеей-фикс, а образованные люди видели в нем «отщепенца темной среды»; сам он, пытаясь найти примирения с таким положением дел, полагал себя «великим мучеником». Разочарование от отказа властей дать разрешение на публикацию труда всей его жизни и появление в печати (при содействии таких доброжелателей как Глеб Успенский⁵ и Лев Толстой) урезанных отрывков его сочинения усилили чувство одиночества этого физически и

³Бондарев был субботник, а не молоканин, как полагали Толстой и некоторые критики. В XIX веке молокане раскололись на субботников (соблюдавших субботу) и воскресников (почитавших воскресный день). Многие субботники считали себя «Новым Израилем» и отрицали божественную природу Иисуса Христа. Во время военной службы еще до своей ссылки в Сибирь в 1867 г. Бондарев вступил в секту. Над ним был совершен еврейский обряд обрезания, и он принял имя Давида Абрамовича.

⁴Даты биографии см.: И. П. Белокопский, «Тимофей Михайлович Бондарев» в: «На сибирские темы», СПб., 1905, К. Шохор-Троцкий, «Сютаев и Бондарев», Ежегодник Толстовского музея, 1913 и Н. Н. Гусев, «Толстой и крестьянин Т. М. Бондарев (1885–1898)» в: «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год», Москва, 1970, С. 428–450.

⁵Об отношении Т. М. Бондарева с Г. И. Успенским см.: Н. И. Пруцков, «Сибирская утопия Т. М. Бондарева...», С. 132–141.

нравственно уже подорванного человека. «Торжество земледельца или трудолюбие и тунеядство» все еще ждет своей публикации в полном объеме.

Период после освобождения крестьян в 1861 г. был очень бурным. В это беспокойное время многие видные русские писатели подверглись жестоким нападкам критиков социального направления, которые не находили в их произведениях социальной и нравственной пользы⁶. Вполне обоснованное на первый взгляд движение «хождения в народ» в 1874 г., главной целью которого была просветительская деятельность, ясно показало, что прогрессивные круги Российской Империи утратили чувство реальности и духовную связь со своим народом. Чем больше образованные классы подражали западным образцам, чем больше отрывались они от народа, тем глубже становилась пропасть между высшим и низшим сословиями. Во «Власти земли» (1882) Глеб Успенский, например, подробно останавливается на трагическом ощущении опустошенности, возникающем от понимания того, что в России все еще отсутствуют истинные социальные предпосылки для свободного развития личности.

После того как некоторые избавившиеся от иллюзий представители радикальной молодежи перешли к террористическим актам, приведшим к убийству в 1881 г. Александра II (которого многие называли царем-освободителем), политика правительства изменилась, что вылилось в немедленное издание законов репрессивного характера. Преследование как политических, так и любых других диссидентов стало обычным явлением.

Утрата социальных и политических иллюзий неизбежно повлекла за собой разочарованность Православной Церковью. Во второй половине XIX века все большее число неконформистов как из высшего, так и из низшего классов обратились к сектантам или к иностранным толкователям Евангелия⁷.

---

⁶См.: E. Heier, *Religious schism in the Russian aristocracy 1860–1900: Radstockism and Pashkovism*. The Hague, 1970, С. 1–21.

⁷См.: Б. Бонч-Бруевич, «Сектантство в освободительную эпоху» в: «Из мира сектантов», Москва, 1922, С. 24–35; Л. Д. Громова-Опульская, «Л. Н. Толстой и П. В. Веригин: переписка», под ред. А. Донскова, СПб., 1995; Donald W. Treadgold, 'The Peasant and religion' in *The Peasant in nineteenth-century Russia*, ed. Wayne S. Vucinich, California, 1968, С. 81–97.

Такова вкратце была атмосфера в России, когда у Л. Н. Толстого после окончания «Анны Карениной» наступил период, которому критики присвоили название «духовного кризиса». Сам писатель проливает на него свет в своей «Исповеди» (1882). Какой бы запутанной, однако, ни была эта его «новонайденная» вера, она последовательно включала в себя и его собственные представления о жизни, долге, вере, и философию хлебопашцев⁸, а также таких крестьян-мыслителей как М. П. Новиков⁹, П. В. Веригин, В. К. Сютяев и Т. М. Бондарев.

---

⁸В моем исследовании о месте крестьянства в философии Толстого — 'The Peasant in Tolstoy's Thought and Writings', *Canadian Slavonic Papers*, Vol. XXI, No 2 (1979), С. 183–196, я высказал мысль о том, что в произведениях Толстого откровение нисходит на героев в наиболее острые моменты душевного страдания. Это духовное прозрение наступает при встрече с крестьянином, образ которого несет в себе не столько личностную нагрузку, сколько выступает как символ олицетворяемых им качеств. Эти откровения делают образ мыслящего героя еще более полным и законченным. В произведениях Л. Н. Толстого схематично можно выделить ряд следующих сюжетных и смысловых пересечений: Оленин/Ерошка («Казачьи», хотя, строго говоря, это другая категория), Пьер/Каратаев («Война и Мир»), Левин/крестьяне, Платон («Анна Каренина»), Иван Ильич/Герасим («Смерть Ивана Ильича»), Никита/Аким («Власть тьмы»), Василий/Никита («Хозяин и работник») и т. д. Хотя две последние работы несколько отличаются от остальных, здесь также крестьянин в самый критический момент приходит на помощь главному герою. Далее я утверждал, что вплоть до 80-ых годов крестьяне в произведениях Толстого исполняли прежде всего вспомогательную роль для аристократических персонажей, они были символами искренности, простоты и естественности. После так называемого «духовного перелома» появляется все больше работ, в которых сами крестьяне учатся у себе подобных или приходят к определенным выводам, в основе которых лежит заранее намеченная автором идея. Из простого назидательного примера — концепции для аристократии, а позднее и для самих крестьян образы крестьянских героев Толстого вырастают в прием-способ носителей идеи, которые, по мысли Толстого, способны благотворно повлиять на каждого человека. См. также: Andrew Donskov, 'Tolstoy's Peasant Plays — the Peasant as Natural Educator' in: *The Changing image of the peasant in nineteenth-century Russian drama*, Helsinki, 1972, С. 117–159.

⁹М. П. Новиков (1871–1939), тульский крестьянин, единомышленник Л. Н. Толстого, долгое время переписывался с Л. Н. Толстым. См. замечательную работу Л. В. Гладковой, «М. П. Новиков» в: «Октябрь», №9, 1994, С.

Л. Н. Толстой проявил интерес к работам Т. М. Бондарева и, что вообще было ему несвойственно, первым обратился к этому человеку. Их переписка продолжалась около 13 лет, начиная с первого письма Толстого к Бондареву в 1885 г. После статьи Г. И. Успенского «Трудами рук своих» (1884)¹⁰, которая была написана, в частности, под влиянием сочинения Бондарева, Толстой особенно заинтересовался Бондаревым и его работой «Торжество земледельца или трудолюбие и тунеядство», и обратился с запросом в Минусинский музей с просьбой выслать ему копию рукописи. Получив ее от некоего В. С. Лебедева, Л. Н. Толстой отмечает в своем письме к нему:

Вчера я прочел эту рукопись в своем семейном кругу, и все встали после чтения молча и пристыженные разошлись. Все это как будто знакомо, но никогда не было так просто и ясно выражено, без того лишнего, что невольно входит в наши интеллигентные рассуждения.

Очень, очень вам благодарен за сообщение мне этой рукописи; она произвела на меня большое впечатление и будет иметь на мои работы большое влияние... Я хочу написать ему, но если не напишу, то скажите ему, что есть человек — я — совершенно, без всяких оговорок согласный с его учением и желающий посвятить остаток своей жизни на то, чтобы убедить в ней людей и словами и делом¹¹.

В тот же день он сообщает Л. Д. Урусову о своем впечатлении от сочинения Т. М. Бондарева: «Удивительно сильно. Вся наука экономическая ничего подобного не сказала»¹²; и кратко замечает в письме к В. Г. Черткову: «Удивительно верно и сильно»¹³. С этого момента Л. Н. Толстой прилагает все усилия, чтобы опубликовать сочинение Т. М. Бондарева¹⁴, содейст-

155–190. См. также: А. А. Донсков, «Л. Н. Толстой и М. П. Новиков. Переписка», Мюнхен, 1996.

¹⁰См.: Пруцков, «Сибирская утопия Т. М. Бондарева «Торжество земледельца», С. 136–137.

¹¹Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений (Юбилейное изд.), Т. 90, С. 257.

¹²Там же, Т. 63, С. 275.

¹³Там же, Т. 85, С. 242.

¹⁴Толстой прикладывал большие усилия для распространения и опубликования сочинения Бондарева. В письме к Бондареву от 1–20 (?) марта

вует его распространению и использует его в своих собственных работах, так же как и свою переписку с Бондаревым, которая длилась до смерти последнего в 1898 г. Хотя некоторые из писем обоих корреспондентов утрачены, нам все же известны 11 писем Л. Н. Толстого к Т. М. Бондареву и 23 письма Т. М. Бондарева к Л. Н. Толстому.

Вся 13-летняя переписка пронизана взаимным чувством любви и уважения друг к другу. («В целом мире и во всем свете один только искренний друг мой Лев Николаевич» — 1 декабря 1885 г.; «Единственный в целом мире друг души и сердцу моему Лев Николаевич» — 9 сентября 1891 г.; «.. душа души моей Лев Николаевич» — 31 августа 1891 г.; «Письмо твое — проще и приличнее нам, старикам, писать друг другу ты, а не вы...» — 25 августа 1895 г.; «Уважаемый друг и брат Тимофей Михайлович» — 1-20 (?) марта 1886 г.; «Дорогой друг Тимофей Михайлович» — 19-26 августа 1895 г.; «Братски целую тебя, Лев Толстой» — 12 ноября 1896 г.).

Л. Н. Толстой посвятил Т. М. Бондареву две статьи: «Трудолюбие или торжество земледельца» (см. ПСС, Т. 25, С. 463-475 и варианты, С. 656-658) и «О Т. М. Бондареве. Для словаря С. А. Венгерова» (ПСС, Т. 31, С. 69-71). Целый ряд записей в дневнике писателя, частые ссылки на его работы в переписке Л. Н. Толстого с русскими писателями и, наконец, его многочисленные ходатайства перед правительственными чиновниками о помощи Т. М. Бондареву — все это свидетельствует о постоянном и серьезном интересе Л. Н. Толстого к этому крестьянину-единомышленнику.

Вот некоторые выписки из дневника и писем Толстого:

1886 г. он пишет: «Вашу проповедь я списал для многих моих друзей... С нынешней почтой пошлю в Петербург, в журнал «Русское Богатство», и приложу все старание, чтобы она была отпечатана так, как вы хотите, без всякого приложения и отнятия» (Т.63, С. 332). 26 марта того же года — «я часто читаю вашу рукопись моим знакомым». Сохранилось еще письмо Л. Н. Толстого, относящееся к августу 1887 г. (опубликовано в: «Яснополянский сборник», 1968, С. 176-77), из которого явствует, что Толстой отредактировал (сделал перестановки) сочинение «Торжество земледельца или трудолюбие и тунеядство», прежде чем передать рукопись известному богачу К. М. Сибирякову, давшему средства на заграничную публикацию. За предоставление приведенных выше данных приношу благодарность Л. Д. Громовой-Опульской.

- Вчера после вашего отъезда я решил отдать перевести статью Бондарева по-английски... Попросите Семейского прислать мне исправленный экз[емпляр] Бондарева для перевода». (К П. И. Бирюкову, 2 февраля 1888 г.)

- Бондарева хотел напечатать в «Русск[ом] деле», но теперь заробел» (К П. И. Бирюкову, 29 февраля 1888 г.)

- ...очень рад ... тому, что вы так верно поняли смысл статьи Бондарева и так приняли ее к сердцу. (К С. Т. Семенову, 2 июня 1888 г.)

- Третьего дня получил из Парижа перевод Бондарева статьи с моим предисловием и предисловием переводчика под заглавием Le Travail. Очень хорошая вышла книга и, думается, может быть на пользу людям. (К Г. А. Русанову, 30 июня 1890 г.)

- Le Travail Бондарева. Прекрасная книга. (Дневник, 29 июня 1890 г.)

- ...есть такое общество в Америке против земельной собственности и за организацию труда, с вопросами и выражениями сочувствия книге Бондарева. (К Н. Н. Ге[сыну], 22 февраля 1891 г.)

- Votre appréciation de Bondareff est tout à fait juste. (К Charles Gide, 3 марта 1892 г.)

- Бутурлин взял Бондарева. (Записная книжка, сентябрь 1902 г.)

В данный момент я вижу свою задачу в том, чтобы полностью опубликовать сохранившуюся переписку, дополнив ее кратким критическим анализом отношений двух мыслителей и примечаниями к текстам их писем. Разумеется, письма Л. Н. Толстого уже были опубликованы (но многие с большими неточностями: см. прим. к письму №1), но при представлении их параллельно с письмами Бондарева они приобретут еще больший смысл в силу последовательности и непрерывности диалога двух корреспондентов.

В основе их переписки лежит обсуждение сочинения Бондарева, а также возможности его публикации; наряду с этим затрагивается и широкий круг жгучих социальных проблем и религиозных вопросов.

Л. Н. Толстой согласен с точкой зрения Т. М. Бондарева на коррупцию правительственных чиновников, оба они чрезвычайно критичны в отношении высших классов, оба осуждают ограни-

ченность и нетерпимость церковных властей, оба открыто выступают против милитаризма.

Сближает также Л. Н. Толстого и Т. М. Бондарева их общая озабоченность проблемой безземелья крестьян. Л. Н. Толстой давно интересовался этим вопросом как писатель и продолжал заниматься им до конца своей жизни. Вспомним хотя бы его пьесу «Плоды просвещения» (1890), где важность темы безземелья крестьян звучит на протяжении всего произведения эхом от реплики-мольбы 3-го мужика: «Помилосердствуй, отец. Земля наша малая, не то что скотину, — курицу, скажем, и ту выпустить некуда. (Кланяется) Не грехи, отец! (Кланяется)». Об этом «не грехи» и важности земли для крестьян Л. Н. Толстой говорил и в своем письме к Т. М. Бондареву от 23 июня 1894 г., в котором он излагает суть проекта Генри Джорджа об освобождении земли «от ее похитителей, или, скорее, освобождени[и] рабочих от рабства вследствие завладения землею теми, к[оторые] ее не работают...»

В письмах Л. Н. Толстой много раз повторяет, что физический земледельческий труд является необходимым условием для нравственной, счастливой и радостной жизни на земле. Со своей стороны Т. М. Бондарев неоднократно выдвигает идею, что хлебный труд является основным *религиозным* законом жизни. В письмах к Толстому Бондарев предстает колоритнейшей фигурой, этот русский крестьянин непоколебим в своих убеждениях, но чужд своей среде в силу пронизательности своего острого аналитического ума и логики своих высказываний.

Лишенный по своему рождению права на образование, но, как показывают письма, страстно стремящийся к нему, постоянно гонимый, как всякий независимо мыслящий сектант, но вооруженный несомненным знанием Библии, Бондарев своими работами сумел живо заинтересовать писателей и мыслящих людей России, озабоченных положением русского крестьянства¹⁵.

¹⁵Интерес к произведениям Бондарева проявлял не только Г. И. Успенский; см.: А. П. Косованов, «Тимофей Бондарев и Лев Толстой», С. 18. Н. Н. Златовратский в своем письме от 7 мая 1886 г. к Толстому (который передал ему рукопись Бондарева через М. А. Шмидт) писал:

Степень влияния идей Т. М. Бондарева еще ждет своего объективного анализа, а интерес Л. Н. Толстого к этому мыслителю, служивший для Бондарева неиссякаемым источником вдохновения и самоутверждения, мог бы без сомнения послужить отправной точкой. Вероятно, нет смысла рассматривать их переписку в свете доминирующего влияния одного на другого¹⁶. Скорее нам следовало бы сосредоточить свое внимание

Многоуважаемый Лев Николаевич.

Рукопись я от г-жи Шмидт получил. От всей души благодарю Вас за нее. До сих пор я не могу освободиться от впечатлений, которые она произвела на меня. По-моему, это документ высокой важности. Впрочем, простите, что это я говорю Вам. Вы давно оценили его в тысячу раз лучше.

Я позволю себе только напомнить Вам о Вашем намерении написать предисловие. Не будете ли Вы так добры сообщить мне, думаете ли Вы исполнить это намерение и как скоро, — или же оставили его?

До 15-го мая я, наверное, пробуду еще здесь.

Не забудьте нашего «Сборника» и нас.

Желаю Вам всего, всего хорошего.

«Л. Н. Толстой: Переписка с русскими писателями», сост. С. А. Розанова, Москва, Художественная литература, 1978, Т. 2, С. 198.

¹⁶См.: А. П. Косованов, «Тимофей Бондарев и Лев Толстой», С. 26–28. Толстому и Златовратскому как народным писателям были близки идеи Бондарева, своевременно и убедительно выразивши «внутреннюю точку зрения», т. е. точку зрения самих крестьян. Однако, к аналогичным выводам они пришли самостоятельно и независимо от Бондарева. Так, защищаясь от обвинения в значительных заимствованиях у Бондарева, Толстой пишет в письме к Феликсу Шредеру (21 мая 1893 г., ПСС, Т. 66, С. 335–336):

...в «Так что же нам делать?», желая привести разительный пример ничтожности влияния, произведенного на меня научной литературой, я где-то сказал, что ни одно писание в течение всей моей жизни не оказало на меня столько влияния, как мысли двух крестьян, которые едва умеют читать и писать. Это выражение было не только понято в буквальном смысле, но отсюда сделали вывод, что убеждения, которые я исповедовал, были заимствованы у Сютаева и Бондарева... Не то что я бы не хотел, чтобы меня считали последователем мужика, — я ничего не имею против

не на сходстве, а, прежде всего, на различии их идей, а также на тех человеческих качествах, которые привлекают их друг к другу — т. е. на всем том, что взаимно обогащает и стимулирует их мысль.

этого, и во много раз предпочитаю, чтобы меня считали последователем мужика, чем какой-нибудь школы, слывущей научной, — но дело в том, что было бы по меньшей мере странно заимствовать мысли у ученика, когда имеешь перед собою учение учителя» [т. е. Христа].

В несколько иной форме ту же мысль высказывает в своем письме (24 августа 1886 г.) Златовратский, где он упоминает о воздействии сочинения Бондарева на его мировоззрение:

Многоуважаемый Лев Николаевич.

От всей души благодарю Вас за Ваше любезное и доброе письмо. Несказанно рад я, что наши общие стремления и симпатии все более и более выясняются. Да и чем же порадовал, изумил меня и сам Бондарев, как не тем главным образом, что в нем с такой изумительной силой сказался могучий рост народного сознания и именно в том направлении, по которому, блуждая, ошибаясь, может быть, но неуклонно влекло меня в существенных чертах и мое собственное сознание, и мои неясные инстинктивные порывы. Порадовало и то, что Бондарев засвидетельствовал для меня многое из того, что я раньше уже — может быть опять-таки не с той уверенностью, с какой нужно было бы, — сам видел и чувствовал, когда сталкивался с «народной душой», были ли то томления народного пролетария или «устои» земледельца-общинника.

Но что еще более укрепило теперь мою энергию и подняло дух, это — предчувствие того высокого «творческого» момента, когда уж скоро-скоро все искренно чувствующее и мыслящее на Руси соединится чувством одних общих симпатий, одним общим коренным решением всех волнующих нас недоумений и тревог. Что может лучше и неотразимее свидетельствовать за это, как не факт одновременного и общего тревожного состояния всех сословий наших и классов, с одной стороны, и одновременно и в одном направлении сказавшийся порыв сознания — и у Вас — «вверху стоящего», — и у Бондарева — «стоящего у порога», — и у нас, разночинцев, мучившихся муками отчаяния в ужасном «средостении» между высшими и низшими. (*Л. Н. Толстой: «Переписка с русскими писателями», С. 199-200.*)

Снова и снова Л. Н. Толстой возвращается к идеям Т. М. Бондарева. В 1904 г., работая над «Кругом чтения», Л. Н. Толстой включает в раздел «Месячные чтения» отрывок из работы Т. М. Бондарева с сопроводительной статьей о нем, написанной в 1895 г. В 1906 г. он вновь упоминает имя Т. М. Бондарева в дневниковой записи:

Совершенно ясно стало в последнее время, что род земледельческой жизни не есть один из различных родов жизни, а есть жизнь, как книга — Библия, сама жизнь, единственная жизнь человеческая, при которой только возможно проявление всех высших человеческих свойств. Главная ошибка при устройстве человеческих обществ, и такая, которая устраняет возможность какого-нибудь разумного устройства жизни, — та, что люди хотят устроить общество без земледельческой жизни или при таком устройстве, при котором земледельческая жизнь — только одна и самая ничтожная форма жизни. Как прав Бондарев¹⁷!

Все вышесказанное свидетельствует о справедливости предположения «о дополнении друг друга» — которое находит подтверждение и в письме Л. Н. Толстого к Т. М. Бондареву от 26 марта 1886 г.: «Прочел я большую вашу рукопись и прибавление. И то, и другое очень хорошо и верно... Я в этой рукописи со всем согласен, и сам только об этом пишу, но только я смотрю на это с другой стороны. Первый закон: в поте лица снеси хлеб твой: но чтобы закон этот не нарушался, нужно, чтобы соблюдался и другой закон: не противься злему». И далее Л. Н. Толстой прямо говорит: «Я в вас нашел сильного помощника в своем деле. Надеюсь, что и вы найдете во мне помощника. Дело наше одно»¹⁸.

Следует отметить, что работа Т. М. Бондарева оказалась очень своевременной для Л. Н. Толстого. Она появилась как раз в тот момент, когда писателя особенно волновали вопросы, связанные с крестьянством, тяжким трудом, несправедливостью, опрощением и возникающими в связи с этим проблемами. Все эти вопросы возникли в результате чувства глубокой неудовлетворенности, которое писатель испытывал по отношению к своему классу, а еще более к самому себе. Разумеется, земельный вопрос чрезвычайно интересовал Толстого на протя-

¹⁷Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, Т. 55, С. 212.

¹⁸Там же, Т. 63, С. 337–338.

жении всей его жизни¹⁹. Однако, именно идеи Бондарева о земле и об обязательности физического труда в жизни каждого человека обогатили мировоззрение Толстого, придав проблеме такого труда почти религиозный характер.

---

¹⁹В больших тиражах печатались и продавались по доступной цене, работы по земледелию издательствами «Посредника» и «Деревенского Хозяйства», под ред. И. Горбунова-Посадова, с постоянного поощрения Л. Н. Толстым. Например, с обложки сочинения «Торжество земледельца или трудолюбие и тунеядство», выпущенного «Посредником», как указано выше, в 1906 г.:

1. Проф. П. Костычев. Общедоступное руководство к земледелию. С рисунками. Изд. 3-е. Ц. 50 к.
2. Его-же. О борьбе с засухами. Ц. 20 к.
3. А. Зубрилин. Как получить большие урожаи хлебов при недостатке навоза. Ц. 6 к.
4. Его-же. Как улучшили сове хозяйство крестьяне. Изд. 2-ое. Ц. 2 к.
5. Его-же. Какую пользу приносит травосеяние и как оно устраивается на крестьянских землях. Изд. 3-е. Ц. 4 к.
6. Его-же. Лен и его обработка на волокно. С рис. Ц. 4 к.
7. Проф. Тимирязев. Наука и земледелец. Ц. 10 к.

КНИГИ ПО ЗЕМЕЛЬНОМУ ВОПРОСУ

- Л. Н. Толстой. «Великий грех». (О народной нужде в земле). Ц. 3 к.
- Его-же. Письмо к крестьянину о земле. Листок. Ц. 1/2 к.
- Генри Джордж. Избранные речи и статьи (О земельном вопросе и поднятии народного благосостояния). Пер. с англ. С. Д. Николаева. Изд. 3-е. Ц. 75 к.
- Николаев, С. Д. Великий борец за освобождение земли. (Жизнь и учение Генри Джорджа.) Ц. 10 к.
- Кропоткин, П. А. Земледелие, фабрично-заводская промышленность и кустарные ремесла и промыслы. С англ. перев. А. Н. Коншин. Изд. 2-е. С табл. и рис. М. 1904 г. Ц. 80 к.

РАССКАЗЫ И СТИХИ О ЗЕМЕЛЬНОМ ТРУДЕ

Л. Толстой. Сказка об Иване-дураке. Ц. 1 1/2 коп.

Его-же. Зерно с куриное яйцо. Ц. 1 1/2 коп.

Поступаев. У земли и у котла. Стихотворения. Ц. 25 к.

•

ПИСЬМА
1885–1898

1. Л. Н. Толстой — Т. М. Бондареву¹
 15-20 июля 1885 г. Ясная Поляна².

Тимофей Михайлович!

Доставили мне на днях вашу рукопись — сокращенное изложение вашего учения. Я прежде читал из нее извлечения и меня они очень поразили тем, что все это правда и хорошо высказано; но прочтя рукопись, я еще больше обрадовался. То, что вы говорите, это святая истина, и то, что вы высказали, не пропадет даром; оно обличит неправду людей. Я буду стараться напечатать вашу статью и сам стараюсь и буду стараться разъяснять то же самое. Дело людей, познавших истину, говорить ее людям и исполнять, а придется ли им увидеть плоды своих трудов — то Бог один знает. Моисею не довелось войти в обетованную землю, но он привел в нее народ и не оставлял ничего из того, что нужно было, чтобы привести народ.

Через министра внутренних дел и даже через царя, если бы он вас слушал, ничего сделать нельзя, да и не следует. Правительство силою заставляет делать людей то, что оно считает нужным; а первородный закон Божий люди должны исполнять не по принуждению, а по своей воле. Нужно обличать людей и призывать их к покаянию, как делал Христос, и тогда они сами придут к истине. Дело это делается не скоро — веками, но не скоро и деревья растут, а мы сажаем же их и бережем, и не мы, так другие дожидаются плода. —

По моему мнению, человеку больше и некуда употреблять свой разум, и свое слово, как на то, чтобы узнавать закон Божий и разъяснять его себе и другим и исполнять его, и помогать в этом другим. Мат. IX, 37. Жатва великая, а рабочих мало. Просите Господа, чтобы он выслал (т. е. умножил) рабочих. Жатва большая и одному не жать, а хоть как-нибудь свою полянку выжать и «козы» (т. е. прожнива) не оставить, как у нас в Туле говорят. Да коли каждый так-то свое дело сделает, то и соберется жатва хозяина, и не оставит он доброго работника. Только бы не зарывать *талант* в землю, только бы исполнять волю Пославшего нас. А воля Пославшего в том, чтобы каждый прежде всего в поте лица добывал бы хлеб, и это надо толко-

вать людям, и они поймут это и понимают, потому что совесть обличает их.

Желаю вам успеха в вашем деле, оно же и мое дело, и благодарю вас за ваше писанье; оно мне было в большую пользу и радость.

Лев Толстой

---

¹ Данное письмо опубликовано в: Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений (ПСС) – Юбилейное издание, Москва–Ленинград, 1928–1958, Т. 63, С. 276–277. Сохранились автографы двух писем: №23 (черновик) и №34 – белой (в этом случае единственный) подлинник.

В 1894 году в Ясной Поляне появился копировальный пресс (см.: Л. В. Гладкова, «Письма Л. Н. Толстого в копировальных книгах», в: «Неизвестный Толстой. В архивах России и США», Москва, 1994, С. 153–166), который приобрел в Англии В. Г. Чертков. Письмо перед отправкой копировалось под прессом на влажной тонкой бумаге – получался отпечаток. Такие *отпечатки с автографов* – письма №№25, 27, 29.

Первые письма Толстого печатались в Юбилейном издании по источникам АЧ (т. е. архива Черткова). Однако, эти копии неполные: без обращений в начале, без дат, иногда с грубыми ошибками и пропусками. Между тем ГМТ получил в 1989 году из Минусинского архива *полные и более исправные* копии, сделанные в свое время прекрасным писарским почерком списки с подлинников кем-то в бондаревском окружении: большие листы бумаги, образующие тетрадку, сшитую нитками. В этой подборке находится (последним) и письмо №11, которое опубликовано впервые в «Яснополянском сборнике» (Тула, 1968, С. 176–177). Поэтому потребовалась такая большая правка в первых письмах Толстого. Правка в текстах писем Толстого произведена: №№1, 4, 6, 10, 11 – по копиям из Минусинского архива, более точным и полным, чем копии АЧ; №23 – по автографу (черновому, но с которого снималась копия для отправки письма); №27 – по листам копировальной книги (т. е. отпечаток с автографа).

² На копии помета: «Получено 10 авг. 85 г.».

2. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому
Октябрь 1885 г.

Многоуважаемый Лев Николаевич,

С чувством великой благодарности купно же и радости получил я Ваше письмо 8 Сентября, поданное Вами в половине Августа сего 1885 г.¹ Откуда и как начать, где и как кончить отдавать Вам благодарность за принятие в столько великое уважение моей проповеди, я по своему тесно ограниченному разуму выразить как не знаю. А только покуда глаза мои закроются вечным мраком, буду умолять правосудие неба дабы оно ниспослало Вам как временных, так и вечных благ восприятие.

Теперь прошу и умоляю Вас, Л. Н., если Вы будете отсылать в редакцию мою проповедь для отпечатания, то означьте там мое имя-отчество, прозвание и место жительства в полном слоге и пришлите мне из того два экземпляра, мне нужно будет один отослать в Рассею на родину, а что они будут стоить, то я Вам деньги вышлю. И еще — пишите мои статьи без всякого приложения и отнятия, а если будет Вам угодно что-нибудь добавить, то пишите выше или ниже моего с указанием на мои статьи.

Вы, Л. Н., имеете у себя сокращение с моей рукописи². Я знаю, что там только 15-я и даже меньшая доля со всех моих доказательств и притом ни начала, ни конца там нету. Началась эта моя беседа с падения Адамова, но не прошел я молчанием и преступление Евы, и сделал я там законные доказательства, что от Адама и Евы до преступления их в раю, прежде Каина родилось много людей, с которого потомства Каин и жену себе взял и с этими людьми выстроил Каин первый город на земле. И это все законно и справедливо доказано, никто не имеет права противоречить тому. Много и много есть у меня таковых, вечно никем не слыханных, доказательств того же первородного закона. 250 статей³ в течение шести годов я написал, где и домик мой получил значительный толчок, не без расчета же я трудился. И все эти доказательства я брал только с допотопного времени, а ниже по закону я не спускался. А у Вас там в сокращении ничего того нету.

Отослать ли Вам всю полную мою рукопись — этого сделать нельзя, я останусь ни с чем, написать ли мне для Вас новую — и этого сделать сил у меня на то не достанет, затем что у меня семейство состоит только из четырех человек работников, т. е. я с женою и нам 65 годов — какие мы теперь работники, и сын с женою да у них трое детей маленьких. А мне, тихому писателю, плотно сидеть над ней нужно два месяца, да притом еще у нас по всей Сибири скот заразился: где заберется эта зараза, то начистую с сотни останется 5 или 6 штук не более, потому я со скотом живу в горах и в лесах верст за 15 от своей деревни.

У Вас в Туле, я думаю, много есть последователей за Вами, т. е. так же, как и Вы, от всей души уважающих первородный закон Божий. Соберитесь Вы, прошу и умоляю Вас, и присоветуйте мне, что делать в таком тесном случае, как доставить Вам все это для отпечатания и для обнародования.

Не в силах ли Бог был в начале разыскать другой путь к производству в свет хлеба, тут без малейшего сомнения видно то, что как эта вещь, т. е. хлеб, неизбежная для всякого и даже для самого Государя, он и наложил в ней епитимию за все грехи наши, т. е. как будто неволю влечет нас к покаянию или, верней сказать, к своим объятиям. Великие же люди еще от начала века взяли да и покрыли этот закон от очей всего мира, как ленивый Евангельский раб талант свой в землю, о которой потере мы, земледельцы, столько тысяч годов и не хватились, а теперь вот конец этой потере разыскали и на след напали, а что сделать, к кому обратиться за помощью? До Бога высоко, а до Царя далеко.

В 1883 году 18 Июня за №1933 чрез Минусинскую почтовую Контору Енисейской Губер. подавал я об этом прошение Г. Министру внутренних дел, по прошествии же 10 месяцев не получивши на то никакого ответа, в 1884 году 30 Марта за №938 повторил это же прошение, на которое и по сие время, т. е. по Октябрь месяц ответа нету. Оставил ли Г. Министр это без последствий? Этого думать нельзя, а они погибли где-то в другом месте.

Нужно же при этом знать, что эта первородная заповедь не белоручкам, а одним нам, земледельцам, самым Богом дана, великоименитые же люди или нагло у нас ее отняли, или тайно украли, или коварно присвоили, т. е. ни в каких писаниях и помину об ней не сделали. Как Вы думаете, Л. Н., представивши я все это пред умные души своей очи, не проходит ли обо-

юду вострой нож сквозь сердце мое да не убивает ли он печалью нестерпимую мою душу. И так, опять повторяю просьбу свою Вам, Л. Н., подайте Вы мне совет, как поступить в таком тесном случае, т. е. как доставить Вам полное мое сочинение для распространения да притом и скоро, потому что мне 65 год. И я одной только ногой стою на земле, а другой уже во гробе, а без меня что тогда будет, как была эта заповедь живая в гроб положена от начала века, так и оставаться ей там и до скончания века. И как страдали бедные люди в тяжелой нищете, так и страдать им навсегда и навсегда.

Итак, Л. Н., когда делать, так делать — нечего вожжаться с одним сокращением⁴. У меня много написано, а лучшие меня писатели с этого еще в 10 разов более умножат и выйдет из того громадная книга под названием трудолюбие, или радость земледельца. Тогда эти книги многие тысячи людей наперерыв расхватят, чем вознаградятся все Ваши труды и издержки десятирицею. А от Бога какая Вам за то будет награда, оценить ее выше нашего разума.

Тут как в зеркале ясно видно, что правосудное небо Вам, Л. Н., поручило вывести первородный закон из тьмы неведения на свет познания. И потому, Л. Н., напрягай все возможные силы привести все это в Богу угодный и людям полезный порядок.

Ваше письмо послужило для меня громовым ударом. Все знатные люди у нас как в Минусинске, так и в деревнях, как разъярившийся пес брошенный на него камень грызет зубами, так они эту мою проповедь ненавидят и гнушаются ею. А почему? По незнатности и по бедности моей. Я думал, что и везде будет так же, а теперь с Вашего письма увидел все противное тому. В С[вященном] П[исании] сказано, что пророк не бывает без чести — только в своем отечестве и в своем доме нету ему чести, а одно бесчестие.

Самая главнейшая язва в нашем земледельческом классе, неволею влекущая в нищету и убожество, это разделение братьев на разные семейства и на одиночество. Можно ли выразить этот вред на коротких словах? Нельзя. А всему тому причиною одно и то же. Если бы был этот закон разъяснен людям, тогда бы они жили по сту душ вместе, не считали бы они тогда один пред другим лишних шагов, а наперерыв один другого упреждали бы, да и не гордился бы тот, кто повелевает, да и не стеснялся бы тот, кто повинуется.

Умер ли из среды их муж или жена и у них осталось до десятка маленьких детей, в такой единомушной и единосердечной артели этот удар не очень значителен, у этих сирот там много отцов и матерей, много братьев и сестер, много покровителей и спасителей. А женщины, они вообще все милосердны, она своим детям не сделает столько блага, сколько сиротам, а как разделились, тогда и сотой доли не останется того желания к ним.

Если же в разделении останутся столько сирот с отцом или с матерью, тогда что?

Да если описывать весь вред, происходящий от разделения, и весь интерес, проистекающий от совокупности, то и на 10 листах поместить нельзя. Словом, этот закон все добродетели в себя забрал и все пороки отринул. Да не все же сказано: и виде Бог яко добро есть. А вы взяли да это добро и скрыли от очей всего мира.

Эх! Ах!.. Да на что же вы занимаете высшие места, да достойны ли вы того?

О, глупейший я человек! Да на что я сею доброе семя на каменистую и бесплодную землю, где трудов немало и убытков много, а вместо пользы получаю один вред. А еще диктую сам о себе, что я хороший земледелец, а разобрать, где хорошая земля, а где негодная, этого толку у меня нету. Это я говорю о поданном мною прошении Министру внутренних дел.

Когда Вы отпечатаете мое сокращение, не будет ли у Вас возможности довести это до сведения великого Министерства или Государя⁵, добиваюсь ли я этим себе похвалы — нет, на что она мне при самом конце жизни. Выстройте Вы себе памятник, который перейдет и в загробную Вашу жизнь. ОН ДОРОЖЕ ВСЕХ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ СВЕТА СЕГО, ПОТОМУ ЧТО ПЕРВОРОДНЫЙ.

Я намерен в Декабре месяце подать об этом же прошении Государю, но только с иной, с Томской Губернии, а с своей Енисейской хотя 100 подавай, все погибнут.

Т. М. Бондарев.

-
- ¹Ответ на письмо Л. Н. Толстого: Полное собрание сочинений (Юбилейное издание), Т. 63, С. 276–77. В своем письме, от 15–20 [?] июля, Л. Н. Толстой писал: «Доставили мне на днях вашу рукопись — сокращенное изложение вашего учения. Я прежде читал из нее извлечения и меня они очень поразили тем, что все это правда и хорошо высказано... Желаю вам успеха в вашем деле, оно же и мое дело, и благодарю вас за ваше писанье; оно мне было в большую пользу и радость».
- ²Закончив свое сочинение, Т. М. Бондарев передал рукопись в Минусинский музей, откуда, по всей вероятности, она была послана Г. И. Успенскому, который написал статью: «Трудами рук своих» («Русская мысль», 1884, №11). Очевидно, Толстой получил рукопись уже в сокращенном виде.
- ³Как было указано, Т. М. Бондарев построил свое сочинение (или «Проповедь», как он сам называл его) в форме вопросов и ответов, около 250 вопросов и ответов на них. В течение последующего времени он исключал одни вопросы и добавлял другие, что затрудняет определение канонического текста.
- ⁴Т. М. Бондарев, очевидно, был огорчен тем, что у Л. Н. Толстого был лишь сокращенный вариант его рукописи; последнее кажется странным, так как Л. Н. Жебунев (политический ссыльный, живший в Минусинске) писал Л. Н. Толстому 13 января 1886 г.: «Прочитав внимательно ваше письмо к Бондареву, я заметил, что Вы извещаете его о получении «сокращенного изложения» его учения, тогда как я послал Вам в мае 1885 г. через редакцию «Русской мысли» полное изложение учения Бондарева» (ПСС, Т. 63, С. 278).
- ⁵Т. М. Бондарев сделал множество копий со своей рукописи и разослал их многим высокопоставленным лицам, включая министра Внутренних дел и самого царя. Разумеется, ответов он не получал. Толстой настойчиво советовал ему не обращаться во все эти инстанции и не надеяться на поддержку в опубликовании своего сочинения, предупреждая его, что это ни к чему не приведет. К этому Толстой добавил: «Первородный закон Божий люди должны исполнять не по принуждению, а по своей воле».

З. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому¹

1 декабря 1885 г.

В целом мире и во всем свете один только искренний друг мой Лев Николаевич,

Я получил от Вас одно письмо 17 Марта, а другое 8 Сентября сего года, за которые всепокорнейше Вас благодарю. Также благодарю и за то, [что] Вы поставили мои статьи по достоинству и по смыслу одна за другою, то есть так, чтобы смысл предыдущей статьи сливался с последующею. Я и сам видал разнообразие в своих статьях, но исправить того не мог. Первое потому что времени не достает, а второе затем, что привычки или врожденности той нету у меня. Я надеюсь, что Вы великую поправку сделали там и кроме перестановки.

Потому прошу Вас, если будет возможность, то пришлите мне свое исправленное и дополненное произведение, то есть копию из него.

Я как только намерился его писать, и тогда уже был в надежде, что печатать и обнародовать его не будут, да и дело: найдешь ли в целом мире того человека, который этот величайший из пороков порок, это тунеядство, добровольно принял бы на себя. Вы говорите, что за границею отпечатают его без цензуры. Нет, я осмеливаюсь сказать: нет, и там не будут печатать, разве только одно правосудное небо вступится в это дело, в этом я не отчаиваюсь.

Помните ли, я говорил еще в начале своего произведения, что не воскреснуть этой заповеди и для тебя, почтенный класс, а тебя для ней до скончания века. И еще, тут тяжутся труд с праздностью, а хлеб с тунеядством, при разбирательстве же великого правительства этой тяжбы праздность и тунеядство процветут и возвысятся, а хлеб и труд увянут и обнизятся. Вы, Л. Н., не смотрите, что я по будням заношен, ни писать, ни читать, ни красно говорить не умею, а мое пророчество мимо не пройдет. По пословице, гром бьет не с одной черной тучи, а часто и из наземной кучи.

Цензура «Русского богатства», в которое Вы намеревались отослать для отпечатания, что она Вам ответила и почему спровергла²? Напишите мне.

Мы с Вами, Л. Н., с своей стороны потребили все возможное

для распространения этого закона, а далее это дело запинателево.

Нам прежде не позволяли отлучаться от своих пределов, а теперь разрешено во все концы России. Мне кажется, что у Вас много есть тех людей, которые от души уважают мою проповедь, а вместе с нею и меня. Потому спросите у них от имени моего, не будет ли у них желанья дать мне вспомоществование приехать к Вам для свидания, покуда мы живы, а сам собою этого сделать я не в силах. Понесенных же в дороге трудов, насколько бы они велики не были, и остановку домашних дел моих, насколько бы они убыточны мне не были (я не дряхлый старик), я не пощаю.

Вы меня признаете другом и братом, а я с своей стороны Вас называю так же, но это у нас все только на словах, нет, покажи же мне, говорит С[вященное] П[исание], веру твою от дел твоих, а не от слов, то есть не от интересного света сего дела, а от дела, клонящегося к тому же известному Вам первоначальному источнику. Да неужели же нам по одной только привязанности к свету сему так и умереть, не выдавши лица один другого, это для меня что-то сильно загадочное.

Мы с Вами знакомы не по какому-нибудь маловажному делу, а по делу тому, которое самую любовь к человечеству внутрь себя забрало так, как мы это уже исследили. А если самую любовь забрало, то остались ли еще какие добродетели, которых бы он, это труд, происходящий в честь этого закона, не присвоил бы? Да и остались ли на свете те пороки, которых бы он не отринул и не уничтожил? Не осталось. Ну словом, при создании мира создан, то тут не говоря о человеческом разуме, и Ангельскому уму непостижимо исследование всего его достоинства. Вот почему мы знакомы. А если же все это так, то какие же тут могут быть расчеты и препятствия к личному нашему свиданию? Никакие.

Теперь прощайте, многоуважаемый мною на словах, Лев Николаевич, прощайте до приятного свидания.

Т. Бондарев.

1-е Декаб[ря].

Пришлите мне последние мои посланные к Вам 50 статей, потому что чернового у меня нету.

---

¹В данном письме Бондарев называет *два* письма: одно – полученное 17 марта, другое – 8 сентября 1885 г.

Полученное 17 марта (т. е. *первое* письмо Толстого), неизвестно. Полученное 8 сентября (о нем см. и в письме №2) – тоже неизвестно. На копии первого сохранившегося письма Толстого (копия из Минусинска) воспроизведена помета Бондарева: «Получено 10 авг. 85 г.».

²В журнале «Русское богатство» статья Т. М. Бондарева не печаталась. См. примечания к письму Л. Н. Толстого к Т. М. Бондареву от 1–20 (?) марта 1886 г. в ПСС, Т. 63, С. 334–335. Л. Е. Оболенский, редактор «Русского богатства», сообщил Толстому в мае 1886 г., что «Бондарева не пропустили окончательно». См. публ. И. А. Покровской: «Яснополянский сборник», С. 176.

4. Л. Н. Толстой — Т. М. Бондареву¹
 9 февраля 1886 г. Москва².

Тимофей Михайлович!

Я получил в прошлом году ваше письмо, на которое не успел ответить, а вчера получил письмо от Л[еонида] Н[иколаевича] о вас же; и теперь отвечаю на то и другое. Вашу проповедь я списал для многих моих друзей, но печатать я еще не отдавал. С нынешней почтой пошлю в Петербург, в журнал «Русское Богатство», и приложу все старанье, чтобы она была отпечатана так, как вы хотите, без всякого приложения и отнятия. Если она будет напечатана, то вам вышлетя экземпляр этой книжки. — Из вашей статьи я почерпнул много полезного для людей и в той книге, которую я пишу³ об этом же предмете, упомянул о том, что я почерпнул это не от ученых и мудрых мира сего, но от крестьянина Т. М. Бондарева. Свое писанье об этом я очень желал бы прислать вам, но вот уж лет пять все, что я пишу об этом предмете, о том, что мы все живем не по закону Бога, все это правительством запрещается, и книги мои запрещают и сжигают. — По этому-то самому я и писал вам, что напрасно вы трудитесь подавать об этом прошения министру В[нутренних] Д[ел] и государю⁴. И государь, и министры, все запрещают даже говорить про это. От этого самого я и боюсь, что и вашу проповедь не позволят напечатать всю вполне, а только с сокращениями. — Большое сочинение ваше я бы желать прочесть, но если это так затруднительно, то что ж делать.

Я думаю так, что если человек понял истину Божию и высказал или написал ее, то она не пропадет. Моисею не довелось увидеть обетованной земли, а он-то и привел в нее народ. Так-то и всем слугам Божиим. Плохой тот пахарь, который оглядывается назад: много ли он напахал? Скажу вам про себя: пока я писал книжки о пустяках — по шерсти гладил — все мои книжки хвалили и печатали, и царь читал и хвалил; но как только я захотел служить Богу, и показывать людям, что они живут не по закону, так все на меня опрокинулись. Книжки мои не пропускают и жгут, и правительство считает меня врагом своим. Но скажу вам, что это не только не огорчает меня, но радует, потому что знаю, что они ненавидят мое писанье не

за меня, а за то, что оно обличает их; за то, что я говорю о Божием законе, а они его ниспровергли. И я знаю, что закон Божий скрыть нельзя, он в огне не сгорит и в море не потонет. А от гонения он только яснее виден людям тем, которые стремятся к Богу.

Так-то и вы не тужите о том, что прошения ваши не принимают и ответа на них не дают. Вы сами говорите, что на кого жалуетесь, тому и прошение подаете. Не тужите и о том, что ваши ближние вас не понимают и не ценят. Что вам за дело? Ведь вы не для славы человеческой трудились и трудитесь. А если трудитесь для Бога, то Бог, видящий втайне, — воздаст явно. Только бы знать, что служишь делу Божию. А ваше дело Божие. Оно принесло плоды и принесет, только не придется нам видеть их и вкусить от них. Я знаю по себе и по другим, что ваше писанье много помогло людям и будет помогать. А чтобы сразу все это так сделалось — этого нельзя и ждать не надо.

Заставить всех силком трудиться никак нельзя, потому что сила-то вся в руках тех, которые не хотят трудиться. Надо, чтобы люди сами поняли, что жизнь трудовая, по закону Бога, блаженнее, чем тунеядство.

И есть люди, которые понимают это и сами бросают тунеядство, и с охотой берутся за земельный труд. Заблудшие же люди еще не понимают этого и отстаивают всеми силами свое тунеядство и не скоро поймут свое заблуждение. А пока они сами не поймут, — с ними ничего не сделаешь. И вот чтоб они поняли это, нужно им разъяснять закон Бога.

Вы это самое и делаете — служите этим Богу и потому знаете, что вы победите, а не они; а скоро ли это будет? — это дело Божие. Так я сужу.

Прощайте, уважаемый друг и брат Тимофей Михайлович. Помогай вам Бог. Рукопись вашу, если ее не напечатают, пришлю вам.

Лев Толстой

-
- ¹Письмо опубликовано в ПСС, Т. 63, С. 332–334.
- ²Письмо №4 можно датировать: 9 февраля 1886 г. — *ответ* Бондарева содержится в письме №7, и точно названа эта дата. На копии письма №4 помета: «Получено около 20 марта 86».
- ³Толстой имеет в виду трактат «Так что же нам делать?». См. ПСС, Т. 25, С. 386, 469.
- ⁴В своем первом письме к Т. М. Бондареву Л. Н. Толстой писал, что не стоит просить ни министров, ни царя содействовать получению разрешения напечатать его труд.

5. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому
Первая половина февраля 1886 г.

Многоуважаемый Лев Николаевич,

Я получил от Вас посылку — свою рукопись. Но только без письма, пересмотрел все бумаги, не написано ли где-либо хотя карандашом в конце строк. И того нету.

У меня есть догадка, что я огорчил Вас многословием в письмах к Вам, где, можно думать, не обошлось без колкого слова для Вас.

Да неужели не достало у Вас милосердия покрыть недостатки или излишества мои в моих письмах к Вам. Я говорил в письмах с Вами не с каким-нибудь коварством или злодейскою целью, а от чистого сердца.

В таком случае, если прокралось что-либо незамеченное мною едкое слово для Вас, то прошу и умоляю Вас, Л. Н., именем Бога забудьте про все неуместное прошедшее.

Я отослал к Вам в прошедшем Январе добавления 50 статей к моей рукописи чрез Жебунева. И также без письма.

Есть еще много очень нужного сказать Вам, но опасаясь, как бы по-прежнему не промахнуться в слове.

Ваш Т. Бондарев.

Первая половина Февраля. А когда Жебунев подаст на почту, не знаю.

Б. Л. Н. Толстой — Т. М. Бондареву¹

26 марта 1886 г. Москва.

Тимофей Михайлович!

Прочел я и большую вашу рукопись и прибавление². И то, и другое очень хорошо и вполне верно. Я буду стараться и сохранить рукопись, и распространить ее в списках или в печати, сколько возможно. По моему мнению, некоторые статьи из нее надо выпустить для того, чтобы не ослабить силу всего. Выпущенные статьи я поместил бы в примечаниях в конце. Как вы об этом думаете? Насчет того, получил ли министр вашу рукопись³, я не мог узнать, но и узнавать это бесполезно, потому что, по всем вероятностям, он ее даже и не читал, а бросил куда-нибудь в канцелярии; а если бы и прочел, то только бы посмеялся. — Я часто читаю вашу рукопись моим знакомым и редко кто соглашается, а большей частью встанут и уйдут. Когда ко мне соберутся скучные люди, я сейчас начинаю читать рукопись, — сейчас все разбегутся; но есть и такие, которые радуются, читая ее. Я в этой рукописи со всем согласен, и сам только об этом и пишу, но только я смотрю на это с другой стороны.

Я спрашиваю себя: каким образом могли люди скрыть от себя и от других первородный закон?

Каким образом могли уволиться от исполнения его? И на это отвечаю: произошло это оттого, что одни люди, взявши власть над другими (избрание на царство Саула) и вооруживши одних людей, и подчинили их себе. Вот эти-то люди, начальники, солдаты и отступили первые от первородного закона. Они стали силом брать хлеб, а потом деньги, и им можно было не работать хлебный труд. А потом стали они своим близким раздавать хлеб и деньги. И так завелись белоручки. И потому я думаю, что две причины всего зла: одна, что скрыт первородный закон (в поте лица снеси хлеб твой⁴), а другая, что скрыт другой закон: вам сказано — око за око и зуб за зуб⁵, а я говорю — не противься злему. Этот закон относится ко всем людям, и никто, в какое бы он звание ни был облечен, не имеет права нарушать его. — А когда не будет насилия, тогда нельзя будет никому уклоняться от закона хлебного труда, потому что кто не захочет

работать, тот будет побираться или помрет с голоду. Согласен с вами, что первый закон: в поте лица снеси хлеб твой; но чтобы закон этот не нарушался, нужно, чтобы соблюдался и другой закон: не противиться злему.

Ну, пока прощайте, дай вам Бог всего хорошего. Я в вас нашел сильного помощника в своем деле. Надеюсь, что и вы найдете во мне помощника. Дело наше одно.

Мне скоро 60 лет и мучений было на полмиллиона, а я прошлые года и косил и пахал, и нынешний год надеюсь. И радости в этой работе и здоровья и спокойствия душевного нахожу больше всего.

Лев Толстой

26 марта 1886 г.

---

¹Письмо опубликовано в ПСС, Т. 63, С. 337-338.

²На копии помета: «Получено 16 мая 86 г.». Первая рукопись была переслана Толстому Л. Н. Жебуневым, вторая – В. С. Лебедевым. См. ПСС, Т. 63, С. 339.

³См. письма №№1 и 4.

⁴См. Бытие 3:19.

⁵См. Евангелие от Матфея 5:38 (Левит 24:20).

7. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому

Апрель [?] 1886 г.

Лев Николаевич,

Посланное Вами ко мне письмо 9 Февраля сего года в Минусинск, пришло 4 Марта¹. Но я живу от Минусинска 160 верст, потому имел счастье получить его 15 Мар. и по особым причинам не успел написать Вам скоро, затем продлил несколько дней.

Сего же года 9 Января отослал я Вам чрез Л. Н. Жебунева² (как он мне самый близкий друг) очень важных 15 вопросов для приложения к моей проповеди и при них письмо. Но эта наша посылка по расчету времени не захватила настоящего Вашего письма.

В первых числах прошедшего Марта отослал я к Вам описание своего жития и при нем портрет с себя³, тоже чрез Жебунева. И прошу Вас, Л. Н., приложите к моей проповеди то и другое, дабы последующие после нас роды не приписывали это все критике, т. е. скажут они — написал все это какой-нибудь белоручка, а как он прав не имеет писать о трудолюбии и тунеядстве, потому и сложил все это на крестьянина, который никому не известный. А портрет и житие выведут из сомнения все роды и роды. Но за портреты и за пересылку бумаг Жебунев отдавал свои деньги, а не мои.

Благодарю Вас, Л. Н., за то, что Вы разослали с моей проповеди копии своим знакомым. Итак, она будет если не в печати, то хотя на писании распространяться, а со временем найдутся меры убедить к принятию ее и Государя.

В Сибирской газете 1884 года №27 под названием Деревенская философия⁴, еще 1884 года журнал Русская мысль, год 5, книга 11, страница 301 отпечатано с моего сокращения по коротенькому отрывочку, которые нестерпимо едкие для тунеядца, и их же цензура пропустила. Поэтому я надеюсь, что и все мое произведение пропустит, да и нельзя же не пропустить, потому что правдивей этой правды, которая вытекает с первородного закона, правдивей ее нету, да и быть не может — ни на небе, ни на земле.

Твердо и твердо я уверяю Вас, Л. Н., что если бы эта моя проповедь представлена была Государю, то он прижал бы ее к сердцу своему, 1-е, потому что он этого от века не слышал и не воображал, 2) эта заповедь основана и утверждена на том хлебе, который он ест, 3) вытекает все это с первородного закона, который дан человеку при сотворении неба и земли, 4) в ней избавление всей вселенной от тяжкой нищеты и от нестерпимого убожества, 5) в ней удержание от злодеяния, 6) невольное поощрение к добродетели, 7) она сильна, все веры, народы и все племена земные в едину веру, в едину церковь и в едину любовь связать.

У этой заповеди нету праведных, нету и грешных, богатых и убогих, умных и глупых, знатных и незнатных, и нету у ней разноверия — она не входит в эти наши глупости да в дребезги, она всю вселенную приняла в объятие и если бы знали о ней все народы, они все прижали бы ее к сердцу своему, да не все же сказал Бог при создании ее в свет: Добро есть.

Если бы была возможность представить мой подлинник Государю, тогда бы он все это вообразил, а коротенькие мои прошения, видал ли он их — едва ли. А если и видал, то можно ли допустить, чтобы крестьянин мог что-нибудь полезное написать, по пословице, может ли в Назарете что добро быти, разве в Иерусалиме. А потом осужденный всем светом Назарет родил Христа, а славим всею вселенною Иерусалим умертвил Христа.

Я слышал стороною, что Вам, Л. Н., так же, как мне, 66 годов от роду. Потому прошу Вас (на случай Вашей смерти), познакомьте меня письмом с кем-либо из близко знакомых Вам, а по случаю моей смерти у нас не с кем познакомить Вас, у нас в собаку брось камень, а в грамотного попадешь, а что же: ни больше ни меньше, животные.

Напишите Вы к моей рукописи копию и пришлите мне, также и из сокращения. А подлинник мой оставьте у себя, в случае будет какая-либо привязка к Вам со стороны правительства, Вы можете указать на то место и тем оправдаетесь. А ко мне они прав не имеют привязаться, потому что я для них, как отец и мать для маленьких детей, кормилец. Но только копию писать чисто и верно, а не как-нибудь и не абы как.

В вышеупомянутой газете и в журнале, насколько там ссудомлены, сковерканы и искомканы мои статьи, того и сам черт не разберет. Перепрыгивает да перескакивает, да вверх тормашками переворачивает, и ни начала ни конца нету. Словом, сделан

бесконечный и безобразный хаос. Я из многого укажу хотя на два места, вот они.

У меня сказано: возьми в сто пудов камень и носи. А в журнале переведено это слово: возьми камень и коси (я сам тут горько улыбнулся). Да! Разве же камнем косют. И еще: слышу голос Иаковлев, осязаю руки, руки Исавовы — так сказано в С. П. и у меня так же написано, а в газете и в журнале написали (как будто сговаривались): слышу голос Иакова, осязаю Исава. И там этих насмешек, а не ошибок трудно языком рассказать, а не то чтобы пером описать.

И теперь вся вселенная положит эту смеху достойную укоризну не на переводчиков, а на меня. Недаром, скажут люди, недаром называется мужик (что слово значит дурак), так он мужиком и издохнет, видите ли какую околесную плетет. Избавь Бог, и у Вас, Л. Н., выйдет такая же чепуха, тогда куды мне и деваться от такого незаслуженного порока. Вот видите ли, Л. Н., откуда мы не чаем и откуда не ожидаем, оттуду приходит к нам горе.

Коротенькое сокращение, а они еще втрое сократили. Может статья, как они, переводчики, сверхестественно умные люди, то они нестерпимо противные закону статьи проходили. Нет: пять разов более едкие писали, а мягкие и великого уважения достойные, те проходили, чего подробно описывать нету возможности.

Я твердо надеялся и крепко уповал, что хорошие писатели более и более дадут этому закону блестящее развитие. А теперь пропала моя надежда, счезли упования.

Да я напрасно и сетую на переводчиков. Да не то что земным и всем небесным жителям известно, что этот закон не белоручкам, а одним нам, земледельцам, еще при сотворении неба и земли самым Богом дан, а о чужом добре, кроме владельца его, кто позаботится.

Белоручки для этого закона, а закон для них, или верней сказать, они для хлеба, а хлеб для них — смертные и вовеки непримиримые враги они друг другу. А я еще начинаю сетовать, что статьи мои скомкали. Потому я и просил М[инистерство] В[нутренних] д[ел], что требуй вместе с моим делом и меня к себе. Я заранее знал, что будет вот оно и из было перевели шило на мыло. А со временем и память о ней исчезнет с лица всей земли. И так был этот закон от начала века под спудом, так и оставаться ему там до скончания века.

Прошу Вас, Л. Н., если моя книга начнет издаваться, то не можно ли будет теперь же скоро к последующим изданиям приложить мое житие и портрет, и из этого издания пришлите мне книжек 5, а что они будут стоить, я Вам деньги вышлю.

Как там у Вас писаны мои статьи, я не знаю, а мне кажется, надо бы писать так: написавши один мой вопрос, ниже его сделать ему ответ, насколько он верный или ложный. Потом другой, и сделать ему оценку, насколько он дорог или дешев, полезен или вреден и т.д. Если я буду спрашивать у Вас на словах, Вы же обязаны ответ мне дать, почему же на бумаге не так. Остаюсь здоров много уважающий Вас

Т. Бондарев.

Прежде нам не давали никаких билетов или увольнений, а теперь во все концы Россее дают. Потому прошу и умоляю Вас, Л. Н., не будет ли с Вашей стороны какой-либо возможности исходатайствовать у правительства, чтобы оно потребовало меня к Вам в Россее на короткое время. Это для казны не много будет стоить. Я [бы] и сам собою поехал, но у меня на то сил не достанет, а крайне нужно бы переговорить о многом с Вами на словах.

Можно же вообразить всякому начальнику, что я тружусь не для своей пользы, а для пользы всего мира. И при этом мне охота побывать на родине, с которой я удален вот уже 32 года. Если найдется у меня еще какое-либо добавление к распространению этого закона, прислать ли его к Вам или нет, может ли оно поместиться в будущих моих изданиях этого же закона или нет? Позволительно ли сеять добрые семена на каменистую и бесплодную землю или нет, мне кажется нет, а Вы что скажете?

Я выше просил, пришлите мне книжек 5, это тогда только, когда будет печататься одна только моя проповедь, небольшая и недорого стоящая книжка, а если будет она помещена в больших книгах, которые будут стоить до 5 руб., то более одной не высылайте, я ее сам мысленно прочту и на родину отошлю, а в деревне в нашей, чтобы и имени этого закона не было, как сказано: не бросай бисера перед свиньями и прочее. А потом смотря по обстоятельствам, если понадобится, тогда я деньги пришлю Вам, а Вы книги мне пришлите.

На кого жалуюсь я, тому и жалуюсь, с кем завел тяжбу, тому на разбирательство и даже на самое решение ее представляю. С тою-то целью и присовокупил Государя к своему земле-

дельческому классу, т. е. уподобил Его пчельной матке, а другие приписывают это моей трусливости да всеуверным изворотам.

---

¹Письмо Л. Н. Толстого, на которое отвечает Т. М. Бондарев, неизвестно.

²См. прим. 4, письмо №2.

³Фотография Т. М. Бондарева, снятого с группой минусинских ссыльных, пропала, а его портрет, написанный художником И. Волгужевным, находится в Государственном музее Толстого в Москве. См. А. П. Косованов. «Тимофей Бонадарев и Лев Толстой», С. 17.

⁴Т. М. Бондарев имеет в виду статью «Деревенская философия», опубликованную в Сибирской газете (Томск, 1 июля 1884 г., №27) с подзаголовком «Корреспонденция из Минусинска», где отмечена «оригинальность мысли, приемов и языка». Эта статья, подписанная инициалами А. Ш., предшествовала статье Г. И. Успенского в «Русской мысли»; см. прим. 2, письмо №2.

8. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому¹
 23 июля 1886 г.

Многоуважаемый Лев Николаевич,

Я получил от Вас письмо 20 Марта, а другое 16 Мая, на то и на другое скоро Вам отвечал. В последних числах Февраля сего же 1886 года отослано мною Вам письмо с моим портретом. Как я живу от Минусинска 160 верст, потому вся эта переписка идет чрез руки Жебунева, а деньги на сдачу этих бумаг мои. Получали ли Вы эти письма, мне неизвестно. Сомневаюсь ли я в верности Жебунева — нисколько.

А Вы с напряжением всех сил хлопчете о распространении этого первоначального закона. Чем, когда и как отблагодарить мне Вас за это, на деле не имею чем, а на словах лестно выразить не могу. Одно только средство осталось — просить Бога, дабы он с своей стороны послал Вам все лучшее. Вы называете меня друг и брат. Да заслужил ли я это достоинство? Мне кажется, нет. Сего же дня и сей же час отправьте ко мне все мои подлинные рукописи, а если они Вам необходимо нужны, я по миновении надобности опять скоро представлю Вам. Если отпечатается моя проповедь, то пришлите мне один экземпляр, а я деньги Вам вышлю. Если того человека, который сам своих трудов хлеб ест и других людей кормит и от голодной смерти избавляет и при всем этом вся вселенная на все лады называет его низким и ничтожным и не заслуживающим никакого уважения человеком, если этот человек, т. е. земледелец, все унижительные прибаутки забрал на себя, то он на это нисколько не должен сетовать, потому что все это верно.

Как же мы назовем теперь того человека, который не то чтобы других кормит, [но] и сам вечно чужие труды пожирает, как мы теперь назовем его? А [надо] помнить, что все унижительные приговоры земледелец принял на себя. Я не был в этом достоинстве, а Вы только прошедшего года исключились из круга дармоедов (Вы прошедшего года работали), затем Вам более известно, как назвать, и назовите мне в будущем письме в роскоши утопающего человека. Мне кажется, что это не есть ложь или пустая мечта.

И еще: все заповеди и законы Ветхого и Нового заветов, все они запечатали свою истину человеческою кровью и слезами, а за истину этой заповеди, которая есть мать и родительница всем законам и заповедям, никто и никогда ни одной капли крови и ни одной слезинки не пролил, тут неволею заставляешь думать, что она ничтожнее всех последующих.

Запечатал ли ее Христос своею кровью? Нет, Он сказал: воззрите на птиц небесных, они не сеют, не жнут, не в житницы свои собирают, а Отец Небесный питает их. Из этого видно, что он ее спроверг, т. е. крови за нее не проливал. Несмотря на то, что она от начала века и по сей день живая во гробе в землю зарытая — а легко ли живому во гробе лежать! — т. е. ни на каких пословицах и ни в каких писаниях и помину нету о ней и никто ни одной понихиды не отслужил за упокой души ее. А теперь уверяет меня какое-то предчувствие, что мне определило правосудие неба засвидетельствовать и запечатать истину ее моею кровью и слезами. Но я тем не смущаюсь, двух смертей мне не будет, а одной и без того не избегнуть.

На меня Леонид Николаевич² дружески посерчал, да и Вы согласно с ним желаете мне, чтобы я не подавал Царю об этом прошение. Но меня вышеприведенный факт сильно к тому подстрекает и мне кажется, не удержусь, когда-нибудь напишу. Прошу и умоляю Вас, Л. Н., благословите Вы меня на этот подвиг, ведь люди же страдали и даже умирали за истину, а мы кто? А, может статься, и не пострадаю, сердце Царево в руке Божией. Что Богу угодно, то Царь и сделает со мною.

Еще раз повторяю просьбу свою: сего же дня и сей час же отошлите на почтовую контору все мои бумаги.

Прощайте, друг мой, душа души моей, остаюсь здоров уважающий Вас

Т. Бондарев.

1886 г. Июля 23 д[ня].

---

¹В данном письме Бондарев называет два письма: полученное 20 марта и 16 мая. Несомненно, что в марте было получено письмо №4, в мае — №6. Письмом №8 Бондарев отвечает на оба эти письма Толстого.

²Жебунев.

9. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому 1886 г.

Много и много, и еще много уважаемый мною друг и братец мой Лев Николаевич.

Посланное от Вас ко мне письмо в первых числах Июня¹, а я получил его в последних числах Сентября, вот сколько много времени держал его Попов в Минусинске, и притом получил 7 книжек и другое письмо с увещеванием удержаться от пьянства. Чего Богу известно, а от Вас таиться нечего — Вы такой же человек, как и все люди. Я по это время был не последний выпивахом. Получивши же Ваши убеждения о удержании от пьянства, тут я да и многие люди у нас положили сами с собою завет не пить вина и никого не угощать вином. Если бы кто другой написал нам, то его можно и не послушать, а если уже Толстов пишет, то его советы нельзя спровергнуть: так говорят все люди.

Посланные от Вас ко мне напечатанные мои статьи я не получал их. А почему? Не получил, потому что Вы их отправили, как обыкновенно отсылают газеты, надевши на номер один хомутик, но в газетах, как это Вам известно, там заинтересоваться нечем, потому они и доходят. А мои статьи, как увидали их, и пошли с рук в руки, потому и затерялись, а, может статья, и в Минусинске остались. Это у меня такая догадка.

По всему выше сказанному, покорнейше прошу Вас, Лев Николаевич, по получении сего скоро и немедленно пришлите мне сказанных статей два экземпляра, я один оставляю у сеоя, а другой отправлю на родину к брату, и притом запечатайте их в конверт, а иначе они никогда не дойдут. И Адрес пишите не на Попова, а прямо мне, Бондареву.

Если будет возможность, то пришлите мне и более экземпляров, что они будут стоить, я Вам деньги вышлю. Мне нужно послать их своим знакомым. Много я удивляюсь тому, что Вы при таких ясных и верных доказательствах не хотите признать Каина праведником, а скорей согласны назвать его горьким, а горький — то же, что и проклят.

Пусть бы мы с Ветхого и с Нового заветов, например, Авраама, Исаака, Иакова, Моисея, Иоанна Крестителя, Петра и Пав-

ла и т.д. назвали и признали проклятым, его в этой толпе видеть и нет. Нет: мы признавали первородившегося на свет проклятым. Я всегда при воспоминании об этом содрогаюсь, а мой Лев Николаевич с этим со мной не согласен. Мне кажется, что Вы не признаете его святым, потому что Вас признают бунтовщиком, т. е. страха ради отрекаетесь от его святости, так как Ваши слова признает весь мир законом.

Какое нам дело до того, что проклят Каин или не проклят, так говорите Вы. Нет, нет, я не подпишусь к этому. Если бы мы назвали грешника святым, это легко, а праведника признавать проклятым — об этом стоит подумать. Я даже всегда пред Богом произношу Каинову исповедь, ВЯСШАЯ ВИНА МОЯ.

Я вот сколько живу на свете, как это Вам уже известно, и всегда с людьми трактую о Боге и о законе Его, несмотря ни на какие разногласия наши, вражды и ненависти не было, еще напротив того, большая и большая дружба и любовь вкореняется. А Вы опасаетесь, что с этого может возникнуть вражда и ненависть. Никогда.

Итак, Л. Н., опять повторяю выше сказанное — пришлите мне вышепомянутый дорожайший в свете для меня гостинец.

Т. Бондарев.

---

¹Письмо Толстого, на которое отвечает Бондарев, неизвестно.

10. Л. Н. Толстой — Т. М. Бондареву¹
12 февраля 1887 г. Москва.

Тимофей Михайлович,

Рукопись² вашу я получил и прочел. Я согласен с вами, что любовь без труда есть один обман и мертва, но нельзя сказать, чтобы труд включал в себя любовь. Животные трудятся, добывая себе пищу, но не имея любви, дерутся и истребляют друг друга. Так же и человек.

Первое сочинение³ ваше я стараюсь распространить и напечатать, но до сих пор еще ничего не окончено. Когда будет напечатано, в чем я не отчаиваюсь, я пришлю вам. Я с половины нынешнего лета был болен и недавно только поднялся и потому не писал вам.

Напрасно вы, Тимофей Михайлович, огорчаетесь тем, что ваше писание не печатается и что правительство не делает распоряжения соответственно вашим мыслям. Мысль человеческая тем-то и свята, что она действует на людей свободно, а не насильно, и никто не может заставить людей думать так, а не иначе, и вместе с тем никто не может остановить и задержать мысль человеческую, если она истинна, с Богом думана. Правда возьмет свое, рано или поздно все люди признают ее. Только как Моисею не дано было войти в обетованную землю, так и людям не дано видеть плодов своих трудов. А надо сеять и радоваться тому, что Бог привел быть сеятелями доброго семени, которое взойдет на пользу людям, если оно доброе. Так и с вашими мыслями. Они многим уже послужили на пользу, открыли им ложь и указали истину и, как свеча от свечи, будут зажигаться дальше. Скучать о том, что мысли мои не признаны сейчас, теперь, и не приведены в исполнение, может только тот человек, который не верит в истину своих мыслей; а если верить тому, что мои мысли думаны с Богом, то и заботушки нет. Бог возьмет свое и слуг себе найдет, и время свое знает, а мне остается только радоваться тому, что довелось быть слугою дела Божия.

Желаю вам всего лучшего от Бога, душевного спокойствия и радости.

Лев Толстой

-
- ¹Письмо опубликовано в ПСС, Т. 64, С. 12–13. На копии помета: «Получено 17 марта».
- ²Рукопись неизвестна. Возможно, что Толстой имеет в виду одно из «добавлений» к большой статье Т. М. Бондарева. Последний часто дополнял свою работу «Торжество...» (см. письмо №14).
- ³«Торжество земледельца или трудолюбие и тунеядство».

II. Л. Н. Толстой — Т. М. Бондареву¹

4 августа 1887 г. Ясная Поляна².

Любезный друг Тимофей Михайлович!

Статьи ваши еще в начале прошлой зимы были переданы одному человеку, который хотел их отпечатать без цензуры, но видно нельзя было это сделать и он передал их назад. Я был отчасти рад этому, потому что за это можно пострадать, но жаль было, что не распространяются полезные мысли. Весною же я познакомился с одним очень хорошим, умным и богатым человеком, который считает не законным владеть имением и жить чужими трудами и желает принадлежащее ему имение употребить на полезное с тем, чтобы не владеть им. Он прочел ваши статьи, списал их и хочет напечатать по-русски за границей. Тогда их можно будет легко получать из-за границы и многие узнают их. Я давно не видал его, но знаю, что он человек верный, то, что говорит, [делает], и потому думаю, что он или напечатал или печатает. Он, наверное, мне пришлет несколько экземпляров и тогда я немедленно пришлю вам. Перестановка некоторых статей ваших из одного места в другое сделана мною для того, чтобы усилить действие ваших мыслей. Все то, в чем нельзя спорить, от чего нельзя отклоняться, я поставил вместе, а то, в чем я, зная образ мыслей большинства читателей, можно спорить, я поставил в конце. Так, чтобы в самом главном не было ни сучка-задоринки и никто бы не смог отговориться от своей вины. А то, как только есть к чему придраться, то обличаемые люди и рады спорить о том, что неверно, чтобы самое главное было забыто.

Не скажу, что жалею о том, что вы были больны, потому что полагаю, что болезнь и самая смерть плотская — такие же блага, как и здоровье и жизнь плотская, если они не нарушают спокойствия духа и веры в Бога. И этого-то желаю вам и в здравьи и в болезни и при смертном часе. «Благия прияв, злых ли примем»³.

Любящий и уважающий вас

Лев Толстой.

4-го августа.

---

¹Письмо опубликовано в «Яснополянском сборнике», Тула, 1968, С. 176–177 (см. прим. 1, письмо №1).

²На копии помета: «Получено 8 сент. 87».

³Ср. заявление жены Иова (Иов. 2:10): «неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?» Библейские цитаты, приводимые Л. Н. Толстым и Т. М. Бондаревым сопоставляются с текстами следующего издания: «Библия или Книги Священного Писания Ветхаго и Нового Завета в русском переводе», Монреаль, 1989.

12. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому
Конец июня 1888 г.

Лев Николаевич.

В первых числах сего июня отправил я к Вам письмо, а 22-го этого же месяца от Командующего Императорскою Главною Квартирою по Канцелярии для принятия прошений на Высочайшее имя прошение получил ответ такой (кроме всех бесполезных для нас протяжений):

«На ходатайство Бондарева чтобы отпечатать его сочинение о трудолюбии и тунеядстве соизволения не последовало. По причине неосновательности его ходатайства отобрать от Бондарева подписку», так пишет он Красноярскому Губернатору, и хранить это при делах Вашего Превосходительства впредь до востребования. На этом и кончилось.

По неосновательности ходатайства. А в чем состоит эта неосновательность? В том ли, что я в прошении говорю не так, как должно говорить, или не в то место и не тому лицу, куда следует подаю. Чем и как поправить эту несостоятельность? Эту загадку и сам черт не разгадает.

Из этого можно думать, что скоро потребуют от меня мое сочинение, потому покорнейше прошу Вас, Лев Николаевич, скоро и немедленно пришлите Вы мне свой перевод, который Вы приготовили для отпечатания. А иначе они моего произведения и читать не станут.

По прошествии месяцев двух я думаю еще написать Царю прошение, т. е. напомнить ему об этом. Можно ли это сделать?

Еще у меня есть цель такая: когда потребуют от меня одно это дело, то я не дам им его, а требуйте, скажу им, и меня вместе с ним, по той причине, как я первый изображатель сего от начала века на свете небывалого закона, потому должен и рад быть и при отпечатании его и так далее. Как Вам эта цель моя кажется, полезная или вредная?

Итак, опять повторяю и всепокорнейше прошу Вас, Л. Н., скоро и немедленно пришлите мне свой перевод.

Бондарев.

13. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому 1888-1889 гг.

Потерял, мне кажется, присутствие духа в распространении первородного закона, от всей души уважаемый мною мой Лев Николаевич.

Да нельзя же и не потерять, не стена крепкая, а непереходимая гора каменная стоит на пути, ведущем этот закон в мире. Не будем говорить о человеке, да в силах ли сам Бог скрытыми местами, тихими стопами, неизвестною дорогою ввести его в свет? Нет: не в силах, потому что Бог не имеет права неволею тащить человека на путь добродетели, а тут нужны человеческое желание и благодать Божия, как птице два крыла.

Только в одном я не отчаиваюсь, в Боге, если он сделает такой пролом для введения в свет этого закона, как было во время потопа, при Моисее в Египте, на Чермном море¹, в пустыне, на Иордане и в земле обетованной. Вот в этом только я не отчаиваюсь. А сделает ли Бог вышесказанное? Сделает, сделает, и в третий раз повторяю: сделает. Мое пророчество мимо не пройдет, сделает, а чтобы тихо, спокойно, без принуждения, благим советом — это немыслимо. Вы сами знаете, на кого этот главный из пороков — порок тунеядства во-первых устремляется.

Я тут что-то недоумеваю — или они этот закон не принимают, или их закон, как негодяев, отвергает. Но я этот вопрос более решаю на последнем. Представьте, Л. Н., пред умные души своей очи, самая главнейшая в свете добродетель — это хлеб в свет производить, и самым последним в свете людям самым Богом вручена, из нашего класса многие в их класс переходят, а из них к нам ни один*, т. е. наш класс как пшеница на ветре перевевается.

Я два прошения подавал об этом Мин[истру] В[нутренних] дел, ответа нету, и два на высочайшее имя, последнее в прошедшем феврале, с означением на стороне Адреса: секретное. И тоже ответа нету. Теперь еще цель имею в будущем декабре написать Государю же, в котором выскажу всю для него нестерпимо едкую истину. Двух смертей мне не будет, а одной и без того не избежать. Если я 68 годов прожил на свете, не видал светлых, кроме пасмурных, дней, а теперь к чему они мне? Допивай душа моя чашу страдания до последней капли!

Пришлите мне, Л. Н., копию со своего перевода, так как Вы написали это для отпечатания. И также пришлите последнее мое к вам послание – 50 ст[атей] о любви к ближнему. Скажите мне, какой ответ дала Вам цензура на невозможность отпечатать мои статьи. И по какой причине за границей не отпечатали их без цензуры? Так как Вы мне писали об одном уважаемом господине. Я прошедшую осень посылал Вам письмо, получили ли Вы его?

Еще прошу Вас, Л. Н., поищите в Москве в книжных магазинах псалтирей в русском переводе. Но только тех, которые с предисловием и на конце предисловия подписаны переводчики: Серафим Митрополит Новгородский, Филарет Архиепископ Московский и Семион Архиепископ Ярославский. И пришлите мне хотя экземпляра 3, а деньги я Вам вышлю, и притом напишите Адрес того Магазина и цену им, я буду их выписывать, потому что у нас они нужны, и если есть, то в переплете.

Скажите мне, как, почему и откуда вся плодородная земля, луга, леса, рыбные реки и озера по всей России – помещицкая собственность? Заслужили ли они ее или купили? Или нагло отняли? Или коварно присвоили? Кто, когда и на каких правилах отдал им ее? Уже одной ногой наступила вселенная вся на порог голодной смерти за недостатком земли, а ее и ныне продают миллионерам навечно. Вам это все известно, именем Бога правды прошу и умоляю Вас, напишите мне об этом ясно. Да до какой же степени возненавидело и омерзило правительство наш низкий класс, если бы можно было, то оно и солнце закрыло от нас, а на себя сияние его обратило, и воды все у нас осушило, словом, приказало бы земле, чтобы она нас всех живых пожрала. Это все верно видно из отнятой у нас земли и из прикрытия сказанного закона.

С каким пламенным желанием прошу я смерть, чтобы она избавила меня от этой муки, то есть чтобы глаза мои не видали и уши не слышали этой сверхъестественной и выше всякой меры неправды и беззакония света сего. Но смерть что-то медлит.

Известный Вам Т. Бондарев.

Еще раз прошу, напишите мне, о чем я Вас просил, я буду с твердой надеждой ждать на все то разъяснения.

*Кроме только одного Л. Н. Толстого, тот присовокупился к нам. Вы в письмах пишете мне это, что работаете, да и многие люди, очевидцы, в том меня уверяют. [Помета Т. М. Бондарева]

¹Ветхозаветное название Красного моря (см., напр. Исх. 13:18, Пс. 105:7).

14. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому 1889 г.

Многоуважаемый Лев Николаевич.

В первых числах Август[та] сего 89 года получил я от Вас¹ письмо, за которое откуда начать и где кончить отдавать Вам благодарность, я по своему тесно ограниченному разуму выразить не могу. Кроме одного только пожелания Вам от Бога всего на свете лучшего.

Вы говорили в письме, что стараюсь и буду стараться отпечатать мои статьи, а теперь дошло до сведения моего, что они не приняты, да и дело, потому что первородный закон насколько для низкого класса людей сладок и приятен, настолько для высшего класса горький и отвратителен есть. Словом, он кладет между людьми и людьми не мир, а меч. А чья сила более из этих двух классов? Потому тут не то что земная, и небесная сила изнеможет вывести этот закон на белый свет.

Я прежде говорил и даже в прошении к Ми[ни]стру писал, что пред лицом великого правительства праздность и тунеядство процветут и возвысятся, а хлеб и труд увянут и обнизятся, и это мое пророчество мимо не прошло да и не пройдет.

Именем Бога умоляю Вас, Л. Н., потребите Вы все возможные силы и меры, доведите мою проповедь до сведения великого Министерства или и самого Государя. Пусть они спровергнут этот первородный закон: в поте лица снеси хлеб твой. Тогда Вы останетесь правы пред Богом, за что он не оставит Вас без награды.

Я по случаю своей малограмотности не мог понять из Вашего письма, всю ли получили мою рукопись или только одно сокращение, потому я в своем письме, которое тогда же отослал к Вам, наговорил много лишнего, в чем прошу извинения.

Я в Минусинске по случаю крайне уважительных причин два года не был, а только вот на днях получил письмо, в котором он* усердно просит меня приехать в Минусинск, кое-что нужное переговорить со мною, но я там ближе не могу быть, как только в половине будущего Марта.

Я подавал Г. Министру внутренних дел два прошения об этом же. Первое в 1883 году 18 Июня за №4933, а второе в

1884 году 30 Марта за №938, о которых и по сей день не получаю никакого ответа. А теперь намереваюсь подать Государю, но это будет не ближе, как в половине будущего Апреля.

При этом посылаю к Вам чрез Лебедева 12 статей добавлений к моей рукописи, которые прошу поместить на подходящих к ним местах.

Все, покорнейше прошу Вас, Лев Николаевич, напишите мне о последствиях сего дела. Да и не будет ли у Вас возможности узнать, получал ли Г. Министр мои прошения или нет и какую резолюцию положил он. Хотя бы он написал мне или да, или нет. Я и тем был бы доволен.

Остаюсь глубоко уважающий Вас Тимофей Михайлов Бондарев, здоров, чего и Вам желаю на многие лета.

Я живу от Минусинска 160 верст.

Я занимаю в своей дерев[не] должность учителя, у меня 60 человек учеников. Дети, которые могут свободно читать, с какою жадностью читают Ваши книжки. Кто их и откуда прислал собствен. для Вас, и без всякой цены отдает 1½к. за книжку, и они всяк на свой лад выражают Вам благодарность.

Лев Николаевич, прошу Вас, не поставьте мне в порок, а себе в обиду, что я Вас не величаю. Мне кажется, что это здесь ни к чему.

Еще раз повторяю, скоро и немедленно напишите мне о всех последствиях сего дела, и сколько можно ясно.

*Доктор Лебедев [*Помета Т. М. Бондарева*]

---

¹Письмо Толстого, на которое отвечает Бондарев, неизвестно.

15. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому
20 ноября 1889 г.

Лев Николаевич.

У нас в деревне, в которой 120 дворов, есть человек, Гаврила Петрович Федянин, и у него три сына от 30-ти до 40 год[ов], и притом не богат, а довольно зажиточный. Он один только со всем семейством вина не пьет и даже в дом не вносит, сам никого не угощает вином и ни от кого не принимает, за что многие ропщут на него, но он тому не внимлет.

И когда я прочитал ему присланные Вами книги о пьянстве¹ и притом уверил его, что эти книги Вы сочинили и напечатали, тогда он встал с кресла, на котором сидел, и поднял руку к небу и начал умолять Бога, чтобы послал Вам все желаемое, и потом низко поклонился Вам, обратившись в Вашу сторону, далее протянул руку и крепко пожал Вашу руку с пожеланием всего лучшего Вам.

Потом начал меня просить и всячески умолять написать Вам от имени его, это от Федянина, благодарственное письмо и дает мне один рубль сереб[ром], но я взял только 10 коп[еек] на марку. И это все происходило в доме моем в особой от людей комнате, где нас было только двое. И притом просил меня выразить в письме великую благодарность Вам. Но я не признал нужным это, мне кажется, довольно и того, что выше сказано.

И Вы, Л. Н., напишите, прошу Вас, ему, это Федянину, письмо и скажите в письме так: «Я получил известие о вашей крепкой трезвости, известие через некоторого минусинского знатного господина (а от кого именно — это не нужно), что вы вина и в дом не вносите». И при этом скажите ему, это Федянину, и всевозможное за то спасибо и затем скажите ему так: «О! лютая она (это вино) Ехидна, семиглавный змий, семиглавные и порождения ее. Первая голова у нее — бесславие, которое чернит доброе имя человеческое. Вторая — болезнь. Третья — тяжкая нищета и нестерпимое убожество. Четвертая — жене и детям, отцу и матери печаль и вздыхание. Пятая — врагам радость. Шестая — протаптывает дорогу в каторгу и делает жену вдовою, детей сиротами, дом вконец разоряет. Седьмая и последняя змеи голова — преждевременная смерть, что верно

изследили доктора. И даже самое имя ее подобно змию страшно. Какое-нибудь преступление называется вина, и вино — вина. Пойдем говорить один другому: пойдем в кабаки и выпьем вина, т. е. не в руки возьмем и не в карман положим, а в самую внутренность и на самое сердце сольем эту вину. Если назовем его и на малороссийском языке: горилка, и тут то же горе или горячая вещь, т. е. пожар. О! Какой страшный поступок! Сам для себя человек делается смертельным врагом. Не имущие смысла твари и те всевозможно убегают от зла. А человек, разумное Божие создание, сам неудержимо стремится на зло. Выпью вина — это преступление, я это пишу и сам с собою горько улыбаюсь, смотря на человеческое безумие. Выпью вина, одну рюмку выпить вина не грех и не беда — это всегдашняя поговорка у людей. Но я на это отвечаю так: рюмки, стаканы, полуштофы и штофы — такая родня, что всегда хотят быть вместе. Куда попросится одна рюмочка, от ней не отстанет и стакан, к стакану непрерывным канатом привязаны полуштоф и штоф, и от одной рюмки делается такой пожар, что и сороковую бочкою не зальешь.

Но пьяница по то только время скачет и веселится, покуда не проспится, а с похмелья поутру грустить начинает и на него тяжело смотреть бывает. Кто его бил пьяного вчера, того не знает. Рожа у него вся опухла и пища в брюхе перетухла, и от свиньи такой вони нету, ежели кому в примету. Ах, добро мне было вчера гулять и веселиться, а теперь голова болит, да нечем и похмелиться. Дай-ка заложу хоть кафтан, ведь не провалится. А сам буду носить серый разодранный, да и тот с женою в приданое данный. Вот таково-то с похмелья всякому бывает, последнее продает или закладывает.

Да если бы я не один язык, а много языков у себя имел и говорить бы захотел, и тогда нельзя бы было подробно поведать горесть ту, и тогда нельзя изречи все бедствия, происходящие от вина. Изнемогут всякие уста человеческие рассказать и изъяснить весь вред тот. Ах, лютая она ехидна семиглавная, от ней происходит и гибель!

Итак, читатели и слушатели сего, почитайте, прошу вас, и уважайте блаженнейшего из всех человеков этого человека — кого же? Гаврилу Петровича Федянина, подражайте благочестивому житию его. Он желает избавить и спасти вас от всех вышепомянутых бедствий. А слушаете ли вы его? Мне кажется, нет. Да позволительно ли быть самому для себя врагом?

Если ты сам для себя враг, то кому же ты будешь доброжелатель?

Напишите, Л. Н., прошу Вас, напишите все сказанное мною и притом добавьте к этому, если только можно добавить, своего убеждения. Да при этом прошу Вас, Л. Н., не поставьте мне в позор и в порок то, что я даю Вам направление, как писать, то есть яйца курицу учат. Об этом стоит подумать.

И еще прошу Вас, пишите так, чтобы не то чтобы имени моего, Бондарева, в письме к Федянину не было, но и одного намека не означалось бы. Я при этом на одной почте в особом конверте послал Вам и свое письмо, а Вы отсылаете к нам письма через неделю одно от другого.

А если да узнают люди, что Вы пишете Федянину по моему ходатайству, тогда все это послужит нам не в пользу, а во вред. Вам известный закон всего мира: он не слушает, что говорят, а смотрит, кто говорит.

Как Федянин малограмотный, потому пишите ему четко, чтобы всякая буква походила сама на себя, тогда он будет сам прочитывать его людям.

О пьянстве белоручки имеют право увещевать и убеждать нас, но что касается труда: молчи глуха — меньше греха, и не пикни.

Никаких статей своего сочинения я от Вас не получал, которые Вы мне посылали.

Написавши это письмо, я прочитал его Федянину, он много и много доволен остался.

---

¹Неизвестно, какое конкретное сочинение имел в виду Бондарев, однако мы знаем, что Толстой много писал о вреде пьянства как в своих художественных, так и в публицистических сочинениях.

16. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому 1890 г.

Лев Николаевич.

У нас в Минусинске есть окружной доктор Михаил Прокопьевич Попов, от души уважаемый мною человек, и он никак не согласен со мною, что Каин принят Богом в объятия, и потому у нас с ним происходит сильное прение об этом, и потому мы с обеих сторон согласились с тем, что представим это Л. Н. Толстому, как он признает Каина, с тем и мы должны быть согласны, после того, то есть Вашего решения, уже не прекословить друг другу. Потому прошу Вас, решите это дело по своему произволу и это решение представьте нам, да притом и скоро — не томите нас. А адрес пишите на Попова, так как он сам ниже этого напишет, и он, прочитавши Ваше решение, потом пришлет его ко мне. Мы так согласились.

Т. Бондарев.

Что Попов более примет в уважение — известное Вам трудолюбие или тунеядство — это мне еще не известно. В Англии* изобретено средство такое: хочет жена — родит много детей, а хочет — ни одного или двух и троих, как ей угодно. Я это признаю чадоубийством, а Попов никакого убийства не признает в этом. Решайте и это наше разногласие.

Попову напишите письмо пространное, а мне, Бондареву, коротенькое, на одном слове, на какую сторону решено дело.

И если останетесь на том убеждении, что Прокопий Михайлович, то разъясните, почему и за что.

*Приписка рукой П. М. Попова: Тут недоразумение автора. Дело в том, что я говорил Бондареву, что в среднем и особенно высшем кругах во Франции (я читал где-то, кажется, у Тэна) встречаются много женщин или вовсе не желающих рожать детей и быть в то же время замужем, или желающих ограничиться имеющимся налицо только одним, двумя не более детьми и достигающих этих результатов без всякого чадоубийства и не прибегая к известным плодоизгоняющим средствам, расстраивающим навсегда здоровье женщины, и убивающих в зародыше плод, а последнее, то есть вытравление плода, конечно, есть тоже чадоубийство и должно быть караемо как преступление.

Врач Прокопий Михайлов[ич] Попов в Минусинске.

Первородное покаяние. Глас крови вопиет ко мне.

И рече Господь Бог Каину по убиении Авеля: глас крови брата твоего вопиет ко мне от земли (Быт.)¹. Из этого видно, что все грехи и беззакония человеческие молчат, дожидаются определенного им от Бога срока. Кровь же человеческая да притом и всякая обида, которая сушит кровь непрестанно день и ночь, вопиет во уши Богу не с прошением, а с настойчивым требованием скорого за то возмездия. Напротив же того и всякое добро, сделанное человеку, которое умножает кровь, также настойчиво требует от Бога скорой за то награды.

И ныне, — говорит Бог Каину, — проклят ты на земле, яже разверзи уста своя прия кровь брата твоего от руки твоея; егда делаеши землю не приложи силы своея дати тебе. ,

Есть простонародная поговорка, которой и я отчасти верю, что до того времени колос был по первое коленцо соломы. «Стенай и трясыйся будетеси на земле»², — так сказал Бог Каину, то есть не будет иметь постоянного жилища, а будет изгнанником и скитальцем по белому свету и будет трястись, как в лихорадке.

Вот видите ли, читатели, по силе Каинова преступления положил ему Бог меру наказания. Тут Каину нужно бы обратиться к Богу с покаянием и сказать бы Богу так: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей»³ и так далее, потому что нету греха, побеждающего Божие милосердие, насколько бы грех не был велик, а милость Божия больше, да притом Каину не были даны заповеди, как нам ныне: не убий. Я думал, что можно убить, то есть Каину можно бы было неведением оправдаться, как отец его Адам на жену слагал вину свою: «Жена юже дал ми еси, та дадеми от древа и ядох»⁴.

Нет, Каин не нашу нынешнюю песню запел пред Богом, то есть не сказал: «Помилуй меня, Боже», а говорит: «Вясшая вина моя еже оставитеся ми»⁵, то есть вина моя, — говорит Каин, — пред Богом настолько велика, что не то чтобы простить, и смягчить ее нельзя. А ты, Бог, почему не весь сполна приговор определил на меня? «Вясшая вина моя еже оставитеся ми».

Бог ему не говорил, что от лица моего скрыйся, а Каин сам сказал пред Богом: «От лица твоего скриюсь»⁶, то есть ни душевных, ни телесных очей не буду во всю мою жизнь возводить к тебе, Богу моему, не буду тебе молиться и не буду от тебя милости и прощения просить. «Вясшая вина моя, еже оставите-

ся ми» — это достойная мера наказания мне, — так просил Каин Бога.

Потом: «И всяк, — говорит Каин пред Богом, — и всяк обретый мя, убьет мя»⁷.

Была ли у Каина цель та, что если я буду просить у Бога усугубления, то он мне и остальное простит, была ли у него такая цель? Нет, не была, потому что тогда еще подобных примеров не было на свете.

Бог тут же смягчился и умилосердился над чистосердечной его признательностью и покаянием и сказал Каину: «Не так всяк убивый Каина, седмижды отмститися»⁸, то есть кто убьет или чем-либо обидит — словом или делом, — тогдашнее гражданское правительство должно [в] семь раз более взыскать с обидчика и оскорбителя его.

Да и мало того, что оказал Бог столько великую милость на словах Каину, да еще к тому и знак положил на нем. «И положи Бог знамение на Каине еже не убить его всякому обретающему его»⁹. Это всяк-всяк встретившийся с Каином еще в далеком расстоянии видит это знамение и вполне понимает силу его, потому дорогу ему уступает и низкие поклоны отдает, потому что оно подобно звезде, утренней зарнице, сияло на нем, потому его, Каина, весь тогдашний мир уважал, как нынешнего Царя уважают, нет, более, потому что на Царе знаки отличия положены человеком, а на Каине самым Богом.

«И изыде, — говорит Священное Писание, — изыде Каин от лица Божия и вселися в землю Наид»¹⁰, скрылся от Бога, то есть ему Бог простил его преступление, но он сам себе не простил и не признавал себя достойным тех милостей, которыми наградил его Бог, а держался вышеупомянутого своего постановления, ни душевных, ни телесных очей не возводил к Богу. При этом нужно знать, что он не в отчаяние впал, а признавал себя недостойным к тому.

«И позна Каин жену свою, заченше роди Еноха»¹¹. А где Каин жену взял? Из того потомства, которое рождено от Адама до преступления, как это выше было доказано. «И бе Каин зиждий град, и наименова град именем сына своего Енох»¹². Из этого видно, что он, Каин, был царем или князем по тогдашнему веку.

Тут задается вопрос: если Каин остался проклят, стенал и трясся, как в лихорадке, и не имел постоянного жилища, а скитался по белому свету, как положила и утвердила вселенная вся, то какой же он, Каин, был строитель первого на свете города?

Не очевидное ли тут заблуждение в понятии этого великоименитых людей?

Тут ясно и верно открывается нам то, что Каин за такое чистосердечное и смиренное покаяние, как выше сказано, не то что прощение получил, а еще на высшую степень достоинства возведен был, и это знамение, которое положено было на Каина, оно подобно утренней зарнице сияло на нем, при этом можно дать место той догадке, что это знамение видали все тогдашние люди по всей земле, потому что оно не человеком, а самым Богом положено.

Вот такой же знак отличия и на нас, земледельцах, или короче сказать, на мне, Бондареве, положен, но вы его не видите (это слово не к Л. Н. — не видите), а если и есть из среды вас именитые люди, те, которые и видят и вполне понимают, но они не имеют настолько силы, чтобы его обнародовать.

И это знамение, которое положил Бог на Каине, оно вменилось ему в природу, которое перешло и на сына его Ламеха, и он был после него или и при нем же в другой части света царем или князем, да и на все роды его до самого потопа, почему они и назывались сынами Божиими.

Если бы Каин, сделавши столько великое преступление пред Богом, да и начал бы просить Бога по-нашему и сказал бы пред Богом так: «Помилуй мя, боже, по велицей милости твоей» (Псал. 50)¹³, тогда бы спросил у него Бог: «Как же, Каин, так? Если ты родному брату своему не сделал милости и не оказал помилования, а от меня просишь милости и ищешь помилования. Ты только сам себя любишь, а ближнего своего ненавидишь? И желаешь его с света живых согнать и согнал» и так далее. Тогда бы он его, Каина, загнал туда, где и Макар телят не пас (а был ли тогда этот Макар?). Может статься, Каин с тою целью просил, чтобы его убили, чтобы избавиться от мучительной жизни? Нет, этого думать нельзя, потому что он и кроме этого нашел бы, как и чем прекратить жизнь свою, да притом он не самого убийства просил, а и других поруганий и оскорблений, как это выше сказано.

Адам первый согрешил в раю, а Каин первый по изгнании, то есть на этой же земле и в этих обстоятельствах жизни, в которых и мы ныне живем. Да могло ли это быть, да и можно ли допустить, чтобы на первом шагу вступления в свет человеческого рода первый родившийся и первый согрешивший да и остался бы навеки и навсегда проклят?

Нету же от рожденных, чтобы не согрешили, и от исповедающихся, чтобы нечестивого не сотворили, так сказано в Священном Писании, поэтому от перворожденного Каина и до последнего родившегося на свете весь род человеческий проклят есть пред Богом.

Да не есть ли это страшная и никакими слезами не оплаканная хула на Бога — Каин проклят! Если же он, Бог, над перворожденным и над первым согрешившим оказал такую лютость и немилосердие, что навеки проклял, то можно ли и нам чаять от него, от Бога, какой-либо милости и пощады? Нисколько и никогда. Да не есть ли, опять повторяю, не есть ли это страшная хула на Бога, первородный Каин проклят (я при этом слове содрогаюсь), Каин во святых святой, как это мы выше видали да и ниже увидим, а вселенная вся во все колокола звонит: Каин проклят, Каин проклят. А сам тот, кто звонит, сто раз большему проклятию подлежит, и он того не видит. Лучше же 9 проклятых назвать и признать святыми, нежели одного святого назвать проклятым.

Всех великих родоначальников и самого Адама означено, кто сколько жил на свете и когда умер. Почему же Каиновой и происшедших от него великих родоначальников не сказано, кто сколько жил на свете и когда умер? Тут ответ коротенький да притом и не завитый, потому что если уже сам Бог положил на нем знамение, чтобы не убил его никто, то это не к одним людям относится, а также ни зверь, ни огонь, ни вода, никакая язва, ни болезнь, ни старость не имеют права не то, чтобы убить, но и никакого вреда или оскорбления ему нанести. И даже сам Бог, положив на нем знак бессмертия, не предаст его смерти, то есть не изменит своего постановления. Из этого видно, что как Каин не умер, так и все те потомки его, которые по природе получили эту утреннюю сияющую зарницу, избавлены от смерти. Вот почему и не сказано, кто сколько из Каинова потомства [жил].

Перворожденный праведник — это я Каина называю праведником — он отличие получил от прочих людей, как это мы выше видали. Спрашиваю: почему же из ныне нами уважаемых святых отцов Ветхого и Нового заветов ни один не удостоился получить от Бога никакого знака отличия от прочих людей, то есть не можно было узнать его праведность и угодность Богу? Тут один только шаг до того убеждения, что их не Бог, а люди называли святыми отцами, судя по первородному праведнику.

Может статься, по чудесам назвали и признали их святыми? Но чудеса не есть доказательство святости, потому что и волхвы египетские делали чудеса перед фараоном. Аарон в пустыне, собравши серебро и золото, бросил в огонь, без всякой формы выливается телец и сам собою встает на ноги, выскочил из огня и три раза промычал во услышание всех, не чудеса ли это?

Волшебница вызвала из гроба Самуила пророка и представила его царю Саулу, а царь Саул, как можно думать, не глупый человек был, он верно знал, что волшебница представит ему не тень, не мечтание, не призрак и не обман, а в самой сущности Самуила, и представила. Не чудеса ли это с противоположной стороны Божества? И все те, прежде бывшие чудеса, их можно и не можно приписать Божеству. Но вы, читатели, не воображайте, что я не верю в силу чудес, верю, твердо верю, но почему же как с той, так и с другой стороны сила чудес одинакова?

Делал ли Каин какие-либо чудеса? Делал, великие чудеса делал. Какие же? Вот они: первый изобретатель кования меди был Фовела, Каинов правнук. Спрашивается, чем и как построил Каин первый город на земле, когда никаких железных инструментов не было, не чудеса ли это? Многие делают догадку такую, что он каменными инструментами работал, этого допустить нельзя. Может статься, из нетесанного камня да из валежнику лесу как взгромоздил его да и назвал его городом. Спрашиваю, если то так, то уподобил ли бы он сына своего этому хламу, то есть назвал ли бы он эту нелепую и смеху достойную городушку именем сына своего Еноха?

Из этого видно, что построенный Каином первый город на свете был красивейший из всех наших нынешних городов город. А чем и как он построил его без железных инструментов? Не очевидные ли это чудеса со стороны Божества, происходящие чрез святость и праведность Каинову. А магии или волшебства тогда не было, потому в этих чудесах никакого сомнения быть не может.

Мы видим из Священного Писания, что многие согрешили пред Богом и покаялись, и Бог их принял. Но я укажу хотя на двух: Давид, царь Израильский, и Манасия, царь Иудейский, они тяжко согрешили пред Богом: первый был блудник и убийца, а второй ревностный идолопоклонник да еще к тому, говорит предание, Исаию-пророка перерезал деревянную пилюю. Потом эти два преступника возопили к Богу и сказали так: «Поми-

луй мя, Боже». А Каин возопил к Богу так, как мы уже выше видали. Спрашиваю, чье покаяние более убедительное и прощения достойное, Давидово и Манасиево или Каиново? Тут без сомнения можно соогласиться с тем, что Каиново не в сто, а в тысячу раз более милосердия и прощения достойное.

Если Каин проклят и проклят, и мы признаем его таким же, то это не во вред нам. А если же он из всех святых святей и из всех праведников праведней пред Богом, так, как я выше доказал, а мы назвали и в том сами себя утвердили, что он проклят, тогда что?

Пусть бы мы назвали из Ветхого или Нового заветов какого-либо Богу угодного человека проклятым, это не настолько вредно, потому что он в середине, его в этой толпе видать и нет. Нет, мы называем проклятым вот кого, то есть первородившегося. Не стоит ли об этом подумать и вздрогнуть?

(Ниже этого есть приложение на двух листах, или на четырех страницах писания).

Итак, Л. Н., изжалейся сам над собою, не признавай Каина проклятым, а иначе и всю поднебесную признавай проклятою, потому что нету от рожденных, чтобы так же, как и Каин, не согрешил.

Приложение

Всяк убивый Каина седмижды отмститися. Из этого видно, что по этому можно было убить его, а потом, как добавил еще ему милости за сказанную признательность, «вясшая вина моя», положил знамение на нем, на котором было написано, что он великого достоинства человек пред Богом, тогда все земные и небесные жители увидали, что его не то чтобы убить, и никакого повреждения или оскорбления нанести ему не можно. Почему же мы ныне не видим этого знаменья, а если и видим умными своими очами, то вместо написанной на нем святыни, признаем проклятие? Поэтому мы все неграмотны, как говорится, и аза не знаем в глаза.

Говорю ли я этим, что Каин за убийство брата, за дерзость пред Богом и за оскорбление родителей своих остался без наказания? Нет, преступление без наказания не останется так же, как и добродетель без награды, а иначе Бог будет неправосуден. Каин наказан, чем? Мучением совести, «от лица твоего скрываюсь», и скрылся, во всю свою жизнь ни душевных, ни телесных очей не возводил он к Богу.

Утверждают многие или верней сказать все богословы, что Каин зачат еще в раю при первом совокуплении Адама с Евою в тот же час после вкушения запрещенного плода, затем-то весь яд без излиялся на Каина, потому он, Каин, от природы был злодей. Эта догадка несправедливая, потому что по рождении его сказал Адам: «Стяжах (приобрел) человека Богом»¹⁴. Какое загадочное слово «стяжах человека Богом»! Я своим умом в глубину таинств этого слова проникнуть не могу, знаю только одно то, что блажен и благословен первородный человек, а еще что-то большее тут кроется, а как выразить его, не знаю.

Из этого видно, что он, Каин, родился добрым, но впоследствии сам собою сделался злодеем, а если сам собою сделался злодеем, то почему же не сделаться ему самым собою добрым? И сделался, как это выше сказано.

Не принял Бог жертвы Каиновой, тогда до того опечалился он, что «спаде лицо его»¹⁵, стал худой и бледен на лице своем, из этого видно, что он был не отступник от Бога, а великий ревнитель по Боге. А если Бог не принял его жертвы, то это не потому, что он был злодей, он «право принес, но не право разделил», то есть Авель «принес жертву от первородных овец и от туков их»¹⁶ (тук — это жир), потому она была принята. А Каин «принес жертву от плодов земных»¹⁷. Это какие-нибудь отвейки (охвостья), потому она и не была принята. Тут и говорит ему Бог, Каину: «Умолкни», то есть утешись, не печалься, «ты право принес, но только не право разделил»¹⁸, но Каин не умолк и не утешился, а в таком случае он потерял половину здравого своего рассудка. Потом говорит Авелю ласково и дружелюбно, пойдем, братец, на поле, я там дам тебе хорошие игрушки, наберу тебе лучших цветов, как он был малолеток, а потом и убил его. Он, Каин, и прежде потерял уже часть своего рассудка и по убиении брата и совсем сделался умалишенный. Это видно из того, что когда Бог начал спрашивать его, где Авель, он же знал, что Бога обмануть нельзя, а отвечает: «Не вем, разве я страж брату моему?»¹⁹ Он столько дерзко Богу ответил, брата убил и родителей своих оскорбил, так же, как и Бога, их обманывал, сам не знал, что делал и что говорил. Как и отец его Адам после грехопадения начал от Бога скрываться в чаще сада того. Да это и в нас ныне делается, покуда человек не впал в злодеяние, потуда он говорит здраво и дельно, а как оказался злодеем, [так] и сделался умалишенным. И его, Каина, довела до столько великого падения и запутала в сети неправды

не что иное, а желание или ревность по Боге, почему он жертвы его не принимает. По моему усмотрению, если не всю вину его, то хотя половину оной простить можно, и простил, как это выше было сказано.

Да пусть бы его, Авеля, враг человек лишил жизни или лютой зверь растерзал, вода бы его потопила или камень убил и так далее. Нет, родной брат предал его смерти, и он первый мертвец был на свете.

Тут Адам с Евой до того опечалились и упали духом, лишившись двух сынов, а более детей у них не было, что семь родов прошло, они детей не рождали, это Адам не входил к Еве, жене своей. Увяло в них всякое плоти похотение и семя сделалось мертвое. Этим-то они наказаны за первородный грех свой.

Прежде сего было сказано, что Адам, познав Еву, жену свою, и заченше роди Каина, а по прошествии семи родов опять говори[тся, что] Адам познав Еву, жену свою, и заченше роди Сифа. Тогда сказал Адам: «Воскресил мне Бог другое семя вместо Авеля его же убил Каин»²⁰, то есть до сего времени у Адама семя было мертвое, как это выше сказано.

Итак, читатели, прошу не упускать из виду, что эти все бедственные перевороты начались не с каких-нибудь других корыстных видов, а по желанию к Богу, или по ревности к нему. Потому Каин со всех четырех сторон, сверху и снизу, изнутри и извне, как в зеркале ясно видно, что он принят Богом в объятия. Тут никакому сомнению и никакому противоречию места быть не может, принят. Скажите согласно со мною, все читатели, что принят.

Я в начале сего говорил да и еще скажу, что нету греха, побеждающего Божие милосердие, насколько бы грех не был велик, а милость Божия больше. Прощение над грехом, как масло над водой, которое всегда бывает сверху. И еще, как высоко небо от земли, столько велика милость Его к нам, и как далеко восток от запада, столько удаляет Он от нас беззакония наши (Псал. 102). Да неужели же только для одного перворожденного Каина и оскудела у него, у Бога, эта неограниченная и бесконечная милость Его?

Надивиться и надивиться я не могу, на каком основании вы не хотите покориться этой истине, то есть признать Каина святым, праведным и Богу угодным человеком. Это я говорю к тем, с которыми уже много об этом было говорено.

Т. Бондарев.

-
- ¹Быт. 4:10.
- ²Ср. Быт. 4:12: «ты будешь изганныком и скитальцем на земле».
- ³Ср. Пс. 50:3: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей».
- ⁴Ср. Быт. 3:12: «жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел».
- ⁵Ср. Быт. 4:13: «И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно».
- ⁶Ср. Быт. 4:14: «от лица Твоего я скроюсь».
- ⁷Ср. Быт. 4:14: «и всякий, кто встретится со мною, убьет меня».
- ⁸Ср. Быт. 4:15: «всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро».
- ⁹Ср. Быт. 4:15: «И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его».
- ¹⁰Ср. Быт. 4:16: «И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод».
- ¹¹Ср. Быт. 4:17: «И познал Каин жену свою; и она зачала, и родила Еноха».
- ¹²Ср. Быт. 4:17: «И построил он город; и назвал город по имени сына своего: Енох».
- ¹³Ср. Пс. 50:3: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей».
- ¹⁴Ср. заявление Евы в Быт. 4:1: «приобрела я человека от Господа».
- ¹⁵Ср. Быт. 4:5: «поникло лице его».
- ¹⁶Ср. Быт. 4:4: «принес от первородных стада своего и от тука их».
- ¹⁷Ср. Быт. 4:3: «Каин принес от плодов земли дар Господу».
- ¹⁸Ср. Быт. 4:7: «Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь добраго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним».
- ¹⁹Ср. Быт. 4:9: «не знаю; разве я сторож брату моему?».
- ²⁰Ср. Быт. 4:25: «Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин».

17. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому
9 мая 1891 г. Минусинск, гер. Иудино.

Лев Николаевич.

Сколько лет, столько и зим прошли между нами в молчании¹, а теперь прерываю я это молчание следующей моею к Вам просьбою.

Известное Вам мое сочинение я переделал на иной лад, многое из него уничтожил, а еще более и более добавил, так что оно в сравнении с прежним удвоилось, настолько же и улучшилось.

Прошедшего лета случилось мне увидеть Глеб Ивановича Успенского сочинение 89 года том 2-й, где на 8014 странице статья «Трудами рук своих»². Но она писана не с полного моего сочинения, а с маленького из него отрывочка, где на всевозможные лады одобряет оное.

Потому я поехал в Минусинск для сдачи его на почту к Успенскому и там увидел социалиста, это политического, капитана Бубновского (имя и отчество его не знаю)³, которому разрешено ехать на родину, в Петербург, и он меня твердо уверил, что лично знает Успенского, потому, говорит он, доверь мне это дело, я верно передам ему, Успенскому. И я в это время просто-сердечен явился и на неверные его слова положился, отдал. И вот уже 9 месяцев никакого известия о том не получаю. А Вам, Л. Н., известно, как сказано, «где сокровище ваше, там и сердце ваше»⁴. В течение этого срока я писал Успенскому два письма⁵, ответа нету.

А думаю, что Вы, Л. Н., часто бываете в Петербурге, потому с крепким заочно пожатием руки Вашей, именем Бога правды прошу и умоляю Вас, примите на себя труд, разыщите помянутого Бубновского и Успенского, узнайте о моем деле и напишите мне. Бубновскому пожить на родине один месяц, в Петербурге, а потом какое распоряжение последует, так сказано было в приказе. И спросите у его родных, не знают ли они что о моем деле и напишите мне.

У меня есть догадка такая, что по прочтении Бубновский передал его другому, а другой третьему и так далее, а потом найти не может да и к тому и не ищет.

Если бы я разыскал такое средство, что без понесения трудов можно быть богатым, тогда всякий бы уважил его, а у меня какая же глупость? «В поте лица снеси хлеб»⁶. Представьте, Л. Н., ну кто же из ваших белоручек будет с этим согласен? Из тысячи одного не найдется, поэтому и самое приличное место ей то, как выше сказано.

Поэтому, Л. Н., прошу Вас, если разыщете, то отберите и пришлите ее ко мне, а для удостоверения их в том, что я требую ее, покажите им это письмо и конверт, что это писано одним почерком и там же казенные штампы.

Это для того, что соберу я все и все эти черновые бумаги, тут же ее свяжу в один пук, потом прикажу сыну своему так: когда я умру и положишь меня во гроб, положи и эти бумаги со мною⁷. А прошение, которое уже написано мною и в 60 копеек почтовая марка приложена к нему, вложи его в правую мою руку, с ними и погреби меня на непроходимые веки. Это прошение написано на 4 листах простой бумаги. К кому же и в какое место оно адресовано? В главнейшее небесное Министерство внутренних дел. В какой же силе главнейшее содержание в помянутом прошении? Жалоба на тех людей, которые прочитывали его, и никакого внимания на то не обратили. Почему? По незнатности рода моего. А более и более и еще более наиглавнейшее Министерство света сего.

Сколько много подавал я им прошений, ни на одно меня ответом не удостоили. Подавал на высочайшее имя (секретное), тут получил ответ такой: «По неосновательности сего ходатайства, соизволения не последовало». И притом прошу и умоляю небесное правительство, чтобы скоро после смерти моей требовали бы на небесный суд и на личную со мной ставку всех помянутых противников.

Чем убедить и как умилоствовать Вас, Л. Н., жалко, что говорить по-вашему красно да извито не умею, чтобы Вы постарались обо всем выше сказанном. Такой же величины написано у меня прошение к первородной заповеди и к хлебородной земле, которая противно первоначальному постановлению в руках белоручек нестерпимо томится, то есть у того человека, который недостойн ногой наступить на нее. Об этом стоит подумать и притом вздрогнуть.

Сего дня получили, сего дня напишите и ответ мне, а иначе я буду сильно томиться. Спросите у Успенского, почему он из многого и сильно интересного напечатал мало. Мне кажется,

потому что оно насколько справедливое, настолько и едкое для дармоедов, потому печатать нельзя.

Я думаю, есть у вас в книжных магазинах помянутая здесь книга Успенского, пришлите мне ее, только с означением цены, тогда я деньги Вам вышлю.

А письма пишите мне не простые, заказные, а иначе не дойдут. У меня есть столько великий враг, как увидит, что на мое имя письмо, тут же порвет его на мелкие куски и бросит под ноги. А его рук письмо не минет.

¹Предыдущее сохранившееся письмо Толстого относится к августу 1887 г. Было еще письмо, полученное Бондаревым в августе 1889 г., но оно остается неизвестным.

²В 1889–1891 гг. вышел трехтомник сочинений Г. И. Успенского, с вступительной статьей Н. К. Михайловского. Сюда вошла и «Скучающая публика». В 4-ой главе, как сказано выше, он обсуждает сущность учения Бондарева, а в следующей главе «Мечтания» он говорит о некоторых попытках части интеллигенции «опроститься» и «заняться землей, хлебным трудом».

³Мне не удалось найти какую-либо информацию о нем.

⁴Матф. 6:21.

⁵См. о двух письмах Т. М. Бондарева к Г. И. Успенскому (первое – его отклики на статью последнего «Трудами рук своих», второе – касающееся публикации его проповеди) в: Н. И. Пруцков, «Сибирская утопия Т. М. Бондарева «Торжество земледельца», С. 132–134. Письма эти печатаются здесь впервые (см. Приложение к настоящей книге).

⁶Ср. Быт. 3:19: «В поте лица твоего будешь есть хлеб».

⁷Бондарев завещал своему сыну похоронить его и положить на могиле стол, чтобы в нем хранились его рукописи и чтобы каждый прохожий мог прочесть их и ознакомиться с его учением. Это действительно было сделано, но, как указывает А. П. Косованов («Тимофей Бондарев и Лев Толстой», С. 16) истинные ценители творчества Бондарева передали рукописи в Минусинский музей. Т. М. Бондарев был похоронен на иудинском кладбище. В 1958 г. деревня Иудино была переименована в Бондарево, а на могиле Т. М. Бондарева воздвигнут памятник.

18. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому
 9 сентября 1891 г. Минусинск, гер. Иудино.

Единственный в целом мире друг души и сердцу моему Лев Николаевич, а почему один? Вот сейчас увидим. Писал я два прошения Министру внутренних дел и одно Министру прошений, и одно на высочайшее имя, секретное, на это получил ответ такой: «По неосновательности сего ходатайства соизволения не последовало». А в чем неосновательность? Ни слова.

Приезжал к нам из Иркутска один господин, просил, и я дал ему рукопись, которая у вас была, с условием, чтобы скоро возвратил мне ее, и вот уже мало не два года не присылает. Писал я ему два письма, в ответ ни слова. Представьте, Л. Н., не кровавая ли это обида для меня, они же, все вышепомянутые лица, видят, что я тружусь не о своей пользе, а о пользе всего мира, тут же и для них. Они все люди просвещенные великой наукой, не то что я, позволительно ли за добро отдавать зло и за любовь ненависть?

Была у меня такая же проповедь вновь написанная, в которой я много чего уничтожил, а более и более в сравнении с прежнею добавил, и поехал в Минусинск подать ее на почту к Успенскому для напечатания, там попался мне один политический социалист капитан Бубновский, петербургский житель. Ему в то время пришел приказ возвратиться на родину, и он убедил меня доверить ему эту посылку, так как он лично знает Успенского и дом его. «Верно и верно передам ему», — говорил он. И я в то время чистосердечен явился и на неверные его слова положился, отдал и убедительно просил его при этом, чтобы написал мне о последствиях того, и вот уже год и два месяца в ответ ни слова. Писал я ему два письма — ответа нету.

Я думаю, что Вы, Л. Н., часто бываете в Петербурге, поищите этого Бубновского и узнайте об этом, у меня есть догадка, что он, этот Бубновский, узнал, что ее в России не напечатают, а иногда еще и привяжутся, потому тайно отправил ее за границу. Затем-то и мне не пишет, боится, как бы я не обнаружил эту тайну. Если найдете его, покажите это письмо ему для удостоверения, он знает мой почерк.

В Минусинске многие будто бы и уважают мою проповедь, а все как-то нерадиво, вяло и холодно, а более и более тех, кото-

рые всевозможно спровергают, укоряют и противоречат, да и дело: если бы я разыскал средство без трудов быть богатым или и трудиться да чужими руками, нет: своими, ну кто же с этим будет согласен?

Одна для врагов моих победа и одна язва — та, что столько великий человек, Граф Толстой, ведет со мною, незнатным человеком, переписку. Многие не хотели бы верить тому, но нету возможности не верить, одним почерком писано письмо и адрес и на конверте почтовые штемпели, вот язва для них.

Приложите им, Л. Н., приложите им язву к язве такую: я этого не желаю, Бог свидетель, что не желаю, а Вы все-таки напишите мне всевозможную похвалу и благодарность и притом верным почерком, чтобы всяк мог читать, означьте еще кого, кто все мое сочинение уважает. Я тогда не вражески, а дружески швырну им этим в баранью их рожу, тогда свяжется лукавый язык их немотою.

Не верно ли я в начале сего признал Вас единственным другом со всего мира? А что я Вам воздал за это? Как пред людьми, так и пред Богом, великоименный Л. Н.? Денег послать Вам? У меня их нету. Красно и лестно выразить Вам благодарность на бумаге, как многие выражают, я не умею. И так я остаюсь должником Вашим.

Верите ли Вы в загробную жизнь будущего века? Я того не знаю, а я твердо и несомненно верю. А как мы оба старики, тому и другому 70 с лишним годов, потому можно думать, что скоро-скоро очутимся на том свете, вот тогда-то и там-то отдам я Вам достойную благодарность.

Я написал на двух лист[ах], т[о] е[сть] на 4-х стран[ицах] со всевозможным выражением жалобное прошение, к кому же? На кого и за что? К царю царям и к Богу богам, в руке которого держатся небо и земля. На кого? Конечно, не на хвост, а на голову — это на великое Министерство (это иносказание). За что? За отнятие по всей России у бедных земледельцев земли и за прикрытие от них же сказанного закона, да еще хотя оно и прошло, но оскомина с зубов не сошла — за бывшее крепостное рабство. И приложил к этому прошению в 60 к[опеек] почтовую марку и приказал сыну своему так: когда я умру, положишь меня в гроб, тогда вложи в правую мою руку это прошение, рукопись и все черновые мои бумаги положи в гроб со мною на непроходимые веки. И прошу помянутого царя, чтобы после смерти моей скоро и немедленно потребовал бы к себе на суд и

на личную со мной ставку всех противников и врагов первородной заповеди. Одобрите ли Вы эту цель мою? Когда я умру, то через сына дам Вам знать, не умолчите же и Вы о своей смерти, дабы всуе не трудиться, т[о] е[сть] не писать письма.

Письмо и посылка Ваша из Москвы в Минусинск пришли в 20 дней, которые я и получил в целости. Помянутую книгу на французском языке пришлите мне, у нас есть тот человек, который прочитает и по-русски перетолкует.

Напишите мне, кто или какое Министерство запретило печатать мои статьи, я напишу ему прошение, а кто мне донес о запрещении, я об этом умолчу. Почему вся вселенная принимает силу и достоинство первородного закона, а одна Россия спровергает и уничтожает? Этот сон ее не пустой и немаловажный, тут как в зеркале ясно видно, что не избегнет она, Россия, кары правосудного неба, потому что она, Россия, не говоря о нынешних миллионах земледельцев, кормильцев своих, и все будущие и будущие роды до скончания века сделала нищими и нагими как их, так же и маленьких детей их. А из-за чего ради? Ради своей лени и роскоши.

Еще повторяю вышесказанное: поищите помянутого Бубновского, так же и то, что пусть подпишутся к сказанному одобрению моему человека З.

Прощайте, Лев Николаевич, до приятного свидания.

При отправлении этого письма я что ни здоров есть, животом здоров, а все тело и голова болит и еда не идет, как будто лихорадка — а не трясет.

Я крайне опасаюсь, что и за границу представлен такой же маленький отрывочек из моей рукописи, как и здесь напечатан. Пусть бы он проходил молчанием едкие статьи, нет: мягкие, дружелюбные и для всего мира сладкие и приятные — те пере-скакивал, а дерзкие написал для печати. Это почему так?

19. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому

28 февраля 1892 г. Минусинск.

Лев Николаевич,

В сентябре месяце 91 года получил я от Вас письмо¹ и посылку: газету «Свет». В то же время написал Вам о получении его. Неизвестно мне и по это время, получили ли Вы от меня письмо или нет, не знаю.

Откуда мне начать, где и как кончить отдавать Вам за то благодарность. В те минуты я протянул руку в Вашу сторону и крепко, от всех сил крепко пожал Вас за руку. Хотя это вся моя благодарность была Вам, а если при таком коротеньком разуме, как мой, да начать выражаться на словах отдавать благодарность, то к месту ли оно будет?

Покорнейше прошу Вас, Лев Николаевич, пришли[те] мне помянутую в Вашем письме книгу на французском языке, у нас есть такой человек, который может прочесть и на русский язык перевести, и он мне близко знаком, а кроме того я могу и в Минусинск доехать, и притом скажите в письме, что эта книга содержит мое, Бондарева, сочинение, а кроме Вашего удостоверения люди мне не поверят и притом сочтут меня самохвалом.

Я своими глазами не видал, а стороной слышал, что есть в Минусинске книга Вашего сочинения, том 13, там печатана моя статья о пьянстве, о табаке и о наложном совокуплении мужа с женою, и она наперехват по всему городу с рук в руки ходит.

Покорнейше прошу Вас, Лев Николаевич, пришлите мне и эту книгу.

В известном Вам моем сочинении, которое было у Вас, из него десятая доля и того меньше напечатано, потому правительству ничего о том неизвестно. И в таком нестерпимом для меня ударе я не потерял присутствия духа своего, я с другой стороны зажег это дело, о котором твердо надеюсь, что и не потухнет. Я много статей из прежней своей рукописи уничтожил, а еще более и более добавил и тем ее украсил и для всякого сделал ее лестною. Какие последствия с того будут, я тогда Вам напишу. Когда глаза мои закроются вечным мраком, вот тогда только замолчу я об этом. А иначе как Евангельская вдовица к

немилосердному тому судье, который ни Бога не боялся, ни людей не срамился, буду [з]вать к ним.

Что меня вынудило писать другую рукопись и принимать на себя столько великий труд? Вот причина тому. Из прежней моей рукописи напечатана только десятая доля, а 9 бесследно погибли, да пусть бы погибли те, которые нестерпимо едкие и горькие. Нет же, погибли [те], которые для всех сословий мира слаже меда сладкие и полезней всех драгоценностей света сего полезные. Все они преданы к уничтожению, а горькие и нестерпимо едкие — те напечатаны, а кто это сделал — не знаю.

А почему такая запутаница вышла? Я иной причины тому не нахожу, как только следующую: между помянутой заповедью и белоручками, как сказано, великая пропасть утвердилась, не от ней к ним, ни от них к ней нельзя пройти — враги они и недоброжелатели друг другу, и делает их на это время умалишенными, чего они сами в себе заметить не могут.

Избавь Бог и за границу отправлена такая же ничтожность[?] то что? По всему сказанному правительство да и никто на свете не знает, что и как у меня сказано. А теперь вся вселенная ясно увидит все сокровенные изгибы сердца моего. Вот та причина, которая вынудила меня среди забот и попечений житейских принять на себя великий труд этот.

Итак, Лев Николаевич, еще раз повторяю, пришлите мне сказанные книги. Желая Вам всего лучшего, от души уважающий Вас

Т. Бондарев.

---

¹Письмо Толстого, полученное Бондаревым в сентябре 1891 г., неизвестно.

20. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому¹

1 октября 1893 г., г. Иудино.

Лев Николаевич. Как мне уже 74 год, да и Вам, кажется, близ этого же, из этого видно, что мы одной только ногой стоим на земле, а другой во гробе. Потому я в продолжение настоящего письма буду говорить Вам светлую истину. Вы, Л. Н., со всего мира и со всего света единственный друг мне. Не было, нету да и быть не может подобного Вам друга для меня, Бог свидетель между мною и Вами, что я истину говорю Вам.

А почему друг? Потому что потребили Вы с своей стороны все возможные меры обнародовать мою известную Вам проповедь, а если вселенная вся не приняла, а с омерзением назад за себя бросила, то Вы тому не причиною.

Я, Л. Н., чувствую в себе какое-то душевное расстройство, да притом и нешутейное, о котором или стыжусь, или боюсь объяснить Вам. В чем же состоит это мое расстройство? Вот оно.

Я веры иудействующей, именуемый субботник, утверждён на одном Ветхом завете (но талмудических преданий отнюдь не принимаю и даже крепко гнушаюсь ими), то есть иду по стопам жития Христова. Как по стопам его? Вот так!

Христос признавал единого Бога, а сделанных руками человеческими богов не имел и не поклонялся им, и я так же. Христос был обрезан, соблюдал субботу, ел законом уставленную пасху, и я так же, и так далее и далее. Христос говорит: «Да не мните яко приидох разорити закон, не разорить, но исполнить дондеже прейдут небо и земля, [и]ота едина и черта едина из закона мимо не пройдут»². И я исполняю, насколько могу исполнить, законное.

У нас 130 дворов субботников и во всех них есть ненависть ко Христу, а спроси у него, за что ты Христа ненавидишь? Он отвечает: «Не знаю. Ничего я за ним не нахожу, а ненависть есть». Жиды же, у них сверхъестественная и выше всякой меры ненависть к нему.

Настойчиво спрашивал я великоученых жидов, за что, почему и откуда у вас столько великая ненависть к Иисусу сыну Мариину? «Он был незаконнорожден да к тому еще колдун и волшебник», — отвечают они. Да мало ли было незаконнорожденных колдунов и волшебников? — отвечаю я им. — Есть ли у Вас

ненависть к ним? — спрашиваю я. «Нету, — говорят они, — нету. Он сам себя Богом называл», — представляют они в свое оправдание, а в Его обвинение. Да что же тут важного, — говорю я им, — тут только стоит не поверить ему, а к злу никакой побуждающей причины нету. Да скажите же Вы мне чистую истину, как своему единоверцу, — притворившись ревностным последователем талмудических преданий, [говорю я], — скажите мне, то есть укажите мне на тот источник, откуда, почему и за что у вас столько великая ненависть к нему? «Да ведь мы сказывали», — отвечают они. Да в ваших тех сказаниях никакой истины нету, все-то только одна лживая клевета.

Величайшие в свете враги были для предков ваших как-то: фараон Навуходоносор, Антиох Епифан, Артиксарс и Аман, которые намеревались истребить весь род еврейский и истребляли, только до конца истребить не могли. Есть ли у вас на них ненависть? — спрашиваю я у них. «Нету, — отвечают они, — нету». Да это и при распятии Его видно, Варрава разбойник, который живых людей убивал, того велят отпустить, а Христос мертвых воскрешал, того, кричат, смерти предать.

Говорят христиане: ненависть их поджигается тою кровью Его, которую они приняли на себя. «Кровь Его на нас и на чадах наших»³. Нет, Л. Н., нет, эта догадка несправедливая, потому что они и до того слова были злы на Него, как это видно, что даже солнце стыдится смотреть на их поругание над Ним, в полудни скрывает лучи свои, земля, страхом трепещуще, трясется, горы колеблются, камни распадаются и завеса церковная от верхнего и до нижнего края надвое раздирается, и даже Пилат сколько ни жесток был и тот плачевным Его видом умягчился и вывел Его на показ всему миру с целью, не ощутят ли они какую перемену в сердцах своих, они же, увидавши Его, все единогласно закричали Пилату: «Возьми, возьми, распни Его»⁴. Это все было до того слова, что кровь Его на нас.

Пилат называл Его, Христа, праведником, а потом предает Его на распятие. За что? За одно только слово: «Не друг Кесарю»⁵, — мы будем на тебя крамольствовать.

Два Архиерея были Иисусу судьями: один Анна, а другой Каиафа. Когда говорит Христос, то не угодно Анне: «Архиерею ли Божию досаждаешь?»⁶ А когда молчит, то противно Каиафе, плюет Ему в глаза. Когда говорит, чтут Его за виновного, а когда молчит, признают за несмысленного. И это все было до сказанной крови.

Все муки, как-то: биение, поругание, разного рода злословия, багряницу, распятие, терновый венец, удары по щекам, прибитие рук и ног Его железными гвоздми ко кресту, пробитие в ребра Его копием – все это Он терпел и молчал, а когда слуга Архиерейский ударил Его по щеке рукою, ведь этот удар легкий и даже ничтожный в сравнении с сказанными муками, почему же Он его не вытерпел, а сказал: «За что ты меня бьешь? Если я зло сделал, то о зле свидетельствуй, а если добро, то за что же ты меня бьешь?»⁷

Это, Лев Н[иколаевич], это, мне кажется, потому что все сказанные муки были на местах простонародных, на улицах иерусалимских, во дворе Пилатовом, на горе Голгофе, а по щеке ударил Его в доме Архиерейском и пред самым Архиереем, то есть где бы нужно правде процветать, а там беззаконие происходит. И это все было до помянутой крови.

Словом, от самого рождения Его злоба вспыхнула в сердцах их на Него, по поводу этой злобы побили 14 тысяч младенцев с целью, чтобы и Его в том же числе убить, а говорили ли они тогда, что «кровь Его на нас и на чадах наших»⁸? Не говорили.

Как Он, Христос, не делал никаких чудес пред правительством, это видно из того, что когда Игемон потребовал Его к себе с целью, не сделает ли Он пред глазами его какое-либо чудо, но Он его и ответом не удостоил. Потому правительство ничего своими глазами не видало, а простонародным сказаниям можно верить или нет.

Да не призывало ли тогдашнее правительство к допросу всех тех, которых Он исцелял и из мертвых воскрешал, призывало, но они все страха ради отреклись: «Не знаем человека сего»⁹. Этой моей догадке Петр апостол свидетель, как это Вам известно, что пусть бы он принужден был от кого к тому, пусть бы его Архиерей или Пилат или Ирод с какими-нибудь угрозами спрашивали. Нет, одной той подлой женщины, Архиерейской служанки, он убоился, да и та ему говорила: «Не ты ли был с Иисусом Назарянином?»¹⁰ И тут надобно ему стало с клятвой отречься.

Спрашивал я, Л. Н., спрашивал я сам у себя так: если бы евреи приняли Христа во объятие и не сделали бы с ним то, чего сделали, что бы тогда было? Все пророчества о Нем должны остаться во лжи, потому что Он тогда не пострадал и не умер, не воскрес и не вознесся, и никакого нынешнего православия не было бы, и осталась бы мало не вся вселенная во

тьме древнего своего суеверия. Так спрашивал я сам у себя и никакого удовлетворительного ответа дать не мог, только сделал этому своему вопросу по силе своего разума решение такое, вот оно.

Как для Бога нету времени ни прошедшего, ни будущего, а все настоящее, то есть для нас прошли тысячи годов, а для Него они есть, для нас не пришли будущие тысячи годов, а для Него они есть. Потому неисповедимое и Ангельскому уму недоведомое определение Его прежде всех веков и вечностей постановило: в какое время и на каком месте, от кого и как пострадать и умереть Ему, Христу.

Да если бы и мы были в то время и на том месте и было бы определено, от нас Ему пострадать и умереть, в силах ли бы мы были обойти и миновать предел Его? Это невозможно. А если все сказанное положено Богом, то и нынешняя еврейская ненависть к Нему также неизбежна для них. А если все то Богом положено, поэтому тут никакой еврейской вины нету, потому что их поджигает к ненависти на Него то, о чем я выше говорил.

По всему сказанному прошу и умоляю Вас, Л. Н., соберите Вы рассеянные свои мысли по светским суетам и посоветуйте с ними и мне напишите, чем и как залечить сказаную язву души нашей, ненависть ко Христу. Можно ли обратить нас в православие? Нет, это немыслимо. Тут 1-я и 2-я из десяти заповедей, заповеди стоят на пути, ведущем нас в православие, непроходимую преградою. Один ли я болю сердцем об этом? Нет, многие у нас. Они-то и принудили меня обратиться к Вам, Л. Н., за лекарством от этой страшной душевной болезни.

Т. Бондарев.

У Вас, Л. Н., есть книга на французском языке¹¹, печатано мое сочин[ение]. Пришлите мне ее, у нас есть кому прочесть и на русский язык перевести.

Или умней всех я или глупей всех, а только ни одного советника у нас мне нету, и великою скукою томлюсь я.

Чрез месяц будет Вам от меня же письмо с неприкосновенным к этому содержанию.

1 Октября 1893 года. д. Иудино

- ¹Толстой здесь излагает свое мнение об отношении евреев и сектантов-субботников к Христу: «Христос, по моему понятию, не Бог и никогда не выдавал себя за Бога, а был великий и последний пророк еврейский, учивший не только евреев, но и всех людей тому, как надо служить единому истинному Богу, сознавая себя так же, как и всех людей, сыном Его. И потому евреи и субботники не только не должны ненавидеть Христа, а должны почитать его и следовать тому Божескому закону, который он открыл нам» (С. 438).
- ²Ср. Матф. 5:17, 18: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон, или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все».
- ³Ср. Матф. 27:25: «кровь Его на нас и на детях наших».
- ⁴Ср. Иоан. 19:16: «Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: распни, распни Его! Пилат говорит им: возьмите Его вы и распните, ибо я не нахожу в Нем вины».
- ⁵Ср. Иоан. 19:12: «С этого времени Пилат искал отпустить Его. Иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю».
- ⁶Ср. Мар. 14:60: «Тогда первосвященник стал посреди и спросил Иисуса: что Ты ничего не отвечаешь? что они против Тебя свидетельствуют?».
- ⁷Ср. Иоан. 10:32: «Иисус отвечал им: много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями?».
- ⁸Ср. Матф. 27:25: «кровь Его на нас и на детях наших».
- ⁹Ср. Матф. 26:72: «[Петр] отрекся с клятвою, что не знает Сего Человека».
- ¹⁰Ср. Матф. 26:69: «Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином».
- ¹¹Бондарев ссылается здесь на перевод его сочинения на французский язык, сделанный при содействии Толстого: «Léon Tolstoï et Timothée Bondareff. Le travail». Traduit du russe par B. Tseytline et A. Pagès. Paris, 1890.

21. Л. Н. Толстой — Т. М. Бондареву¹

3 декабря 1893 г. Москва.

Тимофей Михайлович!

Очень был я обрадован вашим письмом, во-первых, потому, что из него узнал, что вы живы и здоровы и меня помните, а во-вторых, тем, что вас занимает самый, по моему мнению, важный вопрос. Постараюсь, как сумею, дать вам на него свой ответ.

Ответ мой будет следующий:

Евреи и суботники ненавидят Христа по недоразумению, потому что заблудшие люди на место единого вечного Бога поставили в виде Христа другого Бога и этим заслонили истинного Бога и даже скрыли его от людей. Я говорю, что ненавидят они Христа по недоразумению, потому что им обвинять надо не Христа, который никогда не говорил про себя, что он Бог, а называл себя сыном Божиим так же, как и всех людей, а обвинять им надо тех людей, которые его сделали Богом. Этим же я объясняю ненависть евреев к Христу.

Христос, по моему понятию, не Бог и никогда не выдавал себя за Бога, а был великий и последний пророк еврейский, учивший не только евреев, но и всех людей тому, как надо служить единому истинному Богу, сознавая себя так же, как и всех людей, сыном Его.

И потому евреи и суботники не только не должны ненавидеть Христа, а должны почитать его и следовать тому Божескому закону, который он открыл нам. Закон Христов согласен с законом Моисеевым и с пророками не во всех мелочах, но в главном, в любви к Богу и ближнему. Христос только точнее, яснее выразил этот закон, а главное, он, один Христос из всех пророков еврейских, дал закон не одним евреям, а всему миру и прекратил отделение евреев от других народов. Со времени Христа закон Божий стал общим для всех людей, как и предсказывали пророки. (Про это сказано в главе XII, 20, Иоанна, когда он прямо объявил истину эллинам.) Мучали и распяли Христа первосвященники, фарисеи и садукеев, а не все иудеи. Иудеи, напротив, были его учениками и разнесли его учение по миру. И если бы безбожники не называли бы Христа Богом, все

евреи уже давно бы не только не ненавидели бы Христа, но почитали бы и любили его, как самого последнего и великого пророка, открывшего нам истину. Кошунство безбожников, назвавших Христа Богом, помешало этому, но евреи все-таки придут и уже приходят к этому. Еврею нельзя перейти в православие, но евреям, так же как и православным, надо признать Христа *человеком*,* пророком Божьим, и тогда и те и другие соединятся.

Книгу вашу по-французски пришлю вам на-днях. Она осталась в деревне. А я теперь в Москве. Очень рад буду получить от вас еще писание, как обещаете.

Дай Бог вам всего хорошего.

Лев Толстой.

3 декабря.

Пишите в Москву: Хамовнический переулок, д. №15.

*К Тимофею послание, глав. II, 5 (*Помета Л. Н. Толстого*)

---

¹ Данное письмо, опубликованное в ПСС, Т. 66, С. 437–439, является ответом на письмо Бондарева от 1 октября 1893 г., в котором тот писал, что он «иудействующий», «субботник», не признающий «талмудических преданий».

22. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому¹
 30 апреля 1894 г., г. Иудино.

Лев Николаевич,

Самые злопамятные враги Христовы и те Вашими советами убедились и смягчились, признали Христа, так, как Вы советовали признать Его, а обратили прежнюю свою злобу против Него на тех людей, которые мало не всю вселенную заставили признать Его творцом и создателем небу и земли и всему, что в них, не стыдятся, прямо говорят в преданиях своих: «И нагоразве (кроме) тебя Бога не знаем»². И всякий человек, на свой лад кто как мог выразить, отдавал Вам благодарность. А евреев, которые были при прочтении Вашего письма — это было в синагоге на Пасху при многолюдном собрании, — сделали в стыде и в поругании. У нас небольшая часть жидовствующих, а более и более субботников, караимов, которые утверждены на одном Моисеевом законе и пророках, а талмудических преданий отнюдь не принимают. Из тысячи всуеверных его преданий я укажу хотя на одно, вот оно: когда Бог сотворил Еву, она была красавица, а когда положил на нее какой-то венец, то она еще красивей стала. Тогда Бог сделал с нею танец (то есть подобно человеку польстился на нее). И еще там же: чего Бог не доразумет, то он спрашивает у раввинов, и что он, раввин, скажет, то Бог поневоле должен исполнить, и что Бог скажет, то раввин имеет право не исполнить Его слова. Все одно и то же, как у православных Христос выше Бога, а у евреев раввин старше Бога, а у магометан Магомет старше Бога.

Скажите мне, Лев Н[иколаевич], кто назвал православную веру православной? Неужели сама себя так назвала? У нас молвят, что будто бы хотят во всем свете установить одну веру в Бога, слышно ли у вас это? Я от души желал бы этого, только с тем вместе, чтобы ни под чью нынешнюю веру не походила, а новая и новая.

Скажите нам, Л. Н., как по-Вашему, позволительно ли поклоняться иконам, признавать их за святыню, надежду и упование возлагать на нее и при этом неизбежно нужно боготворить ее? Позволительно ли сердечные и душевные чувства изливать перед нею? Явленные иконы, Киево-Печерские мощи — истинно ли это?

О, единственный в целом мире друг мой Л. Н., прежде при одном воспоминании о смерти я от ужаса содрогал[ся], а теперь, увидавши неправды света сего, как алчущий хлеба и как жаждущий воды, столько сильно желаю я смерти.

Одну ли я ту проповедь о тунеядстве написал, которая у вас была? Нет, несмотря на то, что запретили печатать, еще три больше той написал, которые более и более усовершенствовал и разослал их в руки великого правительства, а на что и для чего? Вы сами можете сделать об этом верную догадку — для чего. Получил ли я какой-либо ответ на них? Нет, как камни в пучину морскую бросил.

По поводу этой великой и выше всякой меры обиды написал я два прошения в небесный и для ума нашего непостижимый суд одно в лист и другое на столько же, к тому и другому приложил по 60 коп[еек] почтовые марки и приказал сыну своему так: когда я умру и положишь меня во гроб, тогда вложи эти пакеты в правую мою руку, чтобы они приходились против сердца моего, с ними и погребви меня на непроходимые веки. Для нас они будут в земле, а для Бога на свете, для нас они сотлеют, а для Б[ога] — никогда. С тою целью я написал их, чтобы на том свете подать их лично Богу. А представляю ли я Бога лицом, человеком? Нет, такое представление будет не Бог, а какая-то мертвая отвлеченность от Бога. Я представляю Бога духом беспредельным и для Ангельского ума непостижимым.

В последней моей рукописи сказано так: Говорят астрономы, что есть бесчисленное множество таких же темных планет, как наша Земля — выше нас носятся по воздуху, которых кроме подозрительных труб простыми глазами видать не можно (глаза мои при свече худо видят, потому и помарки, не поставьте это в порок мне), и на них есть жители, а какие — неизвестно. Конечно, можно же думать и оставаться в той уверенности, что подобные нам люди. Теперь представим. Вот сошел с одной из тех планет к нам на землю человек, имевший неограниченную власть, и испрашивает у меня первого: «Как у вас на земле делается? Все ли хорошо, Богу угодно и людям полезно? Говори истину.» У нас на земле глупые люди, — отвечаю я ему, — умных людей хлебом кормят и от голодной смерти спасают. Он и вытарачил на меня пытливые глаза: «Ты что говоришь?» — переспросил он. У нас глупые люди умных людей как маленьких детей или калик хлебом кормят. «Да что ты, братец, в уме ли ты? Да кто же этому поверит, чтобы умный человек без крайне

уважительных и неизбежных причин согласился бы бедных людей объедать, на хребте их ездить и удила им в рот закладывать! А если это так, то вы ошибаетесь в расчетах названия, нужно тех назвать умными, которые кормят, а тех глупыми и даже умалишенными, которых кормят. Ну да впрочем, быть по тому, со временем узнаю. А еще что, нет ли чего-либо подобного этому злодеяния?» — спрашивает у меня небесный посланник.

Еще вот что, отвечаю я ему: близу трехсот годов горше самой смерти мучили этих своих кормильцев в крепостном рабстве. «Как это в рабстве?» — спрашивает небесный посланник. Тут я рассказал ему всю лютость ту, так как я это не от людей слышал и не через догадку узнал, а на самом деле и на самом себе испытал. И чем дальше, тем больше сверкают огнем злобы и мщениия глаза его. И спрашивает от бешенства дрожащим голосом это второе: «Нет ли еще подобного вышесказанному злодеянию злодеяния?» Есть, отвечаю я. Вот оно: У нас на Земле признается первородным законом при создании мира самым Богом данный хлебный труд и сказано: «В поте лица твоего снеси хлеб твой»³, то есть чтобы всякий человек кроме уважительных и неизбежных причин собственных своих трудов ел хлеб, а на хребте бедных людей не ездил.

Разъяснения же этому закону во всем мире не было, и он признавался по всей нашей земле живой мертвец. Нашелся со всего мира один человек из вышепомянутых мучеников, из крепостных рабов (это я есмь), который сделал этому закону, или заповеди, блестящее развитие силы и достоинства ее, и тут оказалось, что в этой заповеди состоит все блаженство низкого класса людей, а их напротив того унижение и порок. Вот почему наше главное правительство и придало это все ко уничтожению. «Я, — говорит небесный посланник, — я теперь понял всю важность сказанной тобою заповеди и все всуеверные извороты вашего правительства. А еще что? Нет ли еще подобного варварства на земле вашей?» Есть, вот оно: всю плодородную при водах землю, луга, леса, рыбные реки и озера от этих своих кормильцев на вечное время отобрали, помещикам отдали да миллионерам продали. Он же, это помещик или купец, обошел деревню по задам по-над городьбой бороздою, и сидят люди, как арестанты, в крепком остроге, а когда этому аресту конец будет? Никогда, разве только одна смерть избавит их от него.

При этом о таком от века неслыханном и во всей поднебесной не виденном злодеянии покрылось скорбью печали лице его, опустивши мутные глаза свои в землю, и говорит сам с собою едва слышно, тихо: «Да кто же имеет право государственную землю от того человека, который как алчущий к хлебу и как жаждущий к воде неудержимо стремится к трудам, от того человека землю отобрать, а тому человеку, который как от смертоносного яда и как от ядовитого змия бегаёт и за разные углы хоронится от трудов, тому человеку многие тысячи десятин земли на вечное время отдать, и кто имеет право скрывать от людей закон трудолюбия, самым Богом данный, да кто же имеет право тех людей, которые всю вселенную хлебом кормят и от голодной смерти спасают, отдавать в крепостные рабы под неограниченную власть помещика? Это сверхъестественная и выше всякой меры наглость или верней сказать денной грабеж. Я, — говорит небесный посланник, — я обошел весь круг небесный и бывал на бесчисленном множестве таких же Земель и у таких же людей, а такого злодеяния и варварства, как на этой земле делается, нигде не видал. Между всеми животными в водах и на суше, — говорит небесный посланник, — не делается такого зла, как здесь делается. Да и самые диаволы во аде и те живут между собою дружелюбно, не обижают друг друга.

Ах! Увы, горе, ах, увы, беда жить бедным людям под властью такого безбожного правительства, да можно ли, да позволительно ли от земледельца землю отобрать, а тунеядцу, белоручке и дармоеду отдать! О, да как же это не поразит Господь неисповедимым карающим мечом правосудия своего этих денных грабителей на земле этой!

Я такое во всей поднебесной неслыханное злодеяние доведу письменно до сведения всего круга небесного, по всем планетам, что они будут с ужасом и с исплесканием рук прочитывать. И будет весь круг небесный умолять Бога, чтобы он послал на этих тиранов по силе их злодеяния определенну[ю] меру наказания».

Узнавши от меня этот небесный властелин не только то, что здесь написано, а все подробные наглости, теперь спрашивает у меня, нет ли за вашим правительством каких-либо добродетелей, могущих покрыть сказанные преступления и обиды, нанесенные бедным людям? «Есть, много есть с его стороны добродетелей, а тем более оказанных в этих последних тридцати пяти годах». Какие же? — Вот такие и такие, — сказал я все то, что мог ска-

зять. «Да, — отвечает он, — это великие их добродетели, но в сравнении со сказанными обидами, которые выходят за пределы всякого злодеяния, они маловажны и даже ничтожны, они не то, чтобы покрыть и смягчить не в силах нанесенных обид бедным людям, а еще больней сердцу представить маленьким их детям. Это обязанность — делать людям добро, а обиду делать — это обязанность ли? Они должны показывать людям пример человеколюбия, а они напротив того показывают пример всех возможных обид друг другу, как это выше сказано».

За всем этим по неограниченной своей власти собирает к себе главнейшее наше русское правительство (среди которого и мой Л. Н., при этом слове я сам с собою рассмеялся, этого в рукописи не сказано), которое со страхом и трепетом стоит пред ним у порога и испрашивает у них или верней сказать у вас: «Вы знаете ли, кто я, чей и откуда?» «Не знаем», — отвечаете вы. «Но было бы вам известно, что я вот кто и вот откуда»⁴. Тут он разъяснил вам все подробности о себе и причину пришествия своего на Землю и данную ему власть и возможность в короткое время переходить с планеты на планету, все это разъяснил.

Вот тут я кончаю выписку из своего сочинения. Что дальше происходило между ними, на чем кончилось осуждение или оправдание над нашим правительством, это я в будущем письме расскажу Вам, если только Вам охота знать, а может статься, Вы признаете это за пустую мою болтовню. В таком случае не нужно бы и утруждать мне самого себя. А как Вы думаете, Л. Н., оправдятся ли они своим красноречием и хитростью пред этим грозным и неумолимым судиею? Тут четыре рода преступлений: 1. дармоедство, 2. рабство, 3. прикрытие закона и 4. нагло отнятая от людей земля.

У нас на родине две версты в ширину и 8 верс[т] в длину сенокосный луг, где весною вода заливают, там тысячи и тысячи коп[ей] сена — все помещицкое, а людям и одной охапки сена накосить негде. У моего брата в 93 г[оду] первого Января одна была корова и та с голоду пропала. Ни скота, ни овец, ни копей, ни свиней, ни курей — ничего нету, и заработков нигде никаких нету. 6 озер рыбных и река рыбная. «Не могли и не смей никто и близко к озеру или к реке подойти, — говорит купец, купивший у помещика землю, — это моя вечная собственность». С этого видно, что и по всей России то же делается. А Вы, Л. Н., в Москве живши, ничего этого не воображаете,

сами сыты, помещики и миллионеры довольны, ну и все, а людям хотя пусто будь. Не верно ли я говорю? Верно и верно.

Позвольте мне дружески попенять Вам. Вы большие томы печатаете, там нужно две топы бумаги исписать, и у Вас достает на то время. А мне один лист почтовой бумаги, а больше говорить со мною нечего, то есть самого низкого достоинства признаете меня.

Писали Вы когда-либо в Минусинск чрез доктора Попова письмо мне, которого я не получал? А он уверяет, что он отправил Ваше письмо ко мне из Минусинска.

Почему я столько долго не отвечал на Ваше письмо? Это потому что Вы обещались на днях послать мне мою книгу, и я все ждал ее, но и поныне не получал. Теперь прощайте, Лев Н[иколаевич], прощай единственный в целом мире друг мой, желаю Вам всего лучшего, остаюсь здоров

Т. Бондарев.

---

¹На конверте помета рукой Л. Н. Толстого: «Отвечено. Приложить к ответу письмо о Г[енри] Дж[ордже] и заключение ответа». Цит. в ПСС, Т. 67, С. 160.

²Ср. Ос. 13:4: «Но Я — Господь Бог твой от земли Египетской, — и ты не должен знать другаго бога, кроме Меня...».

³Ср. Быт. 3:19: «В поте лица твоего будешь есть хлеб».

⁴Ср. Иоан. 8:14: «Иисус сказал им в ответ: ... Я знаю, откуда пришел и куда иду; а вы не знаете, откуда Я, и куда иду».

23. Л. Н. Толстой — Т. М. Бондареву¹

23 июня 1894 г. Ясная Поляна.

Пишу вам о том, что Генри Джордж² составил проект об освобождении земли от ее похитителей, или, скорее, освобождения рабочих от рабства вследствие завладения землею теми, к[оторые] ее не работают, а не написал вам, в чем состоит этот проект. Постараюсь это сделать.

Проект Г[енри] Д[жорджа] состоит вот в чем:

Выгоды и удобства пользования землями не везде одинаковы; и так как на более плодородные, удобные, близкие к более населенным местам земли всегда будет много охотников и тем больше, чем лучше и выгоднее земли, то следует все такие земли оценить соответственно их выгоде: более выгодную дороже, менее выгодную дешевле, еще менее выгодную еще дешевле. Такую же землю, на которую нет многих охотников, совсем не оценивать и предоставить бесплатно тем, которые захотят обрабатывать ее сами лично. —

При такой оценке земли будет то, что у нас, например, в Тульской губернии, удобная полевая земля будет оценена около 5 или 6 рублей за десятину, огородная при селениях около 10 р. за десятину, заливная луговая около 15 р. и т. п. В городе же будет оценена по 100 и 500 р. дес[ятина], а в Москве и Петербурге, и на бойком месте, и у пристаней судоходных рек в несколько тысяч и даже десятки тысяч рублей за десятину. Оценив таким образом всю землю по всему государству, Г[енри] Д[жордж] предлагает объявить законом, что вся земля с такого-то года и числа не принадлежит уже никому отдельно, а принадлежит всему государству, всему народу, и что потому всякий, кто владеет землей, должен выплачивать за нее государству, т. е. всему народу, то, во что она оценена. Плата эта должна употребляться на все общественные, государственные дела, так что должна заменить все другие подати и всякие налоги, и внутренние и внешние таможенные. По этому проекту выходило бы так, что помещик, кот[орый] владеет теперь 2000 десятин, может продолжать владеть ими, но обязан заплатить за них в казну, у нас в Туле тысяч 12 или 15 в год, п[отому] ч[то] тут будет и луговая и усадебная земля, и ни один помещик не выдержит такого платежа и откажется от земли. Крестьянин же

наш тульский в той же местности будет платить рубля на два с десятины меньше того, что он платит теперь, будет иметь всегда вокруг себя вольную землю, кот[орую] он может взять по 5 или 6 рублей, и, кроме того, не только не будет платить никаких податей, но еще будет иметь все нужные ему товары, и русские и заграничные, без пошлины. В городах владельцы домов и фабрик могут продолжать владеть своими имуществами, но должны будут платить по оценке за занимаемую ими землю в общую казну.

Выгода такого устройства будет состоять:

1-е в том, что не будет людей, лишенных возможности пользоваться землею.

2-е в том, что не будет праздных людей, владеющих землями и заставляющих работать на себя за право пользования землею.

3-е в том, что земля будет в руках тех, кот[орые] работают ее, а не тех, кот[орые] не работают.

4-е в том, что народ, имея возможность работать на земле, перестанет закабаляться в работники на заводы, фабрики и в прислуги в города и разойдется по деревням.

5-е в том, что не будет больше никаких надсмотрщиков и сборщиков податей на заводах, фабриках, заведениях и таможнях, а будут только собиратели платы за землю, кот[орую] украсть нельзя и с кот[орой] собирать подать легче всего, и 6-е главное, избавятся люди неработающие от греха пользования чужим трудом, в котором они часто и не виноваты, т[ак] к[ак] с детства воспитаны в праздности и не умеют работать, и [от] еще большего греха всякой лжи и изворотов для оправдания себя в этом грехе, и избавятся люди работающие от соблазна и греха зависти, осуждения и озлобления против не работающих людей, и уничтожится одна из причин разделения людей.

---

¹Письмо опубликовано в ПСС, Т. 67, С. 158–159. Помета (архивная) на автографе «апрель 1894» неверна.

²Толстой, как известно, высоко оценивал идеи о земельном вопросе Г. Джорджа. См. только что вышедшую статью В. Смырнива: W. Smyrniw, 'Discovering the brotherhood of the destitute: Tolstoy's insight into the causes of urban poverty' в: Andrew Donskov and John Woodsworth (eds.), *Leo Tolstoy and the concept of brotherhood*, Ottawa, 1996, С. 194–204.

24. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому

31 августа 1894 г. Минусинск, п. шт.

Единственный в целом мире и во всем свете друг мой, душа души моей Лев Николаевич. Бог свидетель слову моему, что единственный. Вся наша Россия зверовидно на меня взглянула и крепко когтями меня гнитнула. Письмо Ваше от 23 Июня я получил, с которого я приобрел много полезного.

Вы советуете мне подражать Евангельской вдове, но было бы Вам известно, Л. Н., что я не унываю и присутствия духа бодрости не теряю, насколько у меня достает умных сил, хотя по своей Губернии одно и то же, только на разные лады представляю правительству.

У меня есть желание написать письмо в великое Министерство с выражением их тунеядства и нагло отнятой у людей земли и притом горячей огня их обжечь и холодной мороза ознобить. Но не дерзостью и не наглостью обжечь, а светлую истиную, которая вечно на разум им приходила. Я как узнал их, то на них только золота много навешано, а на деле они сущие бараны. Они мастера только вертеть языком, как собака хвостом, чего подробно здесь рассказывать не время и не место. Да Вы и сами лучше меня знаете их пустоту.

Напишите мне, Л. Н., куда, в какое Министерство и как писать Адрес? И притом не в одно, не в другое и в третье напишите Адресы. Я верно знаю, что они меня не послушают и ответа не дадут, но я этим не смущаюсь, сказать или написать — это дело мое, а принять во уважение или спровергнуть — это дело их. А разобрать, кто с нас прав, а кто виноват, найдется тот.

Они будут молчать, но совесть у них не умолчит, ведь она, как говорят, какая-то юродивая Агахья. От ней не откупишься деньгами и не избавишься красноречием и не спасешься хитростью. Только к несчастью нашему то, что она во многих из нас спит непробудимым сном, а проснется она только при конце смертных минут. Верно ли я воображаю?

И буду просить правительство, чтобы они положили эти мои письма в архив на вечное время для будущих родов. Я как подумаю, 60 годов назад какая глупость была как в нашем классе, так же и в правительстве, так это ужас! Так же можно предста-

вить через другие 60 год[ов] внуки и правнуки наши с ужасом будут вспоминать и нынешние наши 90-е времена. Они, наши внуки и правнуки, сто разов умней нас будут люди. Вот тогда только напечатают последнюю и вполне совершенную мою проповедь, она много и много лучше той, кот[орая] у Вас была, которую Красноярский наш Губернатор положил в Архив, где важные государственные Акты хранятся на вечное время (я так сделать просил Губернатора), так я слышал стороною, а верно не знаю. Красноярск от нас 500 верст. Я в твердой уверенности остаюсь, что тогда прямо целиком напечатают мою проповедь.

Я просил Вас, Л. Н., и еще прошу, пусть напишут мне письма сторонники наши для победы врагов или противников наших, но с тем, чтобы в особых конвертах и адреса были бы писаны их же почерком, а иначе они не поверят. Я тогда швырну этими письмами в баранью их рожу. Представьте: я один, а их тысячи, в силах ли я состязаться с ними, а тогда нас будет много. А о Вас они говорят так, что «Толстой пишет тебе дружелюбные письма только по просьбе твоей, а не по заслуге».

Если бы у них разум был, то отдали ли бы людей в крепостное рабство и хоронили бы от людей под спуд закон трудолюбия, и отобрали бы от земледельцев землю и отдали бы ее тунеядцам на вечное время. Не ясно ли тут видно, что у них разума и одной крошечки нету. Отдавши миллионы и миллионы бедных людей в жертву голодной смерти, какой тут разум (теперь опять на свое место возвращайся).

В последней моей рукописи есть статья такая, вот она.

При начатии важного дела или при отправлении в значительную дорогу, если на первых шагах встретится несчастный случай, то знай, что не будет добра в предпринятом намерении. Этому закону вся вселенная несомненно верит да мне кажется, что и мой Л. Н. не откажется от этой веры.

При вступлении же в дорогу, конца не имеющую, человеческого рода на первом шагу встретился несчастный случай, это родился Каин. Он первый ногою наступил на землю, он первый занял владычество и старейшинство на свете. Потом родился благочестивый Авель, которого он убил. Писание — не строго логическая истина, может статься, этого не было, а если говорит вся вселенная, что было, то и из небывалого было. Глас народа — глас Бога. Так говорит Богом вдохновенный муж Сирах. Да не владычествовать ли мысленному Каину в роды и роды, да не убивать ли ему иносказательно Авеля и до сконча-

ния века. Был ли Каин и потомки его несчастные люди? Нет, они процветали. Первый город на земле построил Каин и назвал его именем сына своего Енох. Из этого видно, что он был первым царем или князем на земле по тогдашнему веку. Его правнук Фовела был первый ковач меди и железа, из его рода были лучшие на земле скотопытали, то есть у них было скота множество, и они первые изобрели певицу и гусли. Из этого видно, что у них были всегдашние гульбища, танцы и веселия и публичные плоты угодия. «И видевши, — говорит Писание, — сынове Божий, это род Сифов, дщери человеческой рода Каинова яко добры суть, то есть сверхъестественной красоты княгини, вхождуху к ним, зачинаху и рождаху, и то были исполины от века именитые люди»¹ (богатыри, силачи), оттуду, мне кажется, началось крепостное рабство, которое Моисей в десяти заповедях подтвердил: «Не пожелай ни раба его, ни рабыни его»². И Христос не запретил главнейшего этого со всех беззаконий беззакония. А почему они не запретили? Потому что и у них тесная дружба была с богачами, а бедных людей они признавали так же, как и нынешнее правительство признает за собак.

Вот видит ли Л. Н., как возвысился род проклятого Каина, а если начнем следить за потомством Сифововым, то там никакого значения не увидим, а когда пришел потоп, то все вместе погибли, тут видно, что род благословенного Сифа весь передался на прелести рода Каинова, да и нельзя же не передаться, видите, вот какая значительность была.

Если взглянем и на послепотопные времена, то и тут увидим, какой сильный перевес взял род проклятого Хама над родами благословенных Сима и Афета и до наших времен идет то же и до скончания века будет продолжаться так же, потому что первый шаг вступления в свет рода человеческого утвердил быть тому так. А почему это? Эту загадку разгадать надо быть выше Бога или хотя равным ему, а для Бога нету времени ни прошедшего, ни будущего, а все настоящее.

С крепостного рабства людей освободили, а вместо того нашли, чем и как угнетать их — землю. Если и землю разделят, как говорит Генри Джордж, то опять найдут меры, чем уязвить их, а иначе откуда брать несосчитаемые миллионы на предводительские и на роскоши их, это именитых людей? Первый помянутый шаг вступления в свет никогда во лжи не останется, он останется во лжи только тогда, когда представят силу и достоинство первоначального закона пред очи всего мира во всей его

силе и достоинстве. А будет ли это? Как вы воображаете? Пишут нам с России, там дров нету, прежде топили наземом, а теперь скота нету и назему нету, чем сварить и зимою обогреться, очевидная голодная смерть. Где же скот? Часть погибла от заразы, а две с голоду, все сенокосные луга у помещиков да у богачей. У вас слышно, отберет ли царь землю от помещ[иков] и отдаст ли людям, так как это в его неограниченной воле состоит? Напишите мне. Он одним только словом и одним только изречением, одним только пера почерком сделать это в силах.

Писал ли я Вам с последней моей рукописи статью о небесном посланнике, который спрашивает м[еня], как и что у нас делается на земле.

Писал ли я В[ам] о памятнике, который я делаю на кладбище для себя? Я что-то забыл, писал или нет. Напишите мне.

Книги моей на французском языке я от Вас не получал. Последнего Вашего письма не всякому и не каждому я показываю, а только по твердой надежде. Нет ли еще чего-либо секретного, то пишите мне без сомнения, с секретом пишите заказное.

Писали ли Вы письмо Минусинскому врачу Попову с передачей мне? Но я не с охоты верю тому. «Получал письмо от Т., которое послал тебе с Минусинска?» — спрашивал он так у меня. Но я не получал его. Это он хвалится, что дескать и мне Толстой знаком.

---

¹Ср. Быт. 6:2, 4: «Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал. ... В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им. Это сильные, издревле славные люди».

²Ср. Исх. 20:17: «не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его».

25. Л. Н. Толстой — Т. М. Бондареву¹
 25 августа 1895 г. Ясная Поляна.

Дорогой друг Тимофей Михайлович,

Письмо твое—проще и приличнее нам, старикам, писать друг другу ты, а не вы — к дочерям от 15 июля я получил и до сих пор ничто еще не мешает мне отвечать тебе. Видно, я еще того не заслужил, чтоб пострадать за Божье дело, а до сих пор все хлещут по оглоблям, а по лошади не попадают или не хотят.

Небесного посланника я получил и при случае присоединю, т. е. когда будет печататься, присоединю его к большому сочинению.

Очень сожалею, что французский перевод твоего сочинения, посланный дочерью в Минусинск, пропал, и до сих пор мы еще не добыли нового. Постараюсь при случае приобрести и тогда пришлю. За границей везде, где живут *просвещенные* народы, земля отобрана от земледельцев и владеют ею те, кто на ней не работает. Только у диких, *непросвещенных* людей земля считается Божиим имуществом, и владеют ею те, кто на ней работает. Вот от этого-то и нужно стараться показать людям, что то, что они считают просвещением, есть не просвещение, а омрачение, и что до тех пор, пока они будут владеть землею и покупать и продавать ее, они хуже всяких диких и идолопоклонников и разбойников. Вот это-то мне и хочется перед смертью как можно яснее показать людям. Об этом и пишу теперь.

Книгу мою: Царс[тво] Б[ожие] внутри вас желал бы прислать тебе, да боюсь как бы не перехватили и не пропала бы. Напиши адрес, по которому без опаски бы можно было выслать. В том, что ты пишешь о том, что суд будет не внешний, а внутренний, я согласен и так же думаю. Пожалуйста, напиши мне, что имеешь важное сказать. Жить нам остается немного, и что имеешь сказать, надо поскорее и повернее выговаривать, пока еще живы. Желаю тебе самого тесного единения с Богом.

Любящий тебя брат

Лев Толстой

---

¹Письмо опубликовано в ПСС, Т. 68, С. 143. В копировальной книге (Л. 99 и 100) помета: «25 авг.» См. очень интересную работу Л. В. Гладковой, «Письма Л. Н. Толстого в копировальных книгах» в: «Неизвестный Толстой в архивах России и США», Москва, 1994, С. 153–166.

26. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому¹
 30 марта 1896 г., г. Иудино Бейской волости, п. шт.

Лев Николаевич,

Весь ваш великосветский класс отверг и с омерзением назад за себя бросил мою проповедь о трудолюбии и тунеядстве. По всему сказанному мною ты один и один искренний и близкий к сердцу моему друг и брат мой, это слово я говорю с крепким заочно пожатием руки твоей.

Ты говоришь в первых строках письма твоего ко мне², что нам, старикам, нужно писать друг другу ты, а не Вы. С этого я понял, что ты, Л. Н., гнушаешься своим суетным превосходством.

Еще говоришь там же, что небесного посланника присоединю к большому моему сочинению, когда будут его печатать. Да неужели у тебя есть надежда, что напечатают его? Я слышал стороной, что мое сочинение не то чтобы в России печатать и из-за границы запретили выписывать его и чтобы ни в каких печатях и имя Бондарева не поминать. Верно ли это, не знаю. Прошу и умоляю тебя, Л. Ник., если будет на то возможность, пришли мне книгу моего сочинения на французском языке.

Я прежде имел надежду, что Россия устыдится иностранных народов, потому землю отдаст людям, а теперь, когда увидел с твоего письма, что и за границею вся земля от людей отобрана и тунеядцам отдана, теперь остался в той уверенности, что никогда и никогда не дадут людям земли и не далее, как через одно столетие, опять заберут людей в крепостное рабство за землю. Сожаленца ли тогдашний царь над людьми? Нет, он порадуется их несчастью.

Я не мог понять в твоём письме какой, как или на чье имя написать адрес, по которому можно бы было выслать мне книгу «Царствие Божие внутри нас» (конечно, и мука адская тоже внутри нас).

В прошедшем 95-м году ты, Л. Н., просишь меня написать что-нибудь важное³, но я на эту твою просьбу отвечаю так. Не одного сожаления, а самого оплакивания достоин тот земледелец, который сеет семя на бесплодную землю и плоды не получает. И еще: Не кидай бисера перед свиньями, и проч. Я вот сколько много писал им, и что же? В отхожее место сходили с

ним да и все, только и было. Да и еще буду трудиться? Я этим погрешу пред Богом. Теперь я все твое письмо прошел, на что нужно отвечать, по силе своего разума ответил. Теперь спрашиваю.

Чаешь ли ты, Л. Н., загробной жизни будущего века? Признаешь ли Иисуса сына Мариина истинным Богом или человеком? Верно ли Бог приказывал Моисею так: Если приобретешь раба, то поработает тебе 6 лет туне, а на 7-е лето отпустиши его тща, только попутное да одежды ему, то есть какие-нибудь лохмотья — одежду и обувь и завалящий кусок хлеба, который нужно бы собаке бросить, дай ему. Это ему вся награда за 6 годов. А в другом месте тоже говорит Бог Моисею, поверти рабу своему шилом ухо и будет тебе раб во веки. Допускаешь ли, Л. Н., что так приказывал Бог Моисею. Истинные тому примеры в руках наших, нам можно видеть это на том, что:

Когда повздорила за что-то Агарь с госпожою своею Сарою, не было ли у Авраама на чем отвезть или кого послать отвезть рабу свою Агарь куда-нибудь к людям. Нет, он кладет ей на плечи одежду, хлеб и мех воды и отдает ей на руки дитя, им же прижитое, и прогоняет ее, как собаку, в непроходимую и нестерпимо жаркую безводную пустыню. Как видно с целью, чтобы кровожадные звери растерзали ее, а с нею вместе и дитя. Вода оскудела, дите от жажды кричит, она положила его под деревом и отошла от него, чтобы не слышать крику его. Каково, можно представить, каково тут было сердцу материну. С этого видно, что он, это Авраам и со всеми рабами своими то же делал. На его же работе человек окалечится или состареется, он его выгонит из дому поленом так же, как Агарь выгнал. Если Авраам праведник, который с Богом говорил, как с подобным себе человеком, да и тут вот что делал над людьми, то что же можно думать о простонародных помещиках всех прошедших веков. Да на что нам указывать на то, чего мы не видали. Нынешние помещики, им люди работали близу трехсот годов, чем же они их наградили, отпуская от себя: выгнали подобно той Агари поленом из дому своего, это с земли своей, как собак, да только и было; обошел деревню кругом по-над городьбой борозду и курица не переступи. И сидят люди, как арестанты в крепком остроге. А когда этому аресту конец будет? Никогда...

О, глупейшие мы с тобой всех людей люди! Да пусть бы мы не знали, нет, знаем, что от начала века (а было ли начало века, я думаю, что нет) укоренилось зло на свете, а мы ныне

хотим искоренить его. По всему сказанному, как алчущий хлеба и как жаждущий воды, так желаю я смерти. Если я прежде умру, то прикажу сыну своему (он ныне сельским писарем), чтобы дал знать тебе. Если и ты прежде, то тоже прикажи, чтобы написали мне. Сегодня получил это письмо мое, завтра пиши ответ. Медлить некогда, мне 76 год. Я не болен и ем, как должно, а силы крайне ослабли. С этого видно, что я одной только ногой стою на земле, а другой уже во гробе. Да и ты, Л. Н., тоже не далек от этого. Ты немного что-то моложе меня.

Как у меня не было, нету и не будет столько искреннего друга, как ты, Л. Н. Ты настолько великоиме[ни]тый человек, а я кто? Помещицкий крепостной раб, чего хуже и гаже на свете нету, несмотря на все это называешь меня дорогим другом и братом. Чего мне принести или чего воздать тебе за все сказанное? Нечего. Денег у меня нет, а если бы и были, то ты их не примешь. Извини, сладко и красно говорить не умею. Я принесу тебе вот что, если только будешь согласен со мною. Как мы оба близки к гробу, потому давай условимся между собой так. Если ты будешь в блаженном месте на том свете, а я в худом, то потребляй все меры, чтобы выручить меня оттуда. Если же я в блаженном, а ты в худом, тогда я буду умолять Бога тебе даровать блаженную жизнь со мной. Если же не будет на то возможности, тогда я пойду к тебе в худое место, то есть жить вместе и умереть вместе, на суд к Богу идти вместе и в определенное место идти вместе. Я твердо надеюсь и крепко уповаю на то, что как мы здесь условимся, так и там будет. И еще не смотреть тогда на виновности друг друга и пороки, а смотреть на одни добродетели и заслуги. Согласен ли ты, Л. Н., со всем этим? Если согласен, то дай же мне хотя заочно в том руку, я ее крепко пожму в знак ни в этой жизни, ни в будущем веке неперменного условия, как выше сказано. Вот чего я приношу тебе, Л. Н., за твою признательность ко мне. Доволен ли ты этим? У вас там близу Москвы все люди умные, свысока говорить умеют, потому я думаю у тебя много близких к сердцу твоему друзей, потому тебе жить не скучно, а тут я один, как есть один, или потому что я умней всех, или потому что я глупей всех. Спросить не у кого и сказать некому.

Последнюю свою рукопись, которая много и много улучшена в сравнении с тою, которая у тебя была, подал я ее Красноярскому губернатору⁴ для прочтения в 90-м году, он и по это время не возвращает ее ко мне, сколько я его ни просил письмами

прислать ее ко мне, ответа нету. В прошедшем 95-м году в половине октября проезжал он чрез нашу д[еревню], я пошел спросить у него о ней, и что же? Он не дал мне одного слова выговорить, прогнал меня с глаз прочь. Мне кажется, он не узнал, кто я и зачем пришел. Не будет ли с твоей стороны, Л. Н., возможности попросить ее у него для прочтения? Они все пред одним именем твоим трепещут и трясутся. Он пришлет тебе ее и отдельное к ней добавление на 22 листах писанное. Это добавление дороже всего большого сочинения. А ты возвратишь ее ко мне. И скажешь ему, что Бондарев писал мне вот так и так и притом напомни ему, как он выгнал меня с глаз своих. А черновой с ней у меня нету. Я их 5 написал и все они так же бесследно погибли. Обо всем этом рассказывать тебе здесь я признал лишним. В будущем письме я тебе вякну что-то хорошее и от века на свете небывалое и всею вселенною неслыханное. Ты, Л. Н., не смотри на то, что⁵

От тебя я буду ждать письма в первой половине Мая.

Как я тебя просил и умолял в письме отослать Небесного Посланника за границу, чтобы они его приложили к моему сочинению, а ты, мне кажется, не отослал.

Вышеупомянутое мое условие с тобой и также и то, что будет ниже писано, приводит меня в великое смущение тем, что с вашего класса на всяком шагу встретишь тех, которые не то что жизни будущего века не признают и само бытие Божие уничтожают, а произведение всей вселенной приписывают слепому случаю. Да не тот ли ты, Л. Н.? Если тот, то ты меня унизишь, как больше некуда, да, впрочем, унижай, как знаешь, это дело твое, а пожелать тебе всего лучшего — это дело мое.

За всем этим, как искреннему другу моему, открою я для тебя, Л. Н., само дно сердца моего. Вот оно: помянутую перво-родную заповедь — хлебородную землю и хлеб — я представляю их не мертвыми, а живыми существами, но никак не святыми, у меня кроме одного Бога святыни нету. Так же небесного посланника и всего небесного круга жителей, так как они для меня старые знакомые и притом не на словах, а на деле, признаю, и во время молитвы представляю их подобными и равными себе человеками затем, что один их сотворивший, а меня создавший, потому я называю их братьями своими. А кто из нас дороже и кто дешевле пред лицом Бога, это дело не наше. И нас всех в этом обществе 10 человек. Не так, как с тобой, а несколько подходящее сделал с ними условие, которое написал на 4 лис-

тах, вложил в конверт и запечатал и приказал, положивши меня в гроб, когда умру, вложить этот пакет в правую мою руку, чтобы он приходился против сердца моего с тою верою, что для нас эта бумага сотлеет, а для Бога она не сотлеет в непроходимые веки. Если в будущем письме дашь мне на это согласие, тогда я припишу тебя, Л. Н., к этому обществу, как выше сказано — и жить и умереть вместе.

Признаю ли я своих на земле этой, Ветхого и Нового заветов также и в преданиях помянутых именитых людей святыми отцами? Нет, не признаю. Почему? 1) потому что они утвердили крепостное рабство, которую чашу скорби, болезни, печали и горького вздыхания я, Бонд[арев], до дна выпил. 2) собственную свою землю иметь допустили. 3) с несосчитаемых миллионов земледельцев ни одного к лику святых не приписали, а если и приписали, то только тогда, когда он удалился куда-либо от этой работы и так далее и далее. Вот эти причины, под тяжестью которых стонут небо и земля, не допускают меня признавать их своими. Теперь спрашивается: небесные жители, может статься, они хуже нас? Я на это отвечаю: худшие ли они нас, неизвестно, лучшие ли — и этого мы не знаем, а если ни того ни другого не знаем, то приличней же остановиться на том убеждении, что они лучшие нас. Какие-какие пороки, может статься, и есть там, а крепостного рабства, отнятия у своих кормильцев земли и прикрытия от людей главного закона там нету. Потому что под тяжестью этих трех беззаконий стонут небо и земля. Теперь прощай, Л. Н., прощай, неоцененный друг мой. Прощай до приятного свидания, если не в этой жизни, то в будущем веке, и притом скоро мы увидимся.

Т. Бондарев.

Будущего лета, это в 96 году, пройдет жел[езная] дорога до Красноярска. Если бы были у меня деньги да силы, я неотменно поехал бы к вам, потому что дешево и скоро. Я эту зиму живу в 7 верст[ах] от д[еревни] на заимке со скотом. При крайне слабых силах не туне хлеб ем. Напиши мне адрес того министерства, которое заведует земледелием и как им писать, письмо или прошение. Я их исповедаю да еще и причащу. Конечно, оно не поможет, а сильно же будет звучать в ушах совести их. Я слышал, что это посторонние цари принудили нашего царя людей освободить с рабства, а иначе он вечно не освободил бы. Верно ли это?

Сам увидишь, к какому месту письма приложить это. Заповедь Земля, Хлеб и проч. Почему я их, а они (как я воображаю меня) меня приняли в сообщество свое? Это потому что как я, так и они все с омерзением всем миром выброшены с круга его на зады, где на земле человеческий помет и всякую нечистоту сваливают. Потому мы все 10 человек, как негодяи, несмотря на греховности и пороки друг друга и совокупились. А прочее и пр[очее], далее и д[алее] сам, Л. Н., разумеи. Я слышал немного, что и ты так же, как и мы, выброшен с своего круга? Если то так, то присовокупляйся, Л. Н., к нашему обществу. Если только чаешь жизни будущего века, а нет — то ты для нас не друг.

---

¹Автограф письма Т. М. Бондарева от 30 марта 1896 г. не сохранился. В Отделе рукописей ГМТ два экземпляра машинописной копии с него. Сохранился только подлинный конверт, на котором помета рукой Л. Н. Толстого: «Отв[ечено]».

Ответ Л. Н. Толстого от 23 мая 1896 г. (см. письмо №27) опубликован в ПСС, Т. 69, С. 99–100. Там неверно сказано, что письмо Бондарева, на которое отвечает Толстой, не сохранилось. На самом деле не сохранился лишь подлинник, а не текст.

²Ответ на письмо Толстого от 25 августа 1895 г.

³См. письмо №25.

⁴См. ПСС (Т. 69, С. 101): «Красноярск был уездным городом Енисейской губернии, и правил им не губернатор, а полицмейстер, в 1896 г. — Александр Адольфович Греве; енисейским губернатором был Леонид Константинович Теляковский».

⁵Далее пропуск в копии, по которой печатается письмо. Автограф неизвестен.

27. Л. Н. Толстой — Т. М. Бондареву¹

23 мая 1896 г. Ясная Поляна.

Дорогой друг мой Тимофей Михайлович. Я виноват в том, что получил письмо твое уже давно, а до сих пор не ответил. То были дела, а то нездоровье, а кое-как отвечать не хотел.

Дела мои только в том, чтобы выяснить как можно лучше и понятнее людям ту истину о жизни, которую я знаю, и которая дает мне благо, и которую люди не знают и вместо которой верят в ложь, которой их научают обманщики. Не надо отчаиваться, а надо по мере сил высказывать то, что знаешь. Не при нашей жизни, так после нее, узнают и поверят то, что в наших речах справедливого. Правда не горит, не тонет. Твое сочинение и делало, и делает, и будет делать свое дело, обличая людей и открывая им глаза. Мне очень жаль, что я до сих пор не мог послать тебе в другой раз французский перевод твоего сочинения (в первый раз я послал, а он пропал). Теперь выписал еще раз и, как получу, вышлю.

На вопросы твои вот мои ответы: красноярскому губернатору мне писать бесполезно: если он тебе не возвратил, то и мне не придет, и я писать не буду; но если будет случай, постараюсь через знакомого добыть рукопись. Очень жалею, что она пропала². На вопрос твой о том, что признаю ли я, что Бог приказывал Моисею? отвечаю, что не признаю, и знаю, что как теперь всякие человеческие скверные дела наше правительство выставляет как будто по воле Бога и с благословения церкви, так и евреи все, что им нужно было предписать народу, выдавали за слова Бога, сказанные Моисею, книги Моисеевы написаны не Моисеем, и доказательство тому, что там описана смерть Моисея. Свят дух Божий, который живет в людях, а не книги. В книгах, которые называют священными, — много лжи. На второй вопрос о том, что Иисус, сын Марии, — Бог или нет? — отвечаю, что Иисус, сын Марии, человек, а не Бог, и что считать его Богом есть великое кощунство, что я и говорю всегда всем попам. О жизни будущей я думаю так, что в нас есть две половины: Божеская и животная. И что если мы в этой жизни признаем собою свою Божескую половину и ею будем жить, то мы с нею и уйдем к Богу, а что если мы будем жить в свое животное и собою считать это животное, то с ним и умрем. Поэтому

думаю, что тот, кто живет в Боге, тот не умрет во век, а будет жить в Боге. Какая будет эта будущая жизнь, мы знать не можем, но знаем, что она есть и что я не умру. Знаю только, что я от Бога пришел и к нему приду и что с Богом мне будет хорошо. Еще думаю, что ту правду и то добро, которое я познал здесь и здесь проводил в жизнь и желал, что эту правду и это добро я найду в той жизни уже готовую, а там будут новые правды и новое добро, которых я буду достигать и достигну, и так без конца все буду ближе и ближе подвигаться к Богу, и как здесь служить Ему, так буду служить там и буду так служил вечно. Вот так я думаю. И потому думаю, что никто один другому помочь не может, да и незачем помогать, потому что каждый сам в себе может найти Бога и соединиться с Ним и жить Им, и тогда уже никого и ничего не нужно. Вот какие мои мысли о Боге и будущей жизни.

Многое бы я хотел об этом с тобою поговорить, да всего в письме не скажешь. Я теперь занят составлением такого изложения веры. Вот если Бог приведет кончить, и мы будем живы, то пришлю тебе. Некоторые статьи посылаю тебе. Затем прощай и пиши мне.

Братски целую тебя.

Лев Толстой.

23 мая 1896 г.

---

¹Письмо опубликовано в ПСС, Т. 69, С. 99–100.

²Вероятно речь идет о новой рукописи Бондарева: «Польза труда и вред праздности». См. ПСС, Т. 69, С. 101; также письмо №28.

28. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому¹
12 августа 1896 г., г. Иудино.

Л. Николаевич,

Посланное тобою ко мне письмо² и посылку я имел великое счастье получить то и другое 31 Июня, и притом посылка для меня приятная, а письмо сладче меда сладкое. Ты разъяснил мне в письме то, с чем и я согласен, то есть о Моисеевых книгах, в Новом завете и во всех преданиях на всяком шагу встретишь такую ерунду, даже язык не воротица читать, и все это от имени Бога. Черт туманит людей ночью впотьмах, а люди людей туманят среди белого дня. Значит, люди хуже всякого черта. А есть ли черт или Ангел? Я не признаю, а иначе Бог будет подобен человеку, который сам один управиться не может, а нужно прислугу. Не будет ли это страшная хула на Бога, да и дело.

60 годов назад, мы довольно помним те времена, какое безумие было в те времена, то что же можно думать, если сотни, а еще более тысячи годов назад, тогда-то что? А что — сущие дикари были. А ныне признают, что они от имени самого Бога писали и говорили, да на что мне говорить про людей, 25 лет назад и я был не последний баран. Только одна переписка с тобою, Л. Н., она сняла с глаз моих ту мрачную завесу, которая препятствовала мне увидеть свет истины, а иначе я и поныне оставался бы в той же бездне безумия, а теперь сам ею пользуюсь и все возможно людям внушаю, и они это принимают.

Как я жалею, что ты, Л. Н., не принял сказанного моего условия, то есть чтобы в загробном веке жить с тобою вме. Конечно, много можно сделать доказательств, что оно полезное или бесполезное, и то и другое можно. Как говорится, всяк по-своему с ума сходит. Представь, как мы удивляемся прежде нас бывших людей безумию, чрез три и четыре столетия так же будут удивляться нашему нынешнему безумию, которого мы ныне за собою не видим. Мы как трехлетние дети: чего-чего лопочут, часто и неуместное, а родители радуются этому. Так же и мы пред Богом: чего-чего бредим, по силе своего разума добиваемся истины и часто не угодны Богу. Он, не уважая нашего недоумения, на все-то радуется. Так же и сказанное мое

условие с тобою, ведь оно сказано с целью добра, а не зла. А ты взял да и бросил его назад за себя.

Не должно молчать, а нужно по силе своего разума высказывать людям ту истину, которую знаешь. Ты, Л. Н., так мне советуешь. За это благодарю и благодарю, потому я так и делаю. Я написал чрез руки своего Енисейского и Иркутского Архиепископа великому правительству послание такого содержания (смотри на следующей странице).

Как ты, Л. Н., не последняя шишка среди знатных людей, этим моим писанием спеки, спеки их, да еще и поджарь. А как испечь и поджарить — я тебе не наставник. Если бы это написал какой-нибудь великого достоинства человек, тогда бы оно столько силы не имело, как теперь, когда написал его крепостной помещицкий раб, холоп, с которого помещик всю кровь высосал, а вместе с нею и разум его проглотил, и притом вот что поет. Разошли, Л. Н., разошли с нее копии всем своим знакомым. А энти разошлют своим и так далее своим. Добиваюсь ли я этим славы себе? Нет, ты сам знаешь, кто я теперь, потому на что мне теперь слава?

Мне кажется, что «Небесный посланник» лежит у тебя преспокойно, никаких отрослей от него нету, так же и это будет лежать, вот горе мне, вот горе мне.

Я намереваюсь это же сочинение представить Иркутскому Генерал-губернатору³. Когда глаза мои вечным мраком закроются, тогда только замолчу. Мое дело написать и отослать, а там в отхожее место сходи с ним — это дело не мое.

Польза труда и вред праздности

Как ты, великое правительство, меня, Бондарева Минусинского округа признаешь хорошим или худым, полезным или вредным, умным или глупым, так и признавай — это дело твое.

А я признаю сам себя (это кроме похвалы о себе) от всех сил верным ходатаем о благополучии всего мира без различия звания, рода веры и происхождения, то есть разыскиваю меры и возможность, чем и как избавиться им от тяжелой нищеты, а это дело немаловажное, его не вдруг и не сразу, не всякий и не каждый сделает.

Что ему сделаешь, чем спасешь от этого гнусного порока, это от нищеты (нищета не порок, а хуже всякого порока), все великие мыслители всех веков при всех своих заботах и попечениях об этом не могли добиться этой возможности, да и дело.

Что ему сделаешь, чем спасешь и как избавишь от этого гнусного порока, это от нищеты? Дай ему рубль и два, дай ему пять и десять, дай ему сто и тысячу руб[лей], он их в короткое время все срасходует, а сам как нищий был, так нищим и останется. Пьяница ли он? Нет, трезвый.

С этого видно, что нету да и быть не может никаких мер спасти его от сказанного порока. Но и оставить же в сказанной бездне зол нельзя, да на что же я ходатай о спасении их и на что Вы, правители и путеводители их ко всем благим света сего. Да неужели Вы способны только одних здоровых овец пасти, это помещиков да миллионеров да разного рода богачей, а слабых овец оставлять на съедение кровожадным зверям? Да за что же Вы получаете тысячи, а иногда и самые миллионы жалованья? Я вот уже 23 год среди забот и попечений житейских ходатайствую об э[том], чего Вам отчасти известно, а сколько я получаю за то жалованья? Это Вы знаете. Вот где истинный (при этом слове я ударяю крепко кулаком сам себе в груди), вот где истинный и нелицемерный покровитель и спаситель всего мира от сказанного бедствия. Я, Бондарев, подобен Крылова старому и во всю свою жизнь измученному в трудах коню, который увидал в тине увязшего быка, сжалился над ним, потребил все возможные меры, выручил этого быка. Тогда бык начал коня благодарить, а на своих товарищей жаловаться. «Я, — говорит бык, — лежу в этой тине вот уже трое суток, и го-подняя смерть приблизилась ко мне, сколько я их ни просил и сколько ни умолял подать мне помощь, они же и внимания не обращают на мои просьбы». «Никогда, — говорит конь, — никогда, друг мой, не обращай к тем людям за помощью в нужде, которые ее не знают. Я как видал в жизни своей несосчитаемое множество разного рода бедствий, потому я и над тобою умилосердился, а твои товарищи, они прожили в неге да в роскошах, потому они и над тобою не умилосердились. Теперь, читатели, сами разумеете, кто с нас помянутый конь, кто увязший бык и кто на воле гулявший бык». Так Крылов говорил в одной басне.

Ну так что ж нам теперь делать? Еще спрашиваю у тебя, правительство, да неужели же этим людям так и оставаться в этой постыдной нищете в роды и роды. Я с этим никогда согласен не буду, до самого гроба моего буду, подобно Евангельской вдовице, к тому судье, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, буду вопить во уши Ваши. Да на что же Вы

правители их и на что я выдаю себя за спасителя их от нищеты, неужели только для того, чтобы мне вертеть пред правительством языком, как собака хвостом, вот дескать я хороший человек. Мне теперь на восьмой десяток шесть год[ов]. До 40 годов я был помещицкий крепостной раб, а потом в самые лютые Николаевские времена 12 год[ов] солдатом, а потом в самое тревожное время с черкесами, 4 года казаком, а затем с семейством четверо детей и жена пошел в кандалах в Сибирь. А теперь на что мне слава Ваша, убирайтесь от меня с нею. Что мы будем, если будем заботиться только сами о себе, а этих несчастных людей, а еще большее сердцу представить маленьких их детей—отдадим в жертву слепому случаю, тогда небо и земля и все, что в них, признают нас злейшими врагами всего мира.

Я с своей стороны разыскал для этих несчастных людей верное спасение от постыдного их нынешнего убожества, и притом оно не тяжкое, а легенькое, не завитое, а простое и для всякого человека доступное и сладкое, и при этом нелишним признаю коротенько пояснить его здесь. Услыхавши все сказанное мною в моей проповеди, тогда он, это в нищете погрязший человек не удвоит и не утроит, а удесятерит охоту ко всем трудам и работам с целью достижения вечных благ, потому что эти люди твердо верят в загробную жизнь будущего века, и все эти труды будут казаться ему легкими, усталости этот человек чувствовать не будет, сон убежит от глаз его и притом удержится от пьянства, которое есть главнейший источник нищеты, и заживет на свете фертом припеваючи, и признается всем миром и правительством честным и благородным человеком вместо того, как он ныне высшей степени негодяй. Вот изобретенный мною источник для всего мира от нищеты. А Вы взяли да и запретили его печатать. Эх! Есть у меня словечко на примете для тебя, правительство, только неохота сказать.

Вы видали в моем предисловии, как я работал в России на родине и как работаю в Сибири, даже трудно тому поверить (и я живу ныне не богат, а вполне всем доволен), а сделал ли бы я это, если бы не воображал силу и достоинство первородного закона? Никогда. С этого видно, что не устремится ли и всякий человек на такие же труды, услыхавши все сказанное мною, ведь он не слабже меня силою, а также и разумом.

Именем Бога правды прошу и умоляю тебя, правительство, напечатай ты все мое сочинение о трудолюбии и тунеядстве

целиком, так, как оно у меня написано. А если окажется там что-либо неладно да нескладно, то этот порок пусть останется на мне. А то что же вы делаете, мое изобретение уничтожаете и сами ничего подобного тому не делаете, а махнули на все то рукою с произнесением вредного для всего мира слова: уничтожить все это. Это слово: уничтожить — произнес из среды вас один какой-то председатель, и он этим словом как огнем сжег вселенную всю, а сам как ни в чем и не бывал затараторил что-то другое. А что другое? Лишь бы мы да подобные нам именитые люди процветали, а эта шушера пусть исчезнет голодною и холодною смертью. Эта цель ваша видна с крепостного рабства да с отнятия у людей земли да третье: с слова «уничтожить».

Говорю ли я этим, что вы нисколько не заботитесь об нас? Нет, вы неусыпно день и ночь хлопчете и заботитесь о благополучии нашем, это верно, но я на все эти ваши заботы отвечаю так: снявши голову, по волосам не плачут, то есть если вы землю у нас по всей Россен отобрали, сказанный закон трудолюбия скрыли и ко уничтожению предали, то на что и для чего теперь нам мелочные ваши пособия? Оставляйте нас в жертву голодной и холодной смерти.

Если этот изобретенный мною источник, с которого я почерпнул все это, если он для вас нестерпимо горький и вредный, то вы разыщите другой по силе и достоинству такой же источник, чего-нибудь да делайте, а то что же вы сидите как... Сами ничего не делаете и мое изобретение уничтожаете. Да неужели этим людям и маленьким их детям так и оставаться живыми мертвецами в роды и роды?

Представьте, други мои читатели, может статься, не будет жизни будущего века — это хорошо для вас. А если будет — тогда что? Какой ты отчет дашь Богу за столько великую и выше всех мер миллионам людей обиду, одного человека обидеть и тут не избежишь кары правосудного неба, а тут-то что?

У вас одно только оправдание, а все это такое: ведь не я тому причиною, и другой; не я, и третий; не я, и так далее; не я, и все; не я, и конца нету; не я. Спроси верховных правителей, и там тот же ответ получишь: ведь не я тому причиною, и другой; не я, и все; не я — сказанному злу причиною. Стала вселенная вся непрерывным кругом, крайнего нету, все в середине, все «не я». Да кто же у вас «я»? Ни одного нету, кто бы был «я», все «не я». Только мы одни «я», только я один «я». Величаться, превозноситься, выше облак подниматься, звезды небес-

ные рукою доставать, на хребте бедных людей и удила им в рот закладывать (это сказанный закон да землю я называю удилами), тут всякий и каждый «я», ни одного нету, кто бы был «не я», а все «я». Теперь опять на преждереченное возвращаюсь.

Итак, еще повторяю вышесказанное: из двух одно что-нибудь да делайте: или мое произведение принимайте, или с своей стороны разыскивайте что-нибудь подобное этому по достоинству. Да неужели Вы с тем согласны, чтобы им так и мучиться в этой горькой и никакими слезами не оплаканной нищете.

Ах, горе мне с Вами, горе мне с Вами! Как Вы крепко закаменели в немилосердии к этим и без того уже судьбою своею наказанным людям. Вот уже 20 год[ов] ходатайствую об этом и ни одной черты ни от кого не получаю в ответ (кроме Л. Н. Толстова — у нас с ним 20 год[ов] идет непрерывная переписка), как в мертвые руки подаю, как в слепые очи показываю и как в глухие уши говорю, ответа нету. С этого видно, что у тебя, правительство, врожденный закон такой, что ты не слушаешь, что говорят, а слушаешь, кто говорит, то есть если бы какой-нибудь заглавный ферт написал все это, тогда не успел бы читать ответы, а как написал какой-то мужик, помещика крепостной раб, шурлы-мурлы, в таком случае убирайся от нас к черту.

Только один тот из среды вас поверит следующему моему слову, кто прочитал все мое сочинение, что никто от живущих на земле не желал и теперь не желает и впредь желать не будет вам столько добра и блаженства, сколько я, Бондарев, желаю. Я для вас как хороший лекарь на 200 листах 415 статей написал об этом же, столько лекарств потребил для излечения помянутых душевных и телесных болезней ваших, чего ради и домик мой пришел в упадок, из этого видно, что я эти лекарства для вас покупал недешево.

Наконец же концов вижу, что ни малейшей пользы вам с этого нету, а еще больше разъелась болезнь ваша, это запретили печать, теперь еще достал одно лекарство для вас с небесного круга (оно у Толстова есть), если и это не подействует на сказанную вашу болезнь, тогда оставлю вас не на произвол судьбы, а на произвол слепого случая.

Представьте, читатели, что я этим ходатайством своей собственности ищу, которая при создании мира кроме всех белоручек одним нам, земледельцам, самым Богом дана, также и помянутый закон, не наш ли он? Да на что же вы у нас то и другое

или тайно украли, или коварно присвоили, или нагло отняли и глубоко в землю, как ленивый Евангельский раб талант свой, скрыли, о которой потере мы, земледельцы, столько тысяч годов не хватились, среди бесчисленных забот и попечений житейских ее не досчитались, а теперь вот и хватились, теперь и досчитались, теперь и виновника нашли и все злодеяния открыли, а что же, возьми свое добро? Нет, не тут-то было, что у волка в зубах, говорит пословица, то Егорей дал.

Вы нас за какую-нибудь безделицу в сравнении с вашей обидой в каторгу присуждаете, почему же вы сами себя не судите? Как и сказано: в чужом глазе сплицу видишь, а в своем целого бревна не чувствуешь.

Если уже тебе помещиков и других богачей жалко более самого себя, то ты вынь с своего кармана да и подари его. Нет, для тебя своей собственности жалко, потому ты с чужого кармана тащишь и тем искренних своих друзей даришь, то есть у бедного человека последний кусок хлеба с рук вырываешь и тем искренних своих друзей даришь, ты своим добром подари его.

Так же и помянутый закон, это в поте лица снеси хлеб твой, ведь это наша же собственность самым Богом одним нам дана, мы сами по силе своего разума сделали и разъяснение этому своему закону. На что же ты и его так же, как и помянутый кусок хлеба, с наших рук вырвал — это запретил печатать.

Две заповеди даны Богом Адаму и Еве, тут же и нам, потомкам их. Первая: раститесь и множитесь, наполняйте землю. А вторая: в поте лица снеси хлеб твой. Теперь спрашиваю, почему ты первое Божественное постановление с великим усердием и с сверхъестественною жадностью у себя дома выполняешь и до пота трудишься над размножением людей, да еще того мало, великое желание имеешь, как бы и на стороне помочь кому-нибудь размножать людей. С моей стороны, это ты хорошо делаешь, это Богу угодное дело, потому что им же самым так приказано: раститесь и множитесь. А если бы это было противное Богу, то он разыскал бы иной путь к размножению мира — у Него нету невозможного. Это хорошо, за это я благодарю тебя, так и делай.

Теперь спрашиваю, почему же ты вторым Его постановлением, это в поте лица снеси хлеб твой, гнушаешься и куды-куды за разные углы хоронишься от него, и говоришь так: «Я найму хорошего работника, он и будет мне хлеб работать и людей, которых я по заповеди произвожу в свет, будет кормить».

Да найми же ты, отвечаю я ему, найми же ты хорошего работника, чтобы он и людей тебе размножал. О, нет! Ты скажешь: «Я сам ищу места, где бы наняться в такие работники, чтобы людей размножать и землю наполнять по заповеди». А если этого не можно, то нельзя же и того допустить, чтобы посторонние люди детей твоих кормили, кроме уважительных и неизбежных причин, всем одним и тем же заниматься нельзя.

На мужике, говорит пословица, зипун сер, а разум не черт съел. Он рассуждает сам с собою так: вот тому-то и тому-то можно чужих трудов хлеб есть и неправдою жить. Почему же мне нельзя? Дай-ка и я убью или украду, сожгу или ограблю, да тогда и заживу помещиком и буду повелевать, а не повиноваться. А от праведных трудов не наживешь каменных домов, от праведных трудов не будешь богат, а будешь горбат. Не пусти души в ад, не будешь богат. И так далее и далее начнет воображать, а потом и делать. Тогда ты же начинаешь его судить и в каторгу ссылать, тогда как сам всему тому причиною, ведь он, смотревши на твою роскошь да на пышность, соблазнился. Почему вы никогда не пишете, не печатаете и на словах не говорите о трудолюбии и тунеядстве? Если я написал об этом, вы и мое сочинение запретили печатать. Почему это так? Это потому что вы сами вечно ни к каким трудам и одним перстом не прикасались, потому вы прав не имеете говорить об этом, несмотря на то что это, то есть труд, главнейшая со всех добродетелей добродетель как пред людьми, так и пред Богом.

У нас 120 миллионов людей в России, верно сосчитать не можно, а приблизительно положить 400 миллионов четвер[тей] нужно хлеба на год, это кроме того, что поедают птицы и животные и идет на винные заводы и за границу, тут еще такая же сумма найдется, то есть 800 миллион[ов] четв[ертей], 1200 миллионов пуд. Теперь людей: вас, дворян да купцов и разного рода богачей, евреев, цыган, они такие же дармоеды, всех вас, удалившихся от трудов, найдется в России 40 миллион[ов] да у нас старых да малых, больных и калек найдется столько же, да и жен наших нужно удалить или вычесть с круга работающих, потому что у ней если не на руках дите, то за поясом. Теперь представьте, други мои читатели, в силах ли мы всех вас сладко напоить и накормить, красно одеть, на мягкую постель положить и теплым одеялом прикрыть, да и кроме того все и все в свете тяжкие работы лежат на руках наших же и еще того по вашему усмотрению недостаточно, взяли да этих своих кормильцев в

крепостные рабы помещикам отдали, а потом землю от них вчистую отобрали и тем же помещикам отдали да миллионерам продали. О, да если бы я, Бондарев, не один язык, а много языков у себя имел и говорить бы схотел, и тогда не можно бы было подробно разъяснить всю обиду ту, которую вы наносили и наносите нам. А куды пойдешь, кому скажешь? Где покровительства и защиты найдешь? Он скажет: ведь не я тому причиною. И все, и конца нет — «не я». Да и верно, был бы я, Бондарев], в кругу вашем какая-нибудь нешутейная шишка, и я тоже бы ответил, что не я тому причиною, я за людьми человек.

Люди назовут меня низко или нет, не знаю, потому я сам себя назову так: о, глупейший ты, Бондарев], со всех человек человек. Почему? Потому что на кого жалуешься, тому и жалуешься, с кем завел тяжбу, тому на разбирательство и на самое решение представляешь ее. Да было ли это от начала века да и будет ли до скончания его, чтобы кто признал сам себя виновным, а людей правыми? Ты, великое правительство, должно быть близко знакомо со мной, потому что как вы заботитесь о благополучии всего мира, но вы за то денег и получаете, а я чего получаю? Я с вас, главных виновников], скоро после смерти потребую на тот свет. Вы не смотрите на то, что я по будням заношен, гром бьет не с одной тучи, а часто и с наземной кучи. Я только тех потребую, которые признают все это пустою моею болтовнею и ответа не дадут мне на это, а которые ответят, тем пожелаю всего и всего на свете лучшего, а будет ли возможность на это на том свете, не знаю и не знаю.

Добавление

В помянутом моем сочинении, там тяжутся труд с праздностью, а хлеб с тунеядством. На стороне же праздности и тунеядства защитников, до облак возвышенных, миллионы людей, а со стороны труда и хлеба я, Бондарев, один, да и притом кто я в сравнении с вышепомянутыми людьми? Один нуль без единицы. А Богом вдохновенный муж Сирах в проповеди своей говорит так: «Какая тяжба ягненку с волком или синице с орлом, такая тяжба бедному с богатым. Там же: Кий мир гиене со псом, и кий мир богатому с бедным. Там же: Богатый нелепая возглагола и все умолкоша, и слово его вознесоша до облак. Бедный же провеща разум не даша ему место, и реша кто сый». А с этого, читатели и прочие и прочие, сами разумеите.

---

¹На л. 3 лиц. примечание Т. М. Бондарева: «По случаю всегдашних отрывок от дела, а второе без крепкой привычки к тому помешался в листах. Не поставляйте этого в порок мне. Я думаю и у вас это нередко случается».

На л. 3 об. приписка П. В. Великанова: «Добрый Лев Николаевич! По-сылаю Вам мой привет. П. Великанов. 12 августа».

На конверте помета рукой Л. Н. Толстого: «Отв[ечено]». Толстой ответил письмом от 12 ноября 1896 г. (см. письмо №29).

²См. письмо №27.

³В то время, Константину Николаевичу Светлицкому. В ответном письме (№29), Толстой одобрил намерение Т. М. Бондарева.

29. Л. Н. Толстой — Т. М. Бондареву¹
12 ноября 1896 г. Ясная Поляна.

12 ноября 1896.

Тимофей Михайлович,

Письмо твое я давно уже получил и прочел, и сам и своим друзьям читал и читаю «Пользу труда и вред праздности»². В этом писании сказано то же, что и в большом твоём сочинении, хотя и с другой стороны, и читать его всегда полезно. Напечатать его в России нельзя теперь. Но придет время, и все твои мысли распространятся и войдут в души людей. Моисей не видал обетованной земли, так и всем работникам на ниве Божией не бывает дано пользоваться плодами своих трудов и даже видеть их. Только бы верно знать, что то, что мы делаем, дело не наше, а дело Божие. Наше дело никогда не завершится, и конец всякому нашему делу — смерть, одно дело Божие не переставая делается, и растет, и совершается, и нет ему конца. От того-то и радостно быть участником в нем. И я думаю, что то дело, которое ты делал, разъясняя людям закон труда и грех тунеядства, есть дело Божие. И потому ты можешь быть спокоен и радоваться, что дело твое не пропадет. Если и не при твоей жизни, то после смерти твоей помянут тебя и будут повторять твои мысли и слова. Твое намерение написать и подать Иркутскому губернатору я одобряю³. Как неправедного судью доняли просьбы вдовы, так и их надо донимать, повторяя одно и то же. Дело, которым ты занят, дело большой важности, но есть другое дело еще большей важности — тот корень, на кот[ором] выросло то зло похищения земли и праздности, с кот[орым] ты борешься, — зло это солдатство — то, что те самые люди, которых обобрали, поступают в солдаты и, под предлогом защиты отечества от врагов, защищают самих тех правителей, кот[орые] отобрали у них землю и отбирают их труд. Вот это дело занимает меня и мучает. Начинают люди понимать этот обман и отказываться от солдатства, когда их вербуют, и вот правительства, видя в этих отказах свою беду, страшно мучают этих людей. Такие отказы происходят теперь везде: и в Австрии — там каждый год отказываются десятки и сотни людей из славян и венгров,

по вере христиан, называемых назаренами, и их держат в тюрьмах по 10 лет; недавно отказался такой один человек в Голландии (посылаю об нем статью) и его посадили в тюрьму. Но самое страшное то, что делается у нас на Кавказе⁴. Там более 200 человек сидят по тюрьмам за отказ служить, 30 человек сидят в дисциплинарн[ом] батальоне. Одного засекали на смерть и семьи их выслали из места жительства и разорили, и они, более 2000 душ, бедствуют и мрут по татарским деревням, куда их выслали. Еще два человека: *Ольховик* и *Сергея*, харьковские крестьяне, за отказ от солдатства сидят теперь в Иркутском дисциплинарном батальоне. Идет *борьба* между слабыми десятками людей и миллионами сильных; но на стороне слабых Бог, и потому знаю, что они победят. А все-таки страшно и больно за них и за то, что страдают они, а не я. Затем прощай.

Братски целую тебя.

Лев Толстой.

Посылаю тоже статью про духоборов⁵.

---

¹Письмо опубликовано в ПСС, Т. 69, С. 203-204.

²Ответ на письмо Бондарева от 12 августа 1896 г. (а не от «23 августа 1896 г.», как указано в ПСС, Т. 69, С. 204). Рукопись «Полезьа труда и вред праздности» была приложена к письму Л. Н. Толстому от 12 августа 1896 г. (см. письмо №28).

³См. прим. 3, письмо №28.

⁴Толстой имеет в виду страдания духоборов. Когда в 1887 г. на Кавказе была введена воинская повинность, они в силу своих миролюбивых принципов отказались принести присягу на верность царю Александру III. Напряжение достигло своей кульминации в 1895 г., что вылилось в массовые демонстрации и сжигание огнестрельного оружия в трех различных районах Кавказа. Все это, как и следовало ожидать, вызвало ожесточение надзора, телесные наказания, заключение в тюрьму.

⁵Скорее всего, статью П. И. Бирюкова: «Гонение на христиан в России в 1895 г.» с послесловием Л. Н. Толстого, изд. в Женеве в 1896 г.

30. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому¹
 28 декабря 1896 г. г. Иудино.

Лев Николаевич.

Доношу до сведения твоего², что посланное тобою ко мне письмо 12 Ноября, а я имел великое счастье получить его 2 Декаб[ря] 96 года. Книгу моего сочинения на франц[узском] языке, посланную тобою ко мне, я получил.

Как я сильно жалею о том, что сладко да красно и извито говорить не умею, потому не знаю и не знаю, откуда и как начать, где и как кончить за признательность твою ко мне.

Прошу и умоляю тебя, Л. Н., скажи ты мне откровенно, за что ты меня столько пламенно уважаешь? Ведь я пред тобою, известным всему свету человеком, нуль без единицы. Многие нешутейные шишки желали бы иметь с Толст[ым] письменное знакомство, но не тут-то было. Т[олстой] говорит: убирайтесь от меня, и отвечает им на их признательность крепким молчанием. А меня за что ты уважаешь? Даже и портрет мой показывает меня со всех 4-х сторон, сверху и снизу, изнутри и извне, что я по будням заношен, да, впрочем, и твой портрет никакой пышности не представляет, а показывает тебя в великих трудах изнуренного челов[ека], одна рука за поясом, рубаха посконная, холщовая, на голове и на бороде волосы в беспорядке и несколько сгорблен. Что я говорил в особой от людей комнате ночью заочно с тобою, смотревши на твой портрет, мне кажется, что эти мои слова прозвучали по всему шару земному и прогремели по всему кругу небесному.

Собирай, Л. Н., рассеянные свои мысли по светским суетам и советуйся с ними, какие ответы давать мне на следующие мои вопросы.

Вопрос 1. В Евангелии где-то сказано: Видех сатану как молнию свержена с неба. Почему же так? Бог свою хату очистил от этой заразы, а в нашу хату согнал, да тут и оставил, и небесные жители теперь ходят по кругу небесному, руки заложивши в карманы, припевают да присвистывают — никаких соблазнов там нету. 2. Если бы мы все были настолько умны, как все белоручки, чего бы мы тогда ели? Умный человек согласится, лучше голодную смертью умереть, нежели ему одну соломинку

хлебную в руки взять, чего бы мы тогда ели? 3. Мне кажется, что евреи невинные в распятии Христовом, потому что так Богом положено прежде век и свет, в какое время, на каком месте, какую смертью и от каких людей ему умереть. Если бы Бог определил, чтобы он от наших с тобою рук умер, в силах ли бы мы были миновать это Его постановление. Если это все по постановлению, то ныне они не принимают Х[риста] по определению. 4. Если бы евреи приняли Христа, тогда все пророчества о нем остались бы во лжи, потому что Он не пострадал и не умер, не воскрес и не вознесся, и никакого православия не было бы на свете. 5. Если Бог на всяком месте, а дьявол где? Где его место жительства? 6. Всякий человек работает Богу с корыстной целью, чтобы Ему дать мало, а от Него получить много, а такая работа не во спасение, а в великий грех, а ты, Л. Н., что скажешь на это? 7. Почему в Ветхом и в Новом завете все жида и даже сам Бог, это Христос, жид, а с других народов ни одного нету? Почему это так? 8. О Боге свидетельствуют небо и земля, что Он есть, а о Христовом Божестве какое доказательство есть, кроме чернила и бумаги, которое есть дело рук человеческих? Это есть вопрос нешутейный. 9. Много видно в С[вященном] П[исании] таких людей, но я укажу хотя на двух: жена Лотова и Иоза за один маленький и ничтожный грех умерли. Спрашивается, почему же за многие и великие добродетели ни один с мертвых не встал? С этого, как в зеркале, ясно видно, что грех живой, а добродетель мертва. Развяжи, Л. Н., этот Гордиев узел, стесняющий грудь мою. 10. Я поставляю тебя, Л. Н., в настоящие минуты на месте государственного совета председателем, и ты предал ко уничтожению известную тебе мою проповедь с целью, чтобы наказать меня этим, за что? 1. за то, что я низкого происхождения, 2. мужик, да к тому бывший крепостной раб, холоп, 3. недостаток красноречия и хитростей, 4. худой мой почерк, 5. какая-то неправая вера моя в Бога и так далее. За все это ты наказываешь меня уничтожением моей проповеди о трудолюбии и туеядстве. Как же ты, Г[осподин] председатель, не воображаешь того, что ты этим уничтожением наказываешь не меня, а миллионы и миллионы бедных людей, которые, услышавши все сказанное мною, в короткое время зажили бы на свете фертом припеваючи, а теперь они должны оставаться в роды и роды живыми мертвецами. Если я столько много провинился пред тобою, как выше сказано, то ты находи другие меры наказания мне, а этот твой толчок.

это уничтожение для меня нечувствительно, а миллионам бедных людей полусмертный удар.

Чем они пред тобою провинились и чего они худое тебе сделали? За что ты их так люто наказываешь? Напиши мне адрес в то место, куда оно следует. Я напишу им такое письмо. На все эти 10 вопросов с твердою надеждою жду от тебя, Л. Н., письменного ответа.

Помнится мне, будто бы я писал тебе такую статью или нет, не знаю, а если и писал, но не лишним признаю повторить ее.

При начатии важного дела или при отправлении в великую дорогу, если на первых шагах встретится несчастный случай, то знай, что не будет добра в предпринятом намерении. Этому закону вся вселенная несомненно верит.

При отправлении же в конца не имевшую дорогу человеческого рода на первом шагу встретился несчастный случай — это родился самым Богом проклятый Каин. Он первый ногою наступил на землю, первый занял владычество и старейшинство на свете (а Адам и Ева не рождены), а потом родился благочестивый Авель, которого он убил. Да не владычествовать ли ныне мысленному Каину в роды и роды и не убивать ли ему благочестивого иносказательного Авеля и до скончания века. В полном моем сочинении там ясно доказано, как процветал род проклятого Каина до самого потопа и как увянул и иссох род благословенного Сифа и как после потопа возвысился род проклятого Хама и как унизились роды благословенных Сима и Афета. Да на что я разъясняю, ведь ты видал это.

В православии 80 дней в году праздников и все в честь Христа, почему же в честь Бога ни одного дня нету? Это почему так, скажи мне на это что-нибудь.

Несосчитаемое множество у меня (да я думаю, что не менее и у тебя) врагов, которые на все возможные лады укоряют меня по поводу с тобою переписки и сочинение мое так же донельзя унижают, потому прошу и умоляю тебя, друг мой Л. Н., напиши ты всевозможную похвалу моему делу, я им швырну ею в бараньи их рожи, а как писать, в этом я тебе не наставник, только одно прошу, пиши похвалу на особом от письма листе. Нужна ли мне эта похвала? Нет, мне теперь уже 77 год[ов] от роду, если не сегодня, то завтра подрежет меня смерть своею косою.

У меня есть догадка, что я своими письмами надоел тебе, если то так, то ты напиши мне отказ или ответа не давай мне.

Хорошо мне с знатным человеком знакомство иметь, а ему со мною, с мужиком, как? Это для него унинительно.

Я думал, что ты признаешь загробную жизнь будущего века, оно нет. Я написал тебе что-то об ней и ты в ответ мне на то ни гу-гу. С этого видно, что ты не признаешь никакой жизни будущего века. Это не ладно.

Или более всех я знаю или менее всех, у нас в дер[евне] 200 дворов, а поговорить мне не с кем. Ну, словом, животные четвероногие.

Я, Л. Н., осмеливаюсь не вражески, а дружески попенять тебе. По семисот страниц печатаешь ты книги, сколько там нужно пером исписать бумаги, топу? Нет, мало, а мне пишешь вот сколько, один маленький почтовый лист и все. А почему? Это загадка для меня не ладная. В таком случае или откажи мне писать или замолчи, чтобы и я замолчал.

К нам в Сибирь провели железную дорогу, и машина ходит до Красноярска, могла она идти и до Иркутска еще 800 верст, но чрез Енисей моста еще не сделали, а как его будут делать — это загадка нешутейная, река ужасно большая, глубокая и каменная и притом быстрая. Как тут сделать мост? Это задача немаловажная. Пойдут весною кригы, это большие и толстые льдины, что с ними делать?

Сего дня получил ты это письмо, а завтра ответ пиши или никогда не пиши. Не получивши ответа на это, я не буду тебе писать.

Прощай, друг мой Лев Николаевич, желаю тебе всего на свете лучшего, пожелай и ты мне того же. Остаюсь здоров,

Т. Бондарев.

28 Декаб[ря] 96 г.

---

¹На конверте помета Толстого: «Б[ез] О[твета]».

²В своем письме к Т. М. Бондареву от 25 августа 1895 г. Толстой предложил ему перейти на «ты» (см. письмо №25).

31. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому
Начало июля 1897 г.

97 г. первые числ[а] июля¹.

Лев Николаевич,

В последних числах Декаб[ря] 96 г. отправил я тебе письмо, на которое и по это время не получаю никакого ответа, куда оно девалось или затерялось, ничего не знаю².

Книгу моего сочинения на французском языке, посланную тобою, я получил. Не знаю и не знаю, откуда и как начать, где и как кончить отдавать тебе, Лев Н., благодарность за твою ко мне признательность, ведь я пред тобою ни больше ни меньше, и один только нуль без единицы. Многие нешутейные шишки желали бы иметь с тобою близкое знакомство, нет, не тут-то было. Л. Н. если не говорит, то только думает так: убирайся от меня к черту, шарлатан. Если я чего-то там написал, сочинил, то что это сочинение в сравнении с хорошими писателями — тысяча вторая ночь. Теперь пойдут вопросы и притом нешутейные.

1. В Евангелии где-то сказано: Видех сатана, как молния свержена с неба. И Милтон, сочинитель «Потерянного рая», то же говорит. Теперь спрашиваю: как же так, небесные жители свою хату очистили от этой заразы, которая там же у них и на свет родилась, а в нашу хату согнали ее да тут и оставили ее. А потом и приписывают нам тысячи заповедей да законов, как устоять против этой заразы. Если несомненно верить Писанию, то это дело худое — свою хату очистить от змиев, а в соседнюю их согнать да там и оставить, позволительно ли это?

2. Мне кажется, что евреи несколько не виноваты в распятии Христовом, почему? Потому что так Богом положено прежде веков и вечностей. Как для Бога нету времени ни прошедшего ни будущего, а все настоящее, то есть для нас прошли тысячи годов, а для Него они есть, для нас не прпшли тысячи годов, а для Него они уже есть, поэтому прежде век и свет Богом положено, в какое время и на каком месте, от кого и как ему родиться, от кого и как пострадать и какую смертью умереть. Если бы Бог поставил так, чтобы Он от моих и от твоих рук умер, в силах ли бы мы были миновать это Его постановление? Это

невозможно. Виноваты ли были братья Иосифовы, что продали его в Египет, если так Б[огом] положено и так далее. Бог нам не велит обиды помнить, а сам-то помнит. Нам не велит отмщать, а сам отмщает. Почему так? С этого видно, что и за нами много тех грехов, которые мы делаем по постановлению, да немало и тех добродетелей, которые мы делаем неволею, по Его определению.

3. Если бы евреи приняли Христа во объятие, тогда все пророчества о нем остались бы во лжи и никакого православия не было бы на свете.

4. Я твердо уверен в том, что нету той вещи ни на небе, ни на земле, которая бы не была в Боге, а Бог в ней, это не говоря уже о человеке. И так же нету того места, где бы не было лица Божия. А дьявола место или область где? Мне кажется, что никакого дьявола нету, а если и есть злой дух, то он таким Богом сотворен, и потому он в Боге, а Бог в нем.

5. Мы работаем чего-либо Богу с корыстной целью, чтобы Ему дать или сделать мало, а от Него получить бы много, а такая работа наша Ему не в сладость, а в огорчение, а что сделать, чтобы избавиться от этой вредной цели? У меня на это сил не хватает и разума не достает. А ты что скажешь?

6. Почему в Ветхом и в Новом зав[етах] все жиды, а с других народов ни одного нету. Тут какая-то великая тайна кроется и даже сам Бог, это Иисус, и тот жид. Разъясни мне эту тайну, если в силах. А кроме тебя, у кого я спрошу? Не у кого.

7. О Боге доказывают небо и земля, что Он есть Бог, а о Иисусове Божестве что доказывает? Писание? Это есть чернила и бумага, дело рук человеческих. А по-твоему как?

8. Мне помнится, будто бы я писал тебе это да впрочем еще спрошу. Много видно в Писании таких людей, но я укажу хотя на двух: жена Лотова и Иоза за один маленький грех, первая за то, что оглянулась назад, тут же закаменела, а 2-й за то, что подержал ковчег, который показалось ему что падает, тут же умер. Спрашиваю, почему за маленький один грех многие умерли, отчего же за многие и великие добродетели ни один с мертвых не ожил? Тут один шаг до того убеждения, что грех живой, а добродетель мертвая, грех силен, а добродетель слабая пред Богом.

9. Я поставлю тебя, Л. Н., на месте государственного совета председателем. Нет, ты выше его, о твоей добродетели вся все-ленная во все колокола звонит и можно думать, что этот звук

раздается и по всему кругу небесному. А он кто? Ему одна цена со мною. Ты теперь председатель и ты предал мою проповедь ко уничтожению с целью, чтобы наказать меня этим, за что? За то, что я не знатного рода человек, а ходатайствую о столько великом деле. Как же ты не вообразил того, что ты этим уничтожением наказал не меня, а миллионы бедных людей, чем эти люди пред тобою провинились, чего они тебе худое сделали, за что ты их столько люто наказываешь? Для меня это уничтожение едва слышный толчок, а для них полусмертный удар. Если я пред тобою виноват, то ты ищи другие меры наказания мне. Со всего сказанного мною, как в зеркале, ясно видно, что вы все там только под видом на языке признаете Б[ога] для соблюдения своего высокого достоинства, на деле никакого Б[ога] для вас нету. Как говорится, слышу, слышу голос Иаковлев, а осязаю, осязаю руки Исавовы.

10. На каком основании и с каким расчетом ты, Г[осподин] председатель, от того человека, который тебя хлебом кормит и от голодной смерти спасает, и ты в благодарность ему за то от него плодородную землю отобрал, а лодырю, дармоеду отдал? Я заранее знаю ответ твой на это, что оправдася Фамарь паче меня.

11. Какие Бог сотворил чудеса на небе и на земле, это мы глазами видим, ушами слышим и руками осязаем, значит, верно и верно тут никакого обмана или тумана нету, а верно и верно. Какие чудеса делали святые отцы Ветхого и Нового заветов, где они? Да пусть это люди, Христос есть истинный Бог, а где Его чудеса? Это есть вопрос.

12. От создания мира (а было ли начало мира? Нет. И будет ли конец? Нет) несосчитаемые миллионы было бедных людей хлебоделцев. Почему с них ни одного во святых нету, а если и есть, то только те, которые как-либо от этой работы скрылся и за какой-нибудь угол от нее схоронился, тогда вышел во святые отцы, почему так? Тут один шаг до отчаяния, только за тем дело, что люди не вообраз[ят] этого.

13. Я в предыдущем письме говорил тебе, что надобно нам прекратить переписку, а ты тому и рад, вот уже 6 месяцев молчишь. Нет, не прекращай, я и без того скоро-скоро замолчу на непроходимые веки, да и ты далеко от меня не отстанешь. Вот тогда и прекратим переписку, я не буду докучать тебе, а ты не будешь служить мне, а теперь на все эти 13 вопросов отвечай, чего я в конце Августа буду с жадностью ждать. За все я тебя,

Л. Н., уважаю, как это выше сказано, а за одно не хвалю, за что? За то, что ты не чаешь жизни будущего века. Я об этом ни от кого не слыхал и ты мне не писал, а в одном твоём письме намек об этом заметил. Уничтожение души нужно начинать с головы, а не с хвоста, то есть прежде нужно уничтожить бытие Б[ожие] да тогда уничтожится и жизнь будущего века. Прощай, Л. Ник., до свид[ания], в будущем веке увидимся.

Т. Бондарев.

Нет ли у вас каких новых интересных слухов, напиши мне. Как ты думаешь, отдастся земля людям или вечно ей быть у помещиков да у купцов?

К нам прошла железная дорога. Енисей ужасно широкая и глубокая и притом каменистая река. Через него делают мост. По слухам пойдет эта дорога на Владивосток от нас пять тысяч верст на летний заход солнца.

Человек близу 35 год[ов] от роду и при нем сын его же год[ов] 13, Черниговской губер[нии], это Павел Васильевич Великанов; у него на голове волосов нету, в лице белый. Он жил в нашей дер[евне] 8 месяцев учителем. В первых числах Мая уехал от нас. 28 Июня прислал мне коротенькое письмо, что он теперь находится в Москве, но места еще не имеет, а когда определяюсь к месту, говорит он в письме, тогда напишу тебе, то есть мне, подробное письмо. Если будет случай видеться вам с ним, то признай его, Л. Н., лучшего и лучшего достоинства человеком и прими его в крепкое объятие сердца своего. Какие же его добродетели? Он человек пожитками бедный, но честным и просвещенным разумом миллионер, чего подробно описывать здесь не место. Мне кажется, он уже был у тебя. Мы с ним столько были близки друг к другу, как в двух телегах одно сердце, одна душа. Я для него каким показался, не знаю, а он для меня таким, как выше сказано. У нас есть знатненькие, это богатенькие люди, а чего он у них увидал? Спроси у него, он тебе скажет: жаркую, сухую и безводную пустыню.

Теперь я имею у себя два друга, Толстой и Великанов, а кто с них впереди и сзади, скоро-скоро узнаю, тогда скажу.

¹Это авторская дата. На конверте помета Л. Н. Толстого: «Б[ез] О[твета]».

²Т. М. Бондарев, вероятно, считал письмо, отправленное Толстому 28 декабря 1896 г. (см. письмо №30), затерянным, поэтому в данном письме он фактически повторяет те же вопросы.

32. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому¹

23 ноября 1897 г., п. шт.

Лев Николаевич,

В первых числах Июля сего года отправил я тебе письмо, на которое и по это время не получил ответа, где-то затерялось. Я прежде представлял себе так: хоть что я тебе своими письмами надоел и надоскучил тебе, а теперь представил иное и вообразил так. Если бы мы жили близко один к другому и два раза в год по полчаса время поговорили бы о чем-либо, да неужели бы мы тем надоели бы друг другу? Нет, нам такое редкое свидание было бы в великую приятность, да не то же можно вывести и из писем наших?

Я спрашивал у тебя, Л. Н., кто назвал православную веру православною, и ты ответил мне на это законно и дельно, за что искренне благодарю тебя. Я с этого слова твоего как в зеркале ясно увидел дно сердца твоего.

Насколько, Л. Н., не худые мои идеи жизни, а твои много хуже моих, чем? Вот чем: хорошо если ты признаешь икону за великую святыню, поклоняешься ей и чувствуешь ее от всего сердца, это хорошо для тебя. А если да гнушаешься ею, тут что? Ее написал какой-то шарлатан, негодяй, пьяница, изверг, а ты должен ей все божеские почести отдавать, поклоняться ей и целовать ее. Какую тут песню тебе запоет твоя совесть? Это вопрос! А она, говорят писатели, какая-то юродивая Агахья, от ней красноречием да хитростью не избавишься, у ней на все то один ответ: ага да ах!

Так же и Иисуса сына Мариина, если признаешь Его выше Бога, как сказано: восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца, то есть выше Бога достоинством, и еще: Отец никому судит, а весь суд даде сынове, а сам Он по случаю дряхлой старости не причем.

Если ты в такой уверенности, то это хорошо, тут совесть у тебя покойна. А если да представляешь Бога, как все великие умы представляют Его, духом беспредельным, не говоря уже о человеческом разуме и для Ангельского ума непостижимым, а под видом лицемерно должен так, как это выше сказано. 70 дней в году праздников и все они в честь Иисуса и в честь

икон, а в честь Бога ни одного дня и ни одного часа нету. Праздник, он ничего не значит, а расположительность сердца — это много значит.

За прочими именитыми людьми люди сл[ед]ят и нет, а на Толстова все вытарасили глаза, что он, как он, признает ли нашу святыню за святыню.

А что будешь делать? Как избежать этого лицемерства? На это никаких мер нету. Неизбежно нужно показывать себя ревностным поклонником иконе и прочее.

Если я отказался от всех этих дрязг, то тут нет ничего — только не перевезли меня на казенных подводах с одного места на другое, с худшего на лучшее, я и живу тут фертом припеваючи. А ну-ка откажись ты тут, то что? Тебя запрут в умалишенный дом и притом в секретную, на ржаной хлеб да на воду. А всему свету дадут знать, что Толстой умом рехнулся, и притом имя твое исчезнет и память о тебе изгладится с лица всей земли. В таком случае хотя лицемерно, а поклоняйся и чествуй все и вся. Прошу и умоляю, прошу и умоляю я тебя, Л. Никол., не поставь ты мне этого в порок и в позор чего. Я кто в сравнении с тобою? Нуль без единицы, а при такой ничтожности осмелился делать тебе советы и давать направление.

За все я тебя, Л. Н., хвалю, ублажаю и превозношу, за одно не хвалю, за что? За то, что ты не признаешь загробной жизни будущего века, это я заметил в одном твоём письме. Это твоё убеждение я сильно не одобряю, мне кажется, что уничтожение души нужно начинать с головы, а не с хвоста, то есть нужно прежде сказать, что Бога нету, да тогда сказать, что и жизни будущего века не будет.

У нас 8 месяцев жил Павел Васильевич Великанов, Нижегородской губернии. Он белый, на голове волос не нету, приблизительно 35 год[ов] ему, при нем сын его годов 13-ти. Занимался он обучением детей грамоте, и квартира у него была против моего дома чрез улицу, и он всякий день один раз, а иногда и два раза, приходил ко мне. Наши все знатненькие люди ему сильно не понравились, а во мне что он увидал хорошее или худое, не знаю. Он когда уезжал от нас, то сказывал, что все возможные меры потребую, чтобы лично с Толстовым увидеться.

Если вы виделись с ним и что он сказывал тебе обо мне хорошее или худое, ты без сомнения верь ему. Он лучшего и лучшего достоинства человек, врать не будет. Чего он тебе говорил обо мне, напиши мне. Я обижаться не буду, если и ху-

дое сказывал обо мне, потому что все то чистая правда. Он в последних числах Августа присылал письмо коротенькое и говорит, что находится в Москве, а места еще не нашел, а когда определюсь на место, тогда напишу пространное письмо. Но и по это время ничего нету. Если знаешь, где он, то прошу тебя, Л. Н., напиши ему то, чего я об нем здесь сказываю, и искренним заочно пожатием руки его передай ему от меня поклон. У меня есть один сын, что тебе сказывал об нем Великанов? Если хорошее, то напиши мне буквально. Если же худое, то поставь только одно многоточие, я с этого буду разуместь худое. Он сельским писарем, ему первому попадетя письмо и он его прочитает и уничтожит.

Есть некто И. М. Черняев, садовник, он с Вами лично знаком, он просил меня письмом, чтобы я описал ему сибирскую жизнь, но я к несчастью затерял его письмо, а не зная адреса, куда будешь писать? Он теперь на меня крайне обижается, прошу тебя, Л. Н., переска[жи] или напиши ему этот мой случай, я крепко болю об этом сердцем. Он говорит, что мне житья нету от попов.

Я вот сколько живу на свете, и все узнавал, все узнавал и все узнавал и узнал и верно узнал, чего же я узнал? Я узнал то, что я ничего не знаю, это я не иносказательно говорю, а буквально, что я ничего не знаю. 40 годов тому назад тогда я все знал, никакого недостатка за собою не видал, а теперь остался ни с чем и не причем. И поэтому-то как алчущий хлеба и как жаждущий воды, с таким желанием жду я смерти, а она что-то медлит.

Скажи мне, прошу и умоляю тебя, Лев Н., скажи мне, почему запретили проповедь мою печата[ть] в Россее? Если она вредная в Россее, то должна быть вредная и за границею, а тут что же: там полезная, а в Россее вредная? Почему это? Мне кажется это потому, что если бы православный написал ее, тогда бы ее подняли выше облак и развили бы ее на тысяче листах. Но как написал ее отступивший от православной веры, потому и запретили. А ты что скажешь? Я слышал стороною, что ее из-за границы запретили выписывать, это верно или нет?

Человек всегда работает Богу с корыстною целью, чтобы Ему дать мало, а от Него получить бы много, а такая работа не во спасение, а в великий грех. А что делать, как избегнуть этой цели, я с своей стороны никаких мер не нахожу, а ты что скажешь? И еще то же: человек всегда льстит пред Богом,

только под гнетом страха ползает пред Ним на коленях, а любви к Нему не чувствует.

Для человека это невозможное, но у Бога нету невозможного. Если собрать у человека, дожившего до старости, все худые дела, слова и помышления и положить на одну чашу весов, а на другую чашу добрые дела, слова и мысли, как думаешь, Л. Н., куда будет перевес? Ты что скажешь, не знаю. Я в твердой уверенности остаюсь, что на сторону добра, да еще с той чаши нужно сложить часть по случаю его недоумений и часть по врожденной его неспособности к добру, и часть по соблазнам света сего, пред которыми он не мог устоять непоколебимо, а остальная небольшая частичка с худых его дел покроется бесконечным Его милосердием. По всему сказанному здесь весь род человеческий примется Богом во объятие, а ты что скажешь?

Как так, Л. Н., несосчитаемые миллионы людей были прежде нас, и теперь вселенная вся полна людей. Почему ни одному человеку не далась мысль сделать сказанному первородному закону развитие? А далось в подножие заброшенному человеку, рабу помещицкому, холопу да к тому и отступившему от православной веры. Тут какая-то великая и великая тайна кроется, к которой я своим недалеким умом и приблизиться не могу. Так же и то, что запретили печатать, и это не по слепому случаю. Бог нам запрещает помнить обиду, и даже солнце да не зайдет во гнев ваш, а сам помнит в непроходимые веки. Нам не велит отмщать, а сам отмщает. Почему так? Это есть вопрос.

Если бы ты или другой кто-либо написал мне все то, чего у меня здесь писано, я бы все умные свои силы потребил, чтобы на всякий его вопрос по силе своего ума дать ответ. Мой же Л. Н. как скупое мне отвечает, я на это много сетую на него. У нас есть некто Федянин, его Великанов знает, высшей степени пустоболт. Он твердо уверял меня, что твой Толстой теперь спровержен и к кругу негодяев причислен. За что? — спрашиваю я. За то, что он с заброшенным в подножие человеком, это с Бондаревым, ведет переписку. И многие знатненькие люди то же утверждают. Но я на все это отвечаю им одним только горьким молчанием, никакого виду оскорбления не подаю.

Как тебе, Л. Н., за смыслом в карман руки не опущать, потому именем Бога прошу и умоляю тебя, напиши ты мне письмо такое, которым можно было бы едко ширнуть в безумные их рожи и связать бы коварные языки их немотою.

Мне теперь на 8-й десяток 7 год[ов] да и от природы я телосложением слаб, потому силы у меня крайне истощились, я ничем не болен, а едва-едва хожу, в еде никакой приятности я не чувствую, все на свете для меня немило и все постыло, да и я, мне кажется, для всего немил и постыл. Тут ясно видно, что я на один шаг от гроба, потому я написал тебе письмо, заклеил и марку приложил и приказал, чтобы скоро и в то же время после смерти моей отправили его к тебе, чего я писал, в том письме тогда узнаешь.

С крепким заочно пожатием руки твоей, Л. Н., с низким поклоном и с пламенным поцелуем в сладко кипящие и медоточивые уста твои произношу: прощай, прощай, прощай, единственный во всем мире друг мой! Прощай, прощай, первая и последняя отрада сердца моего. Прощай, до последнего свидания. Я твердо надеюсь и крепко уповаю, что в загробном веке мы увидимся.

Бог свидетель между мною и тобою, Л. Н., что не на одном только черниле и бумаге, а пламенно любящий тебя

Т. Бондарев.

Вот столько (развел руки широко) великая благодарность тебе, Л. Н., за Азбуку, которую ты составил для обучения детей. А за то, что ты показал себя на портрете по будням заношен[ным] и в трудах погруженным мужиком, тут не то что моего крошечного разума, и Ангельского ума не достанет, какую благодарность тебе отдать, отдать тебе.

---

¹На конверте помета рукой Л. Н. Толстого: «От[вечено]». Ответное письмо Л. Н. Толстого неизвестно.

33. Т. М. Бондарев — Л. Н. Толстому¹
15 августа 1898 г.

15 августа 98 год².

Лев Николаевич,

Много интересное письмо писал я тебе в начале Июля 97 года, на которое ответа не было и нету, а почему нету? Этот вопрос остается без ответа.

Ту книгу моего сочинения, которую прислал ты мне печатанную на французском языке, теперь перевели ее на русский язык пером³, и что же я там увидал? О, сколько много там не наилучшие, а наихудшие измены и какая темнота да запутанность. Я думал пользу принести как нынешнему всему миру, также и всем будущим родам, а оно вышло все противное тому и наоборот.

Именем Бога правды прошу и умоляю тебя, Л. Н., подай ты с своей стороны возможную для тебя помощь мне, в этой бездне зол утопающему. Какую же помощь? Вот она.

У меня есть эта же рукопись в сравнении с тою, которая у тебя была, вдвое сокращена и многими лучшими сказаниями добавленная.

У меня есть великое желание отослать ее к тебе, чтобы ты представил ее в ту редакцию, то есть за границу, где эта книга печатана. Вот в чем все моление и прошение мое состоит к тебе.

Я и сам отослал бы ее туда, но причина состоит в том, 1) что я адреса не знаю, а второе более то, что как твое доброе имя, Л. Н., пролетело оно по всему шару земному, с этого как в зеркале ясно видно, что прогремело оно и по всему кругу небесному, поэтому они, это за границу, беспрекословно сделают все то, чего ты им напишешь, это верно и верно.

Итак, Л. Н., сегодня получил ты это письмо, а завтра пиши ответ мне, то есть отошлешь мою рукопись за границу или нет.

Я в половине октября с несомненной надеждой буду ждать от тебя ответа.

Много есть на примете кое-чего интересного сказать тебе, Л. Н., но в столько великом расстройстве духа, перо валится с руки. Остаюсь здоров, чего и тебе, Л. Н., от всей души желаю.

Т. Бондар[ев].

Еще раз повторяю вышесказанное: сегодня получил это письмо, а завтра пиши на это ответ.

---

¹На конверте помета рукой Л. Н. Толстого «От[вечено]».

²Авторская дата.

³См. прим. 11, письмо №20. Т. М. Бондарев, ознакомившись со своей книгой, изданной во Франции в обратном переводе (т. е. с французского) горько жаловался Д. П. Маковицкому (личному врачу Л. Н. Толстого) о неточностях французского издания. Сокращенный перевод с французского был сделан В. И. Кузьминым (впоследствии писавшим под именем В. А. Сагайского). См. А. П. Косованов, «Тимофей Бондарев и Лев Толстой», С. 31.

34. Л. Н. Толстой — Т. М. Бондареву¹

11 сентября 1898 г. Ясная Поляна.

Тимофей Михайлович,

Напрасно ты думаешь, что книга твоя переводом испорчена. Вероятно, тебе дурно ее перевели. В ней переведено все самое существенное, и если что пропущено, то только то, что могло не привлечь, а оттолкнуть читателя.

Переведена же она на французский язык прекрасно и читается очень хорошо.

Вновь печатать и добавлять ее не станут, да и незачем. В том виде, в каком она есть, книга делает и сделает свое дело, т. е. распространит между людьми сознание их греха и укажет им средства его искупить. —

От души желаю тебе душевного спокойствия и в жизни и в встрече близко уже предстоящей нам смерти, т. е. уничтожения нашего тела и перехода нашего духа в другое состояние.

Любящий тебя брат

Лев Толстой.

11 сент. 98

---

¹Письмо опубликовано в ПСС, Т. 71, С. 438. Помета Бондарева на автографе: «Получено 27 сентября 98 год». Подтверждая получение письма, сын Т. М. Бондарева сообщил Толстому, что его отец скончался 3 ноября того же года.

ПРИЛОЖЕНИЕ

.

И. Т. М. Бондарев — Г. И. Успенскому¹
 1891-1892 гг. [?], г. Иудино.

Глеб Иванович,

Я, известный Вам сочинитель «Трудолюбия и тунеядства», Бондарев доношу до сведения Вашего следующее.

Полное мое помянутое сочинение написано мною на 200 не обрезных листах. 415 стат[ей]. Я намерен был представить его Министру Прошений, на Высочайшее имя приносимых. Потом случайно попало мне сочинение Ваше 1889 года в двух томах, том 2-ой, страница 814 «Трудами рук своих». Там напечатана маленькая частичка моих статей. Потому я отменил намерение подавать помянутому Министру, а отправил к Вам для напечатания. Но и не по почте, а в руках, с Вашим петербургским жителем Бубновским, социалистом, который знает Вас лично и отправился он с Минусинска 17 июля сего года. Где он живет в Петербурге, адреса я от него не взял и как жалею о том. В приказе сказано пожить ему на родине один месяц, а потом какое распоряжение будет неизвестно. Мне кажется, Вам легко можно найти его там.

Покорнейше прошу Вас, Глеб Иванович, напечатайте слово в слово мое предисловие, тогда вся вселенная узанет, что это все писано крестьянином, да и вот каким мучеником, а не белоручкой в роскошь погруженным. Попишу и примут его с жадностью, в уважении. Так же и все мое произведение пишите слово в слово, с прибавлением своего пояснения, но без отнятия моего сказания. Пусть цензура захерит что-то, а Вы тогда будете правы пред Богом и пред всею вселенной. Так же и предо мной. Если будете добавлять от себя что-либо, то не завивайте, да не закручивайте слова, а говорите как люди говорят.

Я как увидел в помянутом Вашем сочинении, что Вы из маленького того отрывочка от моей рукописи напечатали только 10-ю часть, а 9 прошли молчанием, тут-то я вздохнул пред Богом тяжко и произнес горькую жалобу на этот неправосудный и лицемерный белый свет. Из многих статей я укажу хоть на одну. О маленьком жернове сколько полезная статья, а Вы и

ту прошли молчанием. Просил и прошу, паки и паки прошу не проходите ничего, а если нестерпимо вредное, то по своему усмотрению смягчайте его. При том почаще напоминайте, что не Россия причиною в прикрытии от людей первородного закона, а что причина — порождение государства, т. к. Вам это уже известно. Это слово в великое оправдание послужит нашему правительству.

Я в приложенном к делу письме просил Вас прислать мне подлинник, а теперь отменяю слово подлинник, а пришлите мне копию. Только копию пишите четко, чтобы всякий малограмотный без запинания мог читать. А подлинник оставьте при себе, потому что с копией никто Вам не поверит, что это писал крестьянин, а скажут, что сами от себя выражали хулу на правительство. И можно думать, что они к Вам привяжутся за это, а ко мне привязаться прав не имеют. Приложенный к этому листок подшить к подходящей речи в 60-й статье, где говорится о труде и любви.

Скажем пример тому: Уничтожить во всем свете правительственную власть (так), хотя года на три, так что убил, украл, ограбил, сжог и т. д. и никакого взыска и спроса нету, и быть не может, потому что никто не имеет власти.

Тогда вселенная сделается адом. При всем этом в силах ли без правительства одна проповедуемая любовь, так же учение Христа и пример жития, страдания и смерти его, удержать людей в мире и в согласии? Нет, они тогда и не подумают о Христе, так же о проповедуемой любви, а через три года истребится весь мир на свете. Останутся два человека и те один другого убьют, а остальной сам собою погибнет или лютый зверь растерзает его.

Среди самого разгара помянутого убийства, власти не поставляй, а только напечатай силу сказанного закона так, как он у меня написан, с приложением, но без отнятия и доведя это до сведения всякого человека. Верно и верно и еще верно говорю Вам, читатели, что в тот же день, как только услышат все это, возвратится весь мир на прежнее, да еще и на большее благочестие. Затем, что этот закон при создании мира, кроме всякого человека, самим Богом дан. А прочие и прочие разные законы, кроме всякого Бога, самим человеком написаны.

Эту истину мою подтверждает слово Божие «Добро есть» и еще «совершилось небо и земля». С этих Божественных слов

видно, что тут есть какая-то таинственная жизнь, невольно влекущая всякого человека к любви, миру и согласию. Да если бы и писания на свете не было, то с естественного закона видно, что хлеб своих трудов добро есть, а чужих трудов хлеб без уважительных причин зло есть.

Я знаю, что никто из Вас, читатели, не поверит всему сказанному мною. А почему не поверит? Потому что никто и никогда из Вас не трудился, да и впредь трудиться не намерен в честь помянутого закона.

При создании мира поставлял Бог правительство? Так как это важнейшая в свете вещь, как это мы выше видали? Нет, не поставлял и даже намека на это не сделал. А почему не поставил, если без этого жить нельзя? Потому что он знал, что при разъяснении этого закона всякий человек сам себе власть. Все движущееся на суше, в водах живут дружелюбно без правительства, а если и убивают один другого – то инородные, только один человек не может жить свободно без власти. А почему тут одна и та же язва, что от животных никто не скрывал при создании мира данного им закона, а от человека скрыли? А кто и для чего скрыл? Это уже известно Вам, читатели, не повторять же одно и то же сто раз, кто и для чего скрыл его.

Теперь опять к прежде реченому возвращаюсь.

Адрес мой. Енисейской губернии, Минусинского округа, Бейской волости, дер. Иудино.

Т. Бондарев

---

¹ Печатается впервые. Копия хранится в: ИРЛИ, Архив Г. И. Успенского, Ф. 313, оп. 3, №35. Ответные письма Г. И. Успенского не обнаружены.

2. Т. М. Бондарев – Г. И. Успенскому¹ 1892-1893 гг. [?], г. Иудино.

Глеб Иванович.

Я, Бондарев, трудолюбия и тунеядства автор, имел цель приложенное к этому свое сочинение представить министру прошений на высочайшее имя приносимых, для чего в половине Июня сего года приехал в город Минусинск, который от места моего жительства 170 верст. Тут нечаянно, это, случайно, увидел я книгу Вашего сочинения в двух томах 1889 года том второй статья: «Трудами рук своих», которая почерпнута с моего помянутого сочинения. По прочтении сказанной статьи я отменил свою цель подавать помянутому министру, а признал более благонадежным представить Вам, Глеб Иванович, для напечатания. И при этом покорнейше прошу Вас, возьмите Вы с моей этой рукописи верную копию, а подлинник скоро и немедленно пришлите мне обратно.

Когда будете писать для печати (таким целиком как оно у меня написано печатать нельзя, тут будут встречаться статьи нестерпимо едкие, то прошу не проходите их молчанием, а пишите все, только по своему усмотрению смягчите их. Поэтому никому стороннему не поручайте переписывать его, а пишите сами, а напечатавши пришлите мне хотя книги три.

А если оно будет напечатано, то на что же тебе подлинник, так подумает мой Глеб Иванович. Это для того, отвечаю я, что как я Бондарев твердо верю в загробную жизнь будущего века, потому напишу со всевозможным выражением на великое правительство света сего жалобу, это прошение*. (Берегитесь, Г. И., чтобы и Вы не попали в эту жалобу, потребляйте все возможные меры обнародовать это) – к царю царям и Богу богам и к творцу неба и земли, и приложу к нему узаконенные марки; а потом прикажу сыну своему Даниилу так: когда я умру, то вложи мне этот подлинник с прошением и все черновые бумаги этого же содержания (которые у меня хранятся) в правую мою руку, с ними и погреби меня на непроходимые веки. Вот для чего мне нужен этот подлинник, а мне уже 71 год.

Мне многие в Минусинские советовали представить это в

цензурный комитет, а я признал лучшим представить его Успенскому, он лучше всех нас знает это дело: нужно его представить туда или не нужно. Если представите его в сказанное место, тогда подлинник уже не возвратят оттуда, то прошу Вас пришлите мне с него копию, для вышепомянутой надобности.

Кто чем болен, он всегда повторяет о своей болезни, так и я, выше говорил и еще говорю.

Что нам делать, Глеб Иванович, и как поступить? Писать для печати целиком, как оно у меня написано, нету на то никакой возможности затем, что никакая цензура не пропустит, а начни перескакивать, смягчать, да эту истину, которая светлей самого солнца, мутить, тогда половина и более потеряется убеждения к труду. Что же нам делать? Еще повторяю спрашивать сам у себя. Решение этого вопроса я оставляю на произвол Вашего усмотрения, Глеб Иванович.

Не можно ли будет напечатать, кроме всяких посторонних сказаний и повестей, по этому делу одну книгу, под заглавием «Трудолюбие и тунеядство». Тогда одно только сказанное заглавие возбудит во всякого человека желание знать то и другое. Тогда многие и многие тысячи этих книг наперехват будут люди брать. А если напечатаете это в журналах среди посторонних повестей, в дорогих книгах, тогда вечно никто этого знать не будет.

Представленная Вам прежняя моя рукопись, она была писана только на 10-ти листах, а Вы с нее напечатали только пятую долю, а остальное не приняли во уважение; а почему не приняли на это никакой догадки определить я не могу. Избавь Бог и теперь со всего этого напечатаете такую же маленькую частицу, тогда Вы заставите меня по гроб жизни моей сетовать. Может статься, Вы потому не напечатали что, они очень жестки, нет, в 84 году с этой же, т. е. с маленькой моей рукописи, напечатано было в «Сибирской газете» три столбца², и были те статьи, которые Вы прошли молчанием. Если и теперь будете также сокращать, тогда вышепомянутая жалоба должна во первых на Вас устремиться, а я там именовать людей не буду, потому что сказанный судия и сам более меня знает, кто и что тому причиною.

В моей рукописи сказано: слышу голос Иаковлев, осязаю руки Исавовы. Так и в Библии сказано, а напечатано, слышу голос Иакова, осязаю Исава. Во втором томе, столбец 831 сверху, там же: снизу, у меня написан[о] так: если бы тебе сказал

Бог, возьми в сто пудов камень и носи, ты бы сказал, не могу, потому что Ты мне (крыльев) столько силы не дал. И еще летай по воздуху как птица, а ты имеешь право сказать Богу: не могу, Ты мне крыльев не дал, это оправдание уважительное; а хлеб почему не можешь работать? так у меня сказано, а в печати посмотрите, как это место суродовано, да и чуть не на всяком шагу встретишь таую же темноту и порчи.

У меня есть на все сказанное догадка такая, что Вы, Глеб Иванович, поручили писать для печати какому-нибудь постороннему лицу, а в Петербурге рожденному и воспитанному человеку итить по стопам деревенского мужика, ведь это унижительно для него, потому он все мои сказания и судомит, ломает, верхние на низ, а нижние наверх перевертает, а для чего? Он и сам того не знает, слышу голос Ианова, осязаю Исава. Ведь порок вся вселенная на меня автор припишет, а причину ли я тому? Выше просил и еще прошу Вас, Глеб Иванович, едкие сказания мои смягчать или молчанием пройти это я позволяю, а ломать да судомить, прошу не делать этого.

Откуда и чево Вы, Глеб Иванович, взяли назвать меня молоканом? Было ли это в моей рукописи? Не было: не иначе с какогонибудь постороннего письма. Вы много моих статей проходили, почему же не прошли того, что не моей рукою писано?

Откуда, чего и почему Успенский в своей статье назвал меня, Бондарева, молоканом? Да ведь я же никогда тем не был и не буду! [...]

Пиши, чего хочешь, выражай, что знаешь, раздирайся душою и сердцем сколько можешь, а молокан, так молокан, вся вселенная в том утвердилась, что Бондарев молокан.

Со всех четырех сторон, сверху и снизу, изнутри и извне обижаете вы меня, о да судит Бог между мною и вами. [«]Чем же мы тебя обижаем? спросят читатели? Тем, что выше было изложено».

Как только получите это тот же (час) день напишите мне простое письмо.

Адрес мой. Енисейской губернии, Минусинского округа, Бейской волости, дерев. Иудино

Тимофей Михайлов[ич] Бондарев

Если уже Вам, Глеб Иванович, только много противоречат тунеядцы, как это видно на столпце 835 Вашего сочинения, то что же можно представить, что они мне отвечают на все это?

И я также по Вашему более горьким и прискорбным молчанием спасусь от них. Лучше с камнем говорить, нежели с закоснелым человеком. О этом камне подробности Вы впоследствии сего увидите.

Я с своей стороны советую Вам, Глеб Иванович, сделать так: если только можно сделать. В какую редакцию Вы намерены будете подавать это для печати, то прежде постарайтесь втырить тому цензору в руки мой подлинник, я твердо надеюсь, что он, это подлинник его [убедит?] своею прямою истиною и он это цензор тогда пропустит напечатать, а Ваше писанье, в котором и половины того не будет (затем что всего писать Вам нельзя), оно столько сильно не подействует на него. И притом сначала не одобряйте, а несколько унижайте мое сочинение, а только признавайте его каким-то загадочным и от века на свете небывалым; он — это цензор, тогда сам будет делать Вам поощрение: пиши, пиши для печати, пиши, вот то и то пиши. И так Вы его объедете, а он и не заметит цели Вашей, а если сначала начнете одобревать, то это не в пользу, а во вред послужит нам (яйца курицу учат).

*Я с 84 года ходатайствую о печатании этой моей проповеди и никакого ответа на то не получаю. В 88 году получил ответ от помянутого министра и тот не основательный и никакого смысла не имевший. (*Помета Т. М. Бондарева*)

---

¹Письмо это было написано не позднее марта 1893 г., т. е., в то время, когда Т. М. Бондареву стала известна статья Г. И. Успенского «Трудами рук своих», напечатанная в №12 журнала «Русское богатство» за 1884 год. Печатается впервые. Копия хранится в: ИРЛИ, Архив Г. И. Успенского, Ф. 313, оп. 3, №35.

²См. статью «Деревенская философия» в: «Сибирская газета» (Томск), 1884 г., №27.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович Д. 5
 Александр II 6
 Александр III 113
- Белоконский И. П. 5
 Бирюков П. И. 10, 113
 Бондарев, Д. 136
 Бонч-Бруевич Б. 6
 Бубновский 66, 69, 71, 133
- Великанов П. В. 111, 121, 123, 125
 Венгеров С. А. 9
 Веригин П. В. 6, 7
 Волгушев И. 39
- Ге Н. Н. 10
 Гладкова Л. В. 7, 20, 93
 Горбунов-Посадов И. 39
 Грече А. А. 99
 Громова-Опульская Л. Д. 6, 9
 Гусев Н. Н. 5
- Донсков А. А. 6, 7, 8, 88
 Джордж Г. 15, 86-88, 91
- Жебунев Л. Н. 25, 29, 32, 34, 35, 40, 41
- Златовратский Н. Н. 11-13
 Зубрилин А. 15
- Коншин А. 15
 Косованов А. П. 1, 11, 12, 39, 68, 128
 Костычев П. 15
 Кропоткин П. А. 15
 Крылов И. А. 104
 Кузьмин В. И. 128
- Лебедев В. С. 8, 34, 52
- Маковицкий, Д. П. 128
 Милтон Дж. 118
 Михайловский Н. К. 68
- Николаев С. Д. 15
 Новиков М. П. 7, 8
- Оболенский, Л. Е. 28
- Покровская И. А. 28
 Попов П. М. 42, 56, 86, 92
 Пругавин А. С. 1
 Пруцков Н. И. 1, 5, 8, 68
- Розанова С. А. 12
 Русанов Г. А. 10
- Сагайский В. А. (псевд. В. И. Кузьмина) 128
 Светлицкий К. Н. 111
 Семевский В. И. 10
 Семенов С. Т. 10
 Семион 50
 Серафим 50
 Сибиряков К. М. 9
 Сютаев В. К. 1, 5, 7, 12
- Теляковский Л. К. 99
 Тимирязев К. А. 15
 Тэн И. 56
- Урусов Л. Д. 8
 Успенский Г. И. 1, 5, 6, 8, 11, 25, 39, 66-68, 133, 136-139
- Федянин Г. П. 53-55, 125
 Филарет 50
- Черняев И. М. 124
 Чертков В. Г. 8, 20
- Шмидт М. А. 11
 Шохор-Троцкий К. 5
 Шредер Ф. 12
-
- Cruger M. 1
 Gide, C. 10
 Heier, E. 6
 Pagès A. 1, 78
 Smyrniw W. 88
 Treadgold D. W. 6
 Tseytline B. 1, 78
 Vucinich W. S. 6
 Woodsworth J. 88

Много уважаемым Лева
Михолаевиче.

Я получил от Вас по-
сылку с теми свои рукописи. Мо-
голько сего письма, и чрез то
трет все сумми и начина
но ли отсюда хотя порада
шом в книгу впрок, и то
завету.

У меня есть догадка что я
огорчил Васе много словем
в письме к Вам. Этим
никогда не обилие сего
когда слова для Вас.

Да неужели не достала у Ва-
миллердиз покрите и до
том или ирментам
в моем письме к Вам.
Я говорю в письме к Ва-
миллердиз и сего ковар-
ством или злодейство
а отсюда сердца

Во таком случаѣ сам и прох
 ралось ити иже бы ямъ тѣмъ
 много вѣтше слова для Васъ,
 та прощу и умоля Васъ Л. Н.
 иже самъ. Бога зову иже про
 все нечестивые прошедше

Я отогналъ къ Вамъ въ про
 шедшемъ Январѣ, дообъявля
 50 статей въ мое рукопи
 си чрезъ Мебучевъ; и такъ же
 безъ письма.

Есть еще много очень нужна
 въ свѣдѣннѣ Васъ, но опасаясь
 какъ бы по прѣжнему не про
 мадутся въ слово

Вашъ Т. М. Бондаревъ.

Первая половина февраля.
 Когда Мебучевъ подастъ на пог
 нбу не знаю.

Bayerische
 Staatsbibliothek
 München

Письмо Т. М. Бондарева к Л. Н. Толстому:
 Первая половина февраля 1886 г.

А. Д. Донов - 9783954791408
 Downloaded from PubFactory at 01/10/2019 03:03:34AM

via free access

VORTRÄGE UND ABHANDLUNGEN ZUR SLAVISTIK

– herausgegeben von Peter Thiergen (Bamberg) –

Verzeichnis der bislang erschienenen Bände

(W. Schmitz Verlag, Gießen)

- Band 1: Peter Thiergen
Turgenevs "Rudin" und Schillers "Philosophische Briefe".
 (Turgenev Studien III)
 1980, 66 S., broschiert, DM 19,80
- Band 2: Bärbel Miemietz
Kontrastive Linguistik. Deutsch-Polnisch 1965–1980.
 1981, 132 S., broschiert, DM 25,–
- Band 3: Dietrich Gerhardt
*Ein Pferdename. Einzelsprachliche Pointen und die Möglichkeiten ihrer
 Übersetzung am Beispiel von A. P. Čechovs "Lošadinaja familija"*.
 1982, 69 S., broschiert, DM 20,–
- Band 4: Jerzy Kasprzyk
Zeitschriften der polnischen Aufklärung und die deutsche Literatur.
 1982, 93 S., broschiert, DM 20,–
- Band 5: Heinrich A. Stammler
Vasilij Vasil'evič Rozanov als Philosoph.
 1984, 90 S., broschiert, DM 20,–
- Band 6: Gerhard Gieseemann
*Das Parodieverständnis in sowjetischer Zeit. Zum Wandel einer lite-
 rarischen Gattung*.
 1983, 54 S., broschiert, DM 19,–
- Band 7: Annelore Engel-Braunschmidt
*Hebbel in Rußland 1840–1978. Gefeierte Dichter und verkannter
 Dramatiker*.
 1985, 64 S., broschiert, DM 20,–
- Band 8: Suzanne L. Auer
Borisav Stankovičs Drama "Koštana". Übersetzung und Interpretation.
 1986, 106 S., broschiert, DM 25,–

(Otto Sagner Verlag, München):

- Band 9: Peter Thiergen (Hrsg.)
Rudolf Bächtold zum 70. Geburtstag.
 1987, 107 S., broschiert, DM 22,-
- Band 10: A. S. Griboedov
Bitternis durch Geist.
 Vers-Komödie in vier Aufzügen. Deutsch von Rudolf Bächtold.
 1988, 101 S., broschiert, DM 20,- (vergriffen)
- Band 11: Paul Hacker
Studien zum Realismus I. S. Turgenevs.
 1988, 79 S., broschiert, DM 20,- (vergriffen)
- Band 12: Suzanne L. Auer
Ladislav Mňáčko. Eine Bibliographie.
 1989, 55 S., broschiert, DM 16,-
- Band 13: Peter Thiergen
*Lavreckij als "potenzierter Bauer". Zu Ideologie und Bildsprache in I
 Turgenevs Roman "Das Adelsnest".*
 1989, 40 S. Text plus 50 S. Anhang, broschiert, DM 18,- (vergriffen)
- Band 14: Aschot R. Isaakjan
Glossar und Kommentare zu V. Astafjews "Der traurige Detektiv".
 1989, 52 S., broschiert, DM 10,-
- Band 15: Nicholas G. Žekulin
*The Story of an Operetta: Le Dernier Sorcier by Pauline Viardot and I
 Turgenev.*
 1989, 155 S., broschiert, DM 18,-
- Band 16: Edmund Heier
Literary Portraits in the Novels of F. M. Dostoevskij.
 1989, 135 S., broschiert, DM 18,-
- Band 17: Josef Hejnic (u. Mitarbeiter)
Bohemikale Drucke des 16.-18. Jahrhunderts.
 1990, 65 S., broschiert, DM 8,-
- Band 18: Roland Marti
Probleme europäischer Kleinsprachen: Sorbisch und Bündnerromanisch
 1990, 94 S., broschiert, DM 17,-

- Band 19: Annette Huwyler-Van der Haegen
Gončarovs drei Romane – eine Trilogie?
1991, 100 S., broschiert, DM 20,–
- Band 20: Christiane Schulz
Aspekte der Schillerschen Kunsttheorie im Literaturkonzept Dostoevskijs.
1992, 258 S., broschiert, DM 40,–
- Band 21: Markus Hubenschmid
Genus und Kasus der russischen Substantive: Zur Definition und Identifikation grammatischer Kategorien.
1993, 134 S., broschiert, DM 20,–
- Band 22: France Bernik
Slowenische Literatur im europäischen Kontext. Drei Abhandlungen.
1993, 75 S., broschiert, DM 16,–
- Band 23: Werner Lehfeldt
Einführung in die morphologische Konzeption der slavischen Akzentologie.
1993, 141 S., broschiert, DM 30,–
- Band 24: Juhani Nuorluoto
Die Bezeichnung der konsonantischen Palatalität im Altkirchenslavischen. Eine graphematisch-phonologische Untersuchung zur Rekonstruktion und handschriftlichen Überlieferung.
1994, 138 S., broschiert, DM 25,–
- Band 25: Peter Thiergen (Hrsg.)
Ivo Andrić 1892–1992. Beiträge des Zentenarsymposiums an der Otto-Friedrich-Universität Bamberg.
1995, 161 S., broschiert, DM 25,–
- Band 26: Sebastian Kempgen
Russische Sprachstatistik. Systematischer Überblick und Bibliographie.
1995, 137 S., broschiert, DM 25,–
- Band 27: Peter Thiergen (Hrsg.)
Ivan S. Turgenev – Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der Internationalen Fachkonferenz aus Anlaß des 175. Geburtstages an der Otto-Friedrich-Universität Bamberg, 15.–18. September 1993.
1995, 282 S., broschiert, DM 44,–